

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

НАСЛЕДИЕ 2

Наследие

Сергей Тармашев

Наследие 2

«Издательство АСТ»

2013

Тармашев С. С.

Наследие 2 / С. С. Тармашев — «Издательство АСТ»,
2013 — (Наследие)

ISBN 978-5-271-46037-1

К 2267 году население полумертвой планеты почти поголовно мутировало, а сама Земля превратилась в ад: атмосфера ядовита, почва отравлена. Но существует легенда о древнем Наследии, которое спасет человечество, и вот уже группа добровольцев готова идти на верную гибель ради призрачного шанса на возрождение жизни... Смельчакам противостоит не только обезумевшая природа и монстры-лиги. Самые коварные враги — власть имущие. Такие же, как их предки, которые в далеком прошлом сделали выбор в пользу больших денег... Долгожданное продолжение «Наследия», главного российского эко-бестселлера! В основу книги легли реальные сенсационные факты, которые тщательно скрывают от нас и которые кричат: «Остановись! Или будущее не наступит никогда!»

ISBN 978-5-271-46037-1

© Тармашев С. С., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Часть первая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Сергеевич Тармашев

Наследие 2

От автора

С момента выхода в свет первой книги «Наследие» минуло два года, и мир всё глубже увязает в трансгенной трясине. Теперь уже имеется множество научных данных, свидетельствующих не просто о вредности ГМО, но надрывно кричащих об их смертельной опасности. Однако властимущие не торопятся оградить граждан нашей, и не только нашей, страны от ядовитой заразы, являющейся бомбой замедленного действия для будущих поколений. Чиновники усердно пляшут под дудочку транснациональных биотехнологических корпораций, защищая интересы их бизнеса, который, вне всякого сомнения, давно является для них своим. Судьба наших детей, внуков и правнуков, которым достанется искалеченное будущее и отравленная планета, им неинтересна. Но любое государство в первую очередь состоит из простых людей, и у нас ещё есть шанс не позволить хапугам мирового масштаба распоряжаться судьбами будущих поколений. Ситуация с ГМО становится угрожающей, время уходит, и голоса немногочисленных активистов, ведущих борьбу в меньшинстве против баснословно богатых корпораций-монстров, тонут в дружном чавканье миллионов равнодушных. Я не мог не написать эту книгу.

Абсолютно все факты, изложенные в первой части книги, подлинны и имеют научное подтверждение. Научный материал для этого произведения собирали реальные ученые и действующие борцы с ГМО. После выхода первой книги многие упрекали меня в её излишней «научности». Отвечаю им: ЭТУ книгу можете не читать. Ибо она утомит ваш непривыкший к работе изнеженный мозг ещё сильнее. Эта вещь создавалась для людей мыслящих, анализирующих, и – в первую очередь! – неравнодушных. Тех, кому не безразлично, какими и где вырастут их потомки. Заранее прошу всех понять: все книги «Наследия» создаются ради первых двух частей текста. Третья часть служит исключительно развлекательным дополнением. Хотя это не означает, что в неё не заложен смысл.

Автор благодарит за экспертные консультации и предоставленные научные данные следующих специалистов:

Президента Общенациональной Ассоциации Генетической Безопасности, кандидата биологических наук Баранова Александра Сергеевича.

Кандидата биологических наук Цыдендамбаева Владимира Дылыковича.

Секретаря Альянса стран Содружества Независимых Государств «За биобезопасность» Копейкину Викторю Борисовну.

Автор выражает глубокое уважение всем ученым и общественным деятелям, беззаветно и, зачастую, за свой собственный крохотный счет, сражающимся с трансгенной отравой и её владельцами, легко тратящими миллионы на то, чтобы всячески скрывать правду, затыкать рты несогласным и очернять неподкупных. Читатель, помни! Сейчас эта горстка непокорных борцов, не желающих обменивать свою Совесть на звон серебряников, – это и всё, что стоит между будущим твоих детей и теми событиями, что описаны в этой книге.

«Меня не интересует, кто ведёт политику данного государства. Дайте мне возможность управлять денежной системой этого государства, и я буду руководить этими политиками».

Знаменитый еврейский банкир Ротшильд, 1780 г.

«Нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал ради трёхсот процентов годовых».

Знаменитый еврейский экономист Карл Маркс, 1867 г.

«Всё в бизнесе должно быть подчинено одной цели – получению прибыли. Любой проект обязан приносить дивиденды. Настоящий бизнесмен умеет извлечь выгоду из любой, даже самой провальной ситуации, финансовую, политическую или имиджевую – это вопрос реализации конкретной схемы. Но если проект не имеет ценности и не несет в себе ничего, кроме неких невнятных перспектив в туманном будущем, я похороню его, не задумываясь. Чьи бы чаяния и надежды он ни представлял, и сколь угодно праведным кому-то там ни казался. Мнение толпы голодранцев меня интересует меньше всего. Это бизнес, а не благотворительный приют для нищих. Здесь выживает сильнейший».

Знаменитый российский олигарх Эдуард Шрецкий, 2103 г.

Пролог

Угличский Центр Сохранения Генетических Ресурсов, блок Правительственной Связи, максимальный режим секретности, 17 декабря 2267 года, 10 часов 28 минут по времени Волжского Каскада.

Закрытое совещание шло вот уже полчаса, но лица Президентов на сбоящих помехами обшарпанных экранах видеосвязи по-прежнему сохраняли непроницаемые выражения. Доклад профессора Синицына, увлеченно излагающего громадьё планов по спасению мира, не вызывал у слушателей ни малейшего энтузиазма. Ни грандиозная схема объединения остатков Человечества, нанесенная профессором на исцарапанную от многолетнего использования целлулоидную поверхность политической карты мира, занимавшую почти всю стену переговорного зала и одновременно закрывавшую изрядную часть трещины от пола до потолка, ни пламенная речь старого ученого, подкрепляемая самодельной презентацией, что демонстрировалась на покрытом битыми пикселями настенном экране, ни усыпанная научными выкладками кипа распечаток, коей потрясал Синицын перед старой широкоугольной видеокамерой, ничто не подвигло слушателей на хоть сколь-нибудь эмоциональную реакцию. Присутствующие продолжали хранить напряженное молчание.

Вполне ожидаемая реакция, отметил Федотов, старик явно не отдает себе отчет, что его прожекты о поисках Наследия Шаро Предрекшей есть не просто чистой воды афера, но и огромный геморрой для любого руководителя... Президент незаметно поморщился. Какого черта вся эта авантюра с рейдом в Новодевичий монастырь закончилась настолько хреново?! Мало того, что Центр потерял безумное количество военно-материальных ценностей и личного состава, так ещё на его, Федотова, голову свалился чертов контейнер с координатами! В результате весь Волжский Каскад стоит на ушах, третью неделю Центры гудят, словно растревоженное гнездо ядовитых насекомых-мутантов. Люди требуют от своих Президентов решительных действий. Он усмехнулся. Глупость электората всегда веселила его. Они будто всерьез считают, что чуть ли не со дня на день отравленная полумертвая планета зацветет и все будут жить в сказке, осталось всего-то потерять некую мифическую лампу Аладдина. Одни только новостные заголовки чего стоят: Дашь Наследие! Да здравствует рейд в Калифорнию! Обитатели ЦСГР всех стран, объединяйтесь! Превратим Трехсотлетие в Двухсотлетие! Близится великий день Возвращения!

Федотов мысленно скривился, внешне ничем не выдавая эмоций. День Извращения близится, а не Возвращения! Обывателю не понять ни политических, ни экономических рисков сложившейся ситуации. Информация о находке Синицына разлетелась по Волжскому Каскаду едва ли не мгновенно, и поистине беспрецедентные меры, принятые Службой Безопасности для сохранения государственной тайны, не дали никакого результата. Вот уже неделю, как о находке знает вся страна. Президенты всех ЦСГР России, не сговариваясь, взяли под вооруженную охрану узлы Дальней и Правительственной Связи, чтобы предотвратить утечку стратегической информации за границу. Если подобное произойдет, это будет катастрофа, ни много ни мало. Желаящие наложить лапу на такое сокровище найдутся моментально, однако наивные идиоты-идеалисты от электората, лидером которых внезапно стал этот старый профессор-маразматик, похоже, на полном серьезе верят в свою дурацкую идею объединения усилий... Президент вновь прислушался к речи Синицына.

– Но, самое главное, господа Президенты, – вдохновенно вещал учёный, – Шаро Предрекшая со свойственной ей безграничной мудростью и столь же безграничным человеколюбием предвидела всю полноту трагизма ситуации, сложившейся в мире на данный момент! Все мы прекрасно знаем, что, судя по имеющейся части координат Наследия, оно располо-

жено весьма далеко от Москвы, где была найдена первая часть послания Великой Шаро своим потомкам! Наследие может находиться как в Азии, так и в Африке, и даже в Южной Америке! А вторая часть координат укрыта в Калифорнии, на другом конце света от первой! И это неслучайно, господа!

Профессор вновь схватил длинную указку и принялся тыкать обломанным плексиглазовым острием в карту мира, невольно попадая в закрываемую ею трещину в стене, отчего поверхность карты немного продавливалась и искривлялась.

– В этом заложен глубокий смысл! – провозгласил он. – Одному Центру, где бы он ни был, не разыскать Наследие! Только объединив усилия, мы сможем найти сокровище Шаро Предрекшей! Мы нашли первую часть! Калифорнийские Центры отыщут вторую!

– В Калифорнии не осталось ни одного Центра, – вкрадчиво перебил седого профессора Федотов, – последний из них, ЦСГР «Монтичелло», был уничтожен лигами двадцать лет назад.

Однако данное замечание не остановило ученого, наоборот, тот продолжил вещать с ещё большим энтузиазмом:

– Значит, рейд должны снарядить Центры Аризоны! Мы должны связаться с Колорадским Альянсом! Они смогут организовать экспедицию! Возможно, им стоит заключить перемирие или даже союз с какой-нибудь группировкой лигов, проживающих в районе Лос-Анджелеса! Я уверен, ради столь великой цели, как возрождение планеты, захотят сплотиться все!

На этой фразе Синицына кое-кто из участников секретного совещания позволил себе слегка поднять брови в знак услышанного абсурда, но подслеповатый старик не заметил столь мимолетных жестов. Зато они не укрылись от внимания Федотова, и Президент с удовлетворением отметил, что по крайней мере часть руководителей разделяют его собственный скептицизм. Тем временем седой профессор рьяно водил по карте обломанной указкой.

– Именно это и подразумевала Шаро Предрекшая! – торжествующе заявил он. – Объединение! Сплочение остатков Человечества воедино перед лицом непоправимой трагедии! Ни у одного Центра не хватит ресурсов на столь масштабную и дорогостоящую экспедицию! Поэтому мы должны объединиться! Чистые, лиги – неважно, только сообща мы сможем отыскать Наследие и остановить медленную гибель планеты! И Великая Шаро дала нам шанс сделать это! Россия нашла первую часть координат, США отыщут вторую, Азия или Африка разыщут само сокровище...

«...и заберут его себе!» – мысленно усмехнулся Федотов. На лицах присутствующих появилось выражение неприкрытого пренебрежения, и он решил, что пришло время брать ход совещания в свои руки. Старый маразматик набредил достаточно. Президент Угличского ЦСГР властным движением руки прервал старого ученого на полуслове:

– Разумеется, профессор, именно с этой целью мы и проводим данное совещание. – Федотов вонзил в Синицына суровый взгляд. – Все Центры России держатся друг за друга, это общеизвестно. Без взаимопомощи мы бы давно уже погибли, и вам, как ученому, данный факт должен быть виден, как никому другому, господин Синицын! Только благодаря программам обмена семенным, генетическим и информационным фондами мы все ещё живы, не говоря уже о взаимной торговле! Ваши намеки на разобщенность вызывают определенное недоумение!

“Я... – старик несколько стушевался, – я имел в виду необходимость международной консолидации усилий! – попытался оправдаться он, но Федотов не дал ему ни единого шанса вновь продолжить выступление.

– Полеты в другое полушарие сопряжены с огромным риском! – Президент Угличского ЦСГР слегка повысил голос. – Авиационный парк подвержен серьезному износу, и мы, как руководители, не имеем права рисковать человеческими жизнями! Для нас это величайшая ценность, господин профессор! Вам ли объяснять, что численность населения Центров неуклонно снижается из года в год? Кроме того, не каждый Центр имеет в своем распоряжении

взлетно-посадочную полосу, способную обслуживать тяжёлые дальнемагистральные самолеты! Не говоря уже о том, какой дорогой ценой нам достается горючее!

– Но... – замешкался Сеницын, – в данной ситуации достаточно лишь связаться с Колорадским Альянсом... Они смогут организовать экспедицию к Лос-Анджелесу своими силами, я уверен...

– Значит, вы уверены! – угрюмо уточнил Федотов. – Вам, видимо, хорошо известна военная обстановка в Калифорнии, возможности Колорадского Альянса, а тот факт, что во всей Калифорнии вот уже двадцать лет нет ни одного чистого человека, не более чем досадное недоразумение? Американцы с легкостью бросят в бой любое количество людей, не заботясь об их жизнях?

– Я подразумевал совсем не это... – испуганно оправдывался старик. – Но, господин Президент, это же Наследие! Это единственный шанс для всего Человечества! Разве он не стоит риска...

– Вот именно! – окончательно заткнул его Федотов. – Возрождение планеты стоит любых рисков! Но наш долг, как руководителей, отвечающих за жизни людей, сводить любые риски к минимуму. А в данном случае мы даже не знаем, с чем столкнулись. До сих пор ничто не дает ни малейшей ясности по вопросу: «А что же такое есть Наследие?» Только в рейде за первой частью координат погибло тридцать человек! Тридцать, профессор, или вы забыли? Вы считаете, что этого мало?

– Нет, ни в коем случае... – побледнел Сеницын, но закончить ему вновь не позволили.

– И все мы с вами более чем согласны! – подытожил Федотов, поднимаясь из кресла. – Без сомнения, весь мир обязан объединить усилия для поисков Наследия! – Он жестом предложил профессору занять предназначенное для него место. – Мудрость и дальновидность Шаро Предрекшей не подлежит сомнению, однако мы должны предусмотреть любые варианты. Например, Колорадский Альянс откажется от рейда в силу неких непреодолимых обстоятельств. Всякое может быть. Не исключено, что у Альянса нет военной возможности прорваться в Калифорнию. Даже нам известно, что в тех местах обитает одна из самых многочисленных и кровавых военизированных группировок лигов. Они жестоко убивают каждого чистого, которого встретят, и это делает невозможным проведение переговоров. Кроме того, в Колорадском Альянсе нам могут попросту и не поверить.

– Мы предоставим исчерпывающие данные! – немедленно загорелся Сеницын. – Я подготовлю пакет крайне серьезных исследований! Их результаты убедят американцев, я сорок лет занимался этой проблемой...

– Мы не сомневаемся в вашей компетентности, профессор, – остановил старика Федотов, – но, как я уже сказал, обязаны предусмотреть всё. В том числе и организацию рейда к Наседию своими силами. Вы упомянули, что оно может быть расположено в Китае?

– Это лишь мои собственные домыслы! – возразил седой учёный. – Фактически они основываются лишь на том, что Шаро Предрекшая в совершенстве владела китайским языком, а полученная нами часть координат, широта, проходит по значительной территории Китая. Вынужден признать, что это слишком притянuto. В архивах службы безопасности концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» времен запрещения МАГБ имеется масса документов, свидетельствующих об особой финансовой и юридической активности соратников Шаро в Индии...

– Служба Безопасности нашего концерна в те годы так ничего и не нашла, – махнул рукой Федотов. – А вот вам удалось преуспеть, профессор, да ещё и в одиночку, на основании одного лишь анализа имеющихся данных. Поэтому ваше мнение для нас особенно ценно. Все мы убедительно просим вас и впредь быть ведущим консультантом страны по этому вопросу, а также по вопросам организации экспедиции за Наседием, если возникнет необходимость осуществить таковую своими силами. А сейчас я благодарю вас за исчерпывающий доклад и не смею более задерживать. Вы можете идти, господин Сеницын, я свяжусь с вами позже.

Федотов бросил короткий взгляд на дверь, из которой немедленно появилась его помощница. Сашенька, лучезарно улыбаясь, ненавязчиво вывела старика вон, и звуконепроницаемая дверь узла связи закрылась за ними. Убедившись в этом, Федотов обернулся к рябящим экранам видеосвязи.

– Господа Президенты, более полную картину происходящего описать невозможно, – он вернулся к своему креслу и уселся в него с мрачным видом. – Профессор Синицын стар и, как видите, впал в маразм, но основная проблема не в нем. Его идея представляет собой в буквальном смысле эпидемию, которая поразила едва ли не всё население моего Центра. Я не уверен едва ли не в половине рядового состава Службы Безопасности, раз предотвратить утечку информации не удалось. С этим необходимо что-то делать.

– У меня дела обстоят не лучше, – недовольно произнес с экрана Президент Рыбинского ЦСГР. – Народ будоражит, все требуют Наследия, решительных действий и так далее. Самопроизвольно организовавшееся общество желающих выступить в рейд за Наследием насчитывает уже сто тысяч человек, а это почти двадцать процентов населения.

– У меня их сто пятьдесят тысяч, – буркнул Президент Заволжского ЦСГР. Его экран подернулся рябью помех, но вскоре связь наладилась, и стало возможно разобрать его слова: —...полный бред. Требуют организовать рейд в аэропорт Стригино. Хотят чуть ли не присоединить его к Центру, потому что моя взлетно-посадочная полоса не рассчитана на дальнемагистральные самолеты. Которых, кстати, нет ни у кого в Волжском Каскаде. Насколько я пони-
маю, они имеются только у Сибирского Союза.

– Это ровным счетом ничего не меняет. – Президент Дивногорского ЦСГР демонстративно посмотрел на часы: – У нас есть ещё восемнадцать минут до выхода спутников из зоны взаимной коммутации. Потом мы потеряем связь. Поэтому предлагаю решить эту проблему побыстрее. Я не стану отправлять самолет ни в Лос-Анджелес, ни в любой другой город набитой лигами Калифорнии. Это афера чистой воды. Я не хочу терять ни самолет, ни горючее, ни людей. Мне хватает головной боли со своими лигами. Нам требуется другое решение, и побыстрее, пока эта ваша эпидемия Наследия не докатилась до моего Центра.

– Согласен, – коротко заявил Президент Братского ЦСГР. – У меня уже поползли первые слухи. Долго удерживать их в узде не получится. Придется либо полностью свернуть торговлю со всеми Центрами, что неприемлемо, либо давать толпе доступ к информации и брать ситуацию в свои руки, пока её не взял кто-то другой.

– Я отдал приказ о снятии грифа «совершенно секретно» с информации о находке Углича ещё вчера, – Президент Саяногорского ЦСГР, шестидесятипятилетний старик с густой седой шевелюрой, недовольно скривился. – Данные уже просочились в широкие слои населения. Скрывать глупо, это может привести к возникновению оппозиции. Искоренить её двадцать лет назад мне обошлось слишком дорого. Я согласен с моими союзниками – губить самолет нельзя. Отдать всё в руки американцев – думаю, все здесь прекрасно понимают, что это значит. Поэтому я снова предлагаю «Русскому Острову» отправить в Калифорнию корабль. У моряков больше шансов.

– Самолет отправлять жалко, а корабль, стало быть, нет, – лениво усмехнулся с ободранного экрана очень тучный человек в адмиральском мундире, – особенно чужой. У меня тут не Сибирский Союз, я на отшибе, выживаю едва ли не в одиночку. Людей не хватает, топлива в обрез и лигов на побережье полно, боеприпасы в большой цене. Каждый корабль на счету, тем более боевой, и тем более сейчас, когда Зейский Центр вторую неделю не выходит на связь. Среди населения зарождаются панические настроения, мне тут не до ваших сказок! Москва далеко, и что там нашли – людей волнует куда меньше, чем собственная жизнь. А если лиги снесли-таки Зейский, то на весь Дальний Восток мы остались одни – одинёшеньки, а зимы сейчас холодные, от берега морем не отгородишься! Теперь воинствующие уроды и калеки попрут на нас, так как больше им кидаться не на кого! В сложившейся сверхопасной ситуации

я, в свою очередь, снова заявляю, что не собираюсь отрывать от себя боевую единицу, сколько можно это обсуждать? Тем более в угоду каким-то религиозным бредням! Кто вообще сказал, что игра стоит свеч?! У нас есть хоть капля уверенности в том, что это чудо-Наследие не более чем последняя издевка желчной старухи над своими победителями?! Кроме бредовых идей вашего полоумного старика? Даже если мои парни достанут вторую часть координат, туда ещё надо будет как-то попасть! Уже сейчас ясно, что находится оно не в России, то есть очень далеко от любого из нас! И не факт, что это самое Наследие не окажется пустышкой!

– Поддерживаю! – немедленно подхватил Президент Дивногорского Центра. – Мы рискуем потратить огромные силы и средства на погоню за фантомом. Ненависть, которую питала Шаро Предрекшая к Концерну, общеизвестна. Да и что такого могла сделать МАГБ после своего краха, если в лучшие-то времена проигрывала Концерну во всём? К тому же все их активы после запрещения перешли к «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Господа, а не умнее ли для всех нас будет попросту замять всю эту историю?

– Полагаю, вы не в полной мере понимаете, что тут у нас происходит, – невесело ухмыльнулся Федотов. – У меня есть все шансы заполучить бунт, если я попытаюсь спустить это на тормозах!

– И не у него одного! – хмыкнул Президент Заволжского. – За последний квартал у меня на птицеферме не вылупилось ни одного цыпленка, генетически модифицированные популяции достигли репродуктивного предела поколений, сто процентов оставшегося поголовья бесплодно. Пришлось снизить нормы рационов для некоторых социальных групп и увеличить трудовую нагрузку на население, занятое в промышленном производстве. Готовим к весне серию крупных бартерных предложений, дабы закупить племенной фонд, – он криво усмехнулся. – Так что протестные настроения у меня более чем свежи. Если генерал Федотов объявит об отказе от рейда за Наследием, то население моего Центра потребует организации экспедиции от меня!

– Как две капли воды похожая ситуация! – недовольно поморщился Президент Рыбинского Центра. – Господа, нам необходимо более взвешенное решение, у нас тут весь Волжский Каскад на взводе, мы фактически сидим на пороховой бочке! Моя Служба Безопасности вторую неделю задерживает представителей молодежи, порывающихся угнать дирижабль. Эти дебилы создали в сети движение «Оккупируй дирижабль», протестуют против «неумелого руководства»! Ситуация осложняется тем, что информация о работах профессора Синицына просочилась в общественность, и теперь любой ребенок в Центре запросто назовет вам найденную половину координат и расскажет о бутафорской могиле доктора Уэйна в Лос-Анджелесе.

– Так ты не мешай им, Борис Адамович, – улыбнулся Президент Саяногорского ЦСГР, – погрузи их всех на дирижабль и отправь прямиком в Калифорнию! И одной заботой станет меньше.

– Это было бы смешно, если б не было грустно! – зло фыркнул Борис Адамович. – Молодежи и без того не хватает, а ведь это рабочие руки на ближайшие десятилетия! Сопляков теперь мало, и народ над ними трясется, как та курица над единственным яйцом! А к взвинченной толпе приходится прислушиваться! Стоит объяснять?!

– Не кипятись, – примирительно произнес Президент Рыбинского, – не ты один такой, это общая проблема. Вон сколько денег в трубу выбрасываем ради этой чепухи с программой обмена генофондом! Всё для спокойствия электората, порази его Шаро Предрекшая... Кстати, о Шаро, гори она в аду синим пламенем, – старый Президент бросил взгляд на часы, – есть предложение. Мы всем Сибирским Союзом покопаемся в старых архивах «СК» и конечно же найдем некие секретные документы. В которых будет сказано, что Службе Безопасности Концерна сразу после запрещения МАГБ стало известно о том, что люди Шаро Великой предприняли серию попыток направить следствие по ложному следу, дабы отвлечь правосудие от самой Шаро. В том числе в эти попытки входила организация тайников, содержащих псевдокоординаты

наты вымышленного Наследия, что ещё более подогрело ходящие о нем среди лигов слухи. Но прямо заявить о том, что координаты ложные, будет игрой слишком грубой и чреватой.

– Этого достаточно, – Федотов на секунду задумался, анализируя родившийся план действий, после чего уверенно тряхнул головой: – Более того, это как раз то, что нужно. Я смогу извлечь необходимую пользу из этих внезапно рассекреченных документов. И, очень возможно, проблему удастся убить на корню. Скоро связь прервется, поэтому разумнее будет продолжить совещание завтра, как только спутники вновь окажутся в области взаимной видимости. К этому времени я подготовлю свои предложения.

Настойчивый стук в дверь вывел Сеницына из зыбкого сна. Оказывается, он задремал прямо перед ноутбуком. Старик сконфуженно приподнял съехавшие на кончик носа очки и потер глаза. Что поделаешь, если новое кресло, выделенное ему администрацией Президента из запасников президентской же канцелярии в качестве улучшения условий труда выдающегося ученого современности, оказалось столь удобным. Последний десяток лет он пользовался стареньким пластиковым стулом, расхлябанным донельзя...

– Профессор Сеницын! Николай Федорович! – обшарпанная дверь, держащаяся больше на честном слове, нежели на расхлябанных петлях, вновь задрожала под натиском извне. – Вас срочно вызывают к Президенту! Николай Федорович? С вами все в порядке? Профессор?!

– Иду, Витенька, – прокричал старик, выбираясь из кресла. Он сделал пару шагов на негнущихся спросонья ногах и открыл покрытый облупившейся краской шпингалет, выполняющий функции давным-давно сломавшегося замка. – Что стряслось? Откуда такая спешка?

Профессору подумалось, что за всю его долгую службу его ни разу не вызывали к Президенту, аудиенции всегда приходилось добиваться самостоятельно, и порой на это уходили многие дни. Правда, после возвращения из Москвы их рейда Федотов со свитой дважды лично посещал его кабинет, и даже пригласил Сеницына сделать доклад на совещании Президентов российских ЦСГР, посвященном организации экспедиции к могиле доктора Уэйна... Может быть, Президенты уже изучили все представленные им данные и начали подготовку? Старик отворил дверь, и в утопающий во мраке едва живой лампочки крохотный кабинет ворвался вихрь в виде одного из его новых ассистентов, закутанного в зимние одежды.

– Николай Федорович, скорее одевайтесь! – молодой человек, едва переступив порог, немедленно бросился к платяному шкафу и извлек оттуда тулуп профессора. – Полчаса назад узел связи провел сеанс с «Русским Островом»! Говорят, Сибирский Союз прислал какую-то сверхсекретную документацию, а у моряков вообще был разговор с американцами! Президент ждёт вас для обсуждения немедленно! Всё строго засекречено, но у меня родственник служит в охране узла связи, у них пошел слух, что появились какие-то новые данные о Наследии Великой Шаро!

– Невероятно! – Сеницын поспешно влез в заботливо поданный ассистентом тулуп и с кряхтением принялся возиться с валенками. – Я иду немедленно! Неужели американцы отыскали вторую часть координат?! – Он наконец-то справился с валенками и подставил голову под шапку-ушанку.

– Так ведь и недели не прошло с совещания Президентов! – усомнился ассистент, закутывая профессора в шарф. – Разве рейд из Колорадского Альянса успел бы добраться до Лос-Анджелеса? И Президент ничего не сообщал о переговорах с американцами!

– Центр «Гувер» традиционно удерживает в Калифорнии нефтедобывающую станцию! – старик, наглухо запакованный в тяжелую зимнюю одежду, потянулся за своим ноутбуком. – Если наши американские коллеги все ещё сохранили над ней контроль, то рейд мог выдвигаться оттуда. В таком случае они вполне могли уже вернуться назад! – Профессор выдернул из розетки шнур питания ноутбука и с гордостью посмотрел на исцарапанный экран, на котором вспыхнуло сообщение о переходе устройства на работу от аккумулятора. Сразу после его триумфального возвращения, Президент лично велел изыскать для Сеницына работоспособный

аккумулятор. – А о переговорах с Колорадским Альянсом могли не сообщать из соображений безопасности. Наш Президент в прошлом генерал, вы же знаете, Витенька, военные весьма скрупулезно относятся к режиму секретности и иногда перегибают палку. – Старик привычным движением сунул ноутбук за пазуху и возвестил: – Скоро всё прояснится! Идемте!

Ассистент первым выскочил из погруженного в полумрак кабинета и потащил за собой профессора по длинному коридору. Охрана входного шлюза оказалась предупреждена о срочном вызове государственной важности, и шлюзовая переборка поползла вверх, едва профессор с ассистентом приблизились к шлюзовой камере. Следующее чудо ожидало Синицына на выходе: прямо у входа в их гермокорпус стоял электромобиль Президентской канцелярии, и стоящий подле него солдат с автоматом на груди распахнул дверь перед запыхавшимся от бега по бесконечному коридору стариком.

– Прошу вас, профессор! – Он помог неуклюжему в громоздких одеждах Синицыну взобраться внутрь и грозно посмотрел на ассистента: – У вас нет допуска, гражданин! Режим секретности уровня «государственная тайна», едет только профессор Синицын!

– Оставайтесь, Витенька, и дождитесь меня! – профессор устроился поудобнее на мягком сиденье, обтянутом истертым, многократно штопанным дерматином. – Мы приступим к работе сразу же, как только я получу новые данные!

– Да, да, конечно, Николай Федорович! – поспешно откликнулся ассистент, пряча руки от едко щиплющего кожу мороза в глубоких карманах тулупа. – Я буду в лаборатории!

Солдат забрался в автомобиль, задвинул за собой дверь и кивнул водителю. Едва стихло шипение воздуха в системе герметизации, машина скрипнула и тихо покатила вперед. Старый профессор удовлетворенно вздохнул. Ехать в тепле с комфортом, что ни говори, гораздо приятнее пешей прогулки длиной в километр по улицам Центра, насквозь прокалившегося жутким холодом. За периметром бушевали сильные ветра, вот уже вторую неделю не было снегопадов, и термометр показывал минус тридцать пять. В результате железобетонная консервная банка Центра Сохранения Генетических Ресурсов буквально звенела от мороза, и под исполинской крышей из прозрачного полимера температура опустилась ниже отметки в минус сорок ещё три дня назад. Надрывные завывания воздушных потоков не были слышны внутри герметичного пространства периметра, но неровное гудение элементов его конструкций, сопротивляющихся ударам почти ураганных ветров, давали весьма отчетливое представление о происходящем снаружи.

Но внутри теплого автомобиля царил полнейшее спокойствие, нарушаемое лишь легким поскрипыванием сидений, и старый профессор задумчиво разглядывал через затянутое потертым плексигласом окно серые близнецы гермокорпусов, неторопливо плывущие мимо. Если верить старым архивным данным, когда-то давно, ещё до наступления хаоса, этим краям столь жестокие морозы были не свойственны. Но за двести с лишним лет трансгенная зараза сожрала леса и почвы, превратив всё вокруг в заросли гигантских сорняков, источающих токсичную пыльцу, перемежающихся с чахлыми болезненными деревьями-мутантами, покрытыми гнилью, ядовитыми грибами и едкой плесенью. Бесконечные чащи этой растительности перемежались со столь же бесконечными пустошами, ранее бывшими сельхозугодьями, ныне уничтоженными трансгенными бактериями-мутантами и ставшие бесплодным суглинком. Эти пустоши, заболоченные вдоль ещё сохранившихся рек, и твердые, словно камень, в удаленных от водных артерий местах, словно некий пояс отчуждения скрывали внутри себя развалины городов и населенных пунктов. На этих многокилометровых пустошах ветра разгонялись порой до ураганных скоростей...

Старик вновь вспомнил прокаленные холодом руины Новодевичьего монастыря, извергавшие из себя поток лигов. Как только они выживают в таких поистине несовместимых с жизнью условиях? Память мгновенно развернула перед глазами картину кровавого расстрела рвущихся защитить свою святыню инвалидов, и Синицын погрузился. Всё таки наши предки

превратили некогда цветущую планету в нечто ужасное и уродливое, и теперь всё, что ещё не умерло на её поверхности от бесконечных мучительных страданий, жаждет смерти их потомков. И вот сейчас нам выпал последний шанс всё изменить. Сама Шаро Предрекшая послала его своим «чистым» потомкам, не исключено, что от нас теперь зависит будущее всей планеты! Мы не имеем права упустить такую возможность, Президенты не могут не понимать этого! Перед лицом великого возрождения меркнут любые политические и личные дрязги!

– Приехали, господин профессор! – голос солдата прервал его мысли. Автоматчик распахнул дверь, вылез наружу и подал старику руку: – Выходите, входной люк уже открывают.

Внутри Синицына встречали сразу трое: человек из президентской канцелярии и пара охранников. Его немедленно препроводили в приемную Президента и сдали с рук на руки улыбающейся Сашеньке.

– Здравствуйте, Николай Федорович! – девушка принялась проворно освобождать старика из плена огромного тулупа. – Президент ожидает вас! – Она сделала большие глаза и заговорщицки зашептала: – Там шифровальщики принесли что-то такое, от чего вся Служба Безопасности уже с ног на голову поставлена! И никто толком не знает, в чем дело! Президент как прочел шифровку, так сразу всё засекретил и за вами послал! Только, чур, я вам этого не говорила, а то мне попадет!

Она повесила на вешалку профессорский тулуп с ушанкой и быстро скрылась за дверью Президентского кабинета. Синицын, сжимая в руке топорщащийся отсохшим скотчем ноутбук, неуклюже попытался поправить на себе старенький пиджак и с огорчением обнаружил на месте верхней пуговицы торчащий пучок ниток. Как не вовремя, однако! Не к добру...

– Проходите, господин профессор! – объявила Сашенька, появляясь из дверей президентского кабинета. – Ноутбук можете оставить здесь, я за ним посижу!

Старый учёный вошел в кабинет, и она плотно затворила за ним массивные двери. Федотов был не один. Перед разложенной на столе папкой с документацией сидел начальник Службы Безопасности. Он хмуро кивнул ученому в знак приветствия и вновь погрузился в изучение какой-то бумаги.

– Присаживайтесь, Николай Федорович, – Президент указал старику на ближайшее свободное кресло. – Нам предстоит серьезный разговор. Только что нами были получены крайне тревожные известия.

– Что случилось?! – Синицын замер на полпути к креслу. – Американцы не смогли обнаружить могилу доктора Уэйна? Я предоставил недостаточно данных для поиска? **Я** могу пересчитать...

– Присаживайтесь, – перебил его Федотов. – Все гораздо серьезнее. Они отказались направлять рейд. Колорадский Альянс считает нашу информацию безосновательной.

– То есть как?! – опешил старый учёный. – Мы же представили убедительные доказательства...

– Генерал! – Президент кивнул начальнику Службы Безопасности. – Ознакомьте Николая Федоровича с текстом послания Колорадского Альянса.

– Вот оригинал, а вот полный перевод их сообщения, – безопасник протянул старику несколько целлулоидных листов многоцветной бумаги, густо покрытых распечаткой. – Передавали открытым текстом, по спутниковой связи через ЦСГР «Русский Остров». Действующих спутников на орбите почти не осталось, на тот момент это был единственный способ связаться с Альянсом. Иными словами, передача шла не напрямую, её слышали многие, поэтому долго удерживать в тайне эту информацию не удастся. Так или иначе, население узнает об ответе американцев.

Профессор торопливо нацепил очки и вчитался в строки послания. В его содержание он поверил не сразу. В первую минуту обида захлестнула его столь сильно, что Синицын отложил распечатку перевода и принялся за английский текст, надеясь убедиться в том, что все это лишь

ошибка некомпетентного переводчика. Но ошибки не было. Американцы прямо заявляли, что найденная им псевдомогилы Шаро Предрекшей не более чем пустышка. Сторонники опальной руководительницы и духовного лидера МАГБ сразу после запрещения ассоциации таким способом активно подогревали среди лигов и Заботливых слухи о якобы реальном существовании мифического Наследия. Многочисленные тайники с координатами внезапно обнаруживались в самых разных частях света, и в сердцах страдающих инвалидов и их несчастных родственников действительно крепла надежда на чудесное спасение. В реальности же разыскиваемые Интерполом по всему миру активисты МАГБ, приравненные резолюцией Совбеза ООН к террористам, со столь изощренным цинизмом играя на самой больной теме для миллиардов людей, таким способом пытались пустить по ложному следу сыщиков. Целью подобных профанаций являлось впутать следственные органы в бесконечную погоню за несуществующими сокровищами и отвлечь их от расследования реальных преступлений Шаро Предрекшей. Хотя её связь с преступлениями доктора-убийцы Уэйна и не была доказана, но в то время у Концерна имелись основания считать, что Великая Шаро была осведомлена о его чудовищных преступлениях. Не исключалось и её прямое пособничество этому жуткому маньяку. Расследование продолжалось даже после смерти Шаро Предрекшей и развалилось само собой с приближением Хаоса. Далее шел довольно большой список мест, где американцы находили подобные свидетельства как до Хаоса, так и после его наступления. Синицын пробежал глазами несколько листов и нашел окончание сообщения. Колорадский Альянс выражал уверенность в абсолютной недостоверности предоставленных российскими коллегами данных и советовал впредь не обращать внимания на подобную профанацию. Наследие Шаро Предрекшей – есть не более чем профессионально созданный миф, что и было доказано Службой Безопасности «Сёрвайвинг Корпорэйшн» ещё в те давние годы.

Несколько мгновений старый профессор сидел молча, абсолютно потрясенный прочитанным, после чего подавленно произнес:

– Это заблуждение, я уверен... я не мог ошибиться, я сорок лет занимался загадкой Наследия... Мне никогда не доводилось встречать ни единого упоминания об описанных в этом послании фальсификациях...

– Мы не объясним это людям, профессор! – жестко отрезал Федотов. – Как бы я ни держал данные сведения в секрете, правда быстро выплывет наружу! И что тогда мы им скажем? Что тридцать человек погибли ради охоты за химерой? Что вспыхнувшая в людских сердцах надежда есть не более чем результат неудачного политического фарса? Призванного повысить производительность труда и упрочить положение действующей власти? Вы же знаете, как легко общественное мнение меняет свои позиции на прямо противоположные! Извините, это была ошибка?! Нам никто не поверит. Это будет тяжелейший удар для всех без исключения людей, причем не только в нашем Центре! Весь Волжский Каскад следит за вашими трудами с того самого дня, когда мы объявили об организации рейда в Новодевичий монастырь!

– Но... как же так... – убитым голосом повторил старик, – я не мог ошибиться... – Он посмотрел на Президента полным отчаяния взглядом: – Господин Президент, позвольте мне лично составить письмо в Колорадский Альянс! Я тщательнейшим образом, подробнее распишу каждый аргумент! Наша находка не имеет ничего общего с фальсификацией! Мы получили подлинные координаты Наследия Великой Шаро! Я убежден в этом! Я смогу доказать, мне требуется лишь немного времени...

– Достаточно, профессор! – махнул рукой Федотов. – Мы с вами оба прекрасно понимаем, что американцы не обратят никакого внимания на ваши аргументы. Скорее всего, они даже не станут их читать. Их ответ четко дает понять, какой позиции они придерживаются. Сейчас перед нами стоит куда более реальная проблема: что мы скажем нашим людям? Я уже не говорю о других ЦСГР! – Президент кивнул на лежащую на собственном столе распечатку: – Вон, Сибирский Союз уже прислал официальную ноту протеста! Они возмущены тем, что мы

играем на чувствах верующих, распуская слухи об обнаружении Наследия Шаро Предрекшей и оправдывая тем самым неудачный рейд и огромные потери! Они требуют существенных доказательств, подтвержденных данными из надежных источников, либо официального заявления об ошибке и извинений. Нам ещё не хватало лишиться торговых связей или заполучить бешеные бартерные ставки! Завтра этим предлогом воспользуется каждый! А как теперь в глаза родственникам погибших смотреть будем?

– Я сам все объясню людям, господин Президент, – окончательно поникший старик машинально собрал распечатки американского послания. – Это исключительно моя вина, я не смог убедительно изложить факты. Я глубоко убежден, что мы нашли подлинные координаты, и сделаю всё, чтобы убедить в этом мировую общественность. К сожалению, мне потребуется время... – Он тяжело вздохнул и приподнял листы с распечатками: – Вы позволите мне забрать ответ американской стороны с собой для подробного изучения?

– Думаю, что вам он не понадобится, Николай Федорович, – ответил Федотов. – К тому же в настоящее время это далеко не лучшее решение, документы могут попасть в посторонние руки и тогда взрыва общественного негодования уже не избежать! – Он проводил взглядом распечатки, исчезающие в папке начальника Службы Безопасности, и участливо добавил: – Но я верю в ваш научный гений, Николай Федорович, и считаю, что мы обязаны найти выход!

– Что вы имеете в виду, господин Президент? – донельзя печальный старик несколько воспрял духом. – Вы видите способ убедить американцев? Вряд ли мы в силах самостоятельно организовать экспедицию через океан...

– Тут мы бессильны, это однозначно, – покачал головой Федотов. – Американцы слушать нас не будут, вы же знаете, как они относятся ко всем, кто не они! – он иронично усмехнулся. – Отправить рейд в Калифорнию нам тем более не по силам, мы едва сводим концы с концами, и только недавно мне удалось заставить пойти в гору нашу экономику, долгое время находившуюся в упадке вследствие бездарного руководства моего предшественника. Пищевая промышленность едва вышла из коллапса, сами знаете, как у нас обстоят дела с рационами. Народные волнения нам сейчас противопоказаны, и я крайне огорчен, что ваша находка в глазах мировой общественности оказалась профанацией. Такое разочарование тяжело отразится на морально-психологической атмосфере всего Волжского Каскада.

Президент выждал небольшую паузу, подчеркивая важность момента, после чего устремил на Синицына полный решимости взгляд и уверенно продолжил:

– Но один ресурс у нас все-таки есть! Пусть он не имеет выражения в материальной стоимости, но в абсолютных величинах он безграничен! Это наш характер! Наша воля! Да, у нас нет ни дальнемагистральных самолетов, ни взлетно-посадочной полосы, способной обеспечить их взлет. Но мы можем это найти, если сплотим население вокруг вашей идеи!

– Вы хотите организовать крупномасштабный рейд в один из аэропортов Москвы?! – ужаснулся старик, мгновенно побледнев. – Там же заражение и множество лигов! Там же подсолнухи! Жертвы будут огромны! Наш рейд почти полностью погиб, столкнувшись всего с пятерыми из них!

– Мы можем организовать рейд в аэропорт Стригино совместно с Заволжским ЦСГР, – успокоил ученого Федотов. – Это гораздо дальше от нас, зато там нет подсолнухов. Хотя концентрация лигов в руинах Нижнего Новгорода традиционно высока и сами Заволжцы не имеют точной уверенности в том, сохранились ли в Стригино дальнемагистральные самолеты, и были ли они там вообще на момент наступления Хаоса... Но это хотя бы шанс.

– Нет, – решительно заявил старый профессор, – это совершенно неоправданный риск, который неизбежно приведет к гибели множества людей! Такой выход неприемлем! – Он встал и одернул истертый застиранный пиджак. – Я возьму на себя всю полноту ответственности! Это целиком моя вина, и мой долг – объяснить людям всё. Я выступлю с заявлением, буду ходить по предприятиям, подготовлю подробный манифест с описанием всех данных вплоть

до мелочей, что послужили основанием для моей уверенности в подлинности найденных координат! Я уверен, люди нас поймут!

– А если нет? – поднял брови Президент. – Что тогда? Вы же знаете народ, профессор! Им подавай всё и сразу! Если большинство решит, что ваши попытки опровергнуть четкие и документально подтвержденные данные американцев есть не более чем стремление оправдаться? Вы понимаете, что если такое произойдет, мы дискредитируем саму идею поисков Наследия Шаро Предрекшей, и уже никто и никогда не согласится на проведения рейдов с этой целью! Прошлый рейд нам обошелся в чудовищную цену! Погибло множество людей! Потеряна боевая техника, дорогостоящее горючее! Дети остались сиротами!

– Дети?! – мгновенно побледнел Синицын. – Как... я ничего не знал... об этом не сообщалось... и Миша говорил, что у погибших солдат не было детей... что в дальние рейды не берут тех, у кого не рождаются лиги...

– У двоих из погибших бойцов были дети по программе обмена генофондом! – мгновенно нашелся Федотов, незаметно бросая злобный взгляд на начальника Службы Безопасности. – Но не беспокойтесь об этом, Николай Федорович, правительство уже окружило их максимальной заботой!

– Я отдам половину своего рациона... – забормотал было абсолютно пораженный старик, но Президент властным жестом прервал его:

– Я же сказал, о них мы уже позаботились! Забудьте об этом, профессор! – он вытащил из своего стола лист многоцветной бумаги. – Есть ещё один способ отыскать Наследие. Но он сопряжен с огромным риском. Вот об этом я и хотел с вами поговорить, Николай Федорович. – Федотов протянул старику целлулоидный лист: – Прочтите. Это совершенно секретная информация. Доставлена по моему запросу из Рыбинского ЦСГР двадцать минут назад. Как видите, расшифровка сообщения приведена прямо под текстом самого шифра, всё делалось вручную, это единственный экземпляр документа в нашем Центре.

Синицын торопливо поправил очки и принялся читать документ. Он оказался коротким.

– Мы должны снарядить рейд к руинам Завидовского ЦСГР! – убежденно заявил старик, закончив чтение. – Я должен найти эту информацию! Я обязан! Что-то должно было уцелеть в тех пожарах! Мы докажем, что были правы! Это дело всей моей жизни! Господин Президент, я прошу вас поверить мне ещё раз и оказать...

– Я вам верю, Николай Федорович, – почти торжественно изрёк Федотов. – Иначе не стал бы отправлять рейд тогда и вы не стояли бы здесь сейчас. Но я не могу требовать от людей отправиться туда. Вы же понимаете, какова степень риска! От развалин Завидовского Центра до Солнечногорска менее пятидесяти километров! Как я должен отдать такой приказ?!

– Мы соберем добровольцев! Я соберу! – горячо воскликнул старый профессор. – Я найду людей! Я в этом уверен! За Наследием готово отправиться множество желающих! Оба моих ассистента вызовутся добровольцами сразу же! Я сам соберу экспедицию! Даже солдат! Миша знакомил меня с несколькими военными, они выражали желание участвовать в поисках! Нам нужна лишь помощь в организации рейда и его материально-техническом оснащении!

– Это я беру на себя, – властно произнес Федотов. – Наш Центр понес тяжёлые потери в прошлом рейде, но ради обретения Наследия Шаро Предрекшей, возможно даже ради спасения всего мира, мы затянем пояса и отыщем необходимые ресурсы. Итак, Николай Федорович, через два дня жду от вас список добровольцев. Ещё через два дня рейд должен покинуть Центр, дольше держать в тайне письмо американцев я вряд ли смогу. И ещё одно, господин профессор! – Он бросил на старика внимательный взгляд: – Всё, сказанное здесь, является государственной тайной, поэтому я надеюсь на ваш здравый подход к тому, в какие подробности имеет смысл посвящать ваших волонтеров, а в какие – нет.

– Разумеется, господин Президент! – поспешно закивал Синицын, – я прекрасно понимаю всю суть сложившейся ситуации! Я буду предусмотрителен...

– Отлично, – прервал его Федотов. – Тогда я не буду больше задерживать вас, профессор. Сейчас в ваших руках, без преувеличения, будущее всего мира, и потому на счету каждая минута! – Он нажал кнопку селектора: – Саша! Проводите доктора Сеницына!

В президентский кабинет вприпрыжку улыбающаяся Сашенька и увлекла старика за собой. Убедившись, что его слова не покидают пределов кабинета, Федотов перевел взгляд на начальника Службы Безопасности и тихо произнес:

– Действовать по плану. Даю тебе пять суток на подготовку рейда. Старшим отправишь Ермакова, что-то он стал слишком разговорчив. Позаботься, чтобы добровольцев оказалось гораздо больше необходимого, и мы аккуратно поможем Сеницыну с выбором. В рейд должны уйти все самые нелояльные. И чтобы к вечеру по Центру уже ползли слухи о том, что найденные координаты – фальшивка. Завтра организуешь утечку этого, – Федотов иронично усмехнулся, – «американского» сообщения.

Верхний бьеф Угличского водохранилища, 2 километра от плотины ГЭС, 30 декабря 2267 года, 19 часов 23 минуты по времени Волжского Каскада.

Колонна из двух вездеходов медленно ползла по заснеженному льду сквозь непроглядную ночную тьму. Работы упрятанных в кожухи усиленной звукоизоляции дизельных двигателей практически не было слышно, и через приоткрытый вентиляционный клапан отчетливо доносилось похрустывание снега под громоздкими колесами низкого давления. Шестиосные вездеходы шли в полной темноте, пользуясь прожекторами инфракрасной подсветки, и водители не сводили глаз с экранов приборов ночного видения, опасаясь встретить на пути какое-либо неожиданное препятствие вроде случайного тороса или заледеленого сугроба. Кабины вездеходов, слабо покачивающиеся на мощных пружинах подвески, создавали убаюкивающую атмосферу, но никто из членов экспедиции не испытывал желания заснуть. Военные не отрывались от ночных перископов, скупно обмениваясь по внутренней сети короткими фразами, остальные старались не показывать охватившего их напряжения. Грозные БМП и вооруженный до зубов батальон охраны остались у ГЭС, и теперь единственной защитой крохотного рейда была скрытность.

Профессор Сеницын подавил желание в третий раз за пять минут спросить у Ермакова, всё ли в порядке, и заерзал на жестком, грубо сколоченном деревянном сиденье, пытаясь придать почти негнущемуся скафандру высшей биологической защиты хоть немного удобное положение. Но натянутые нервы не позволяли оценить результата, и старый учёный был вынужден признать, что изрядно боится. И неудивительно, риск, на который пошли участники экспедиции, был поистине беспрецедентным. Отправиться за двести километров от родного Центра, чуть ли не на порог логова самых кровожадных лигов, которых только видел этот многострадальный свет, да ещё и фактически без охраны, – тут немудрено испугаться. До зубов вооруженный эскорт провел вездеходы через Углич и остался у ГЭС, теперь вся надежда была исключительно на темноту и бесшумность передвижения. Специально для этого автомобильную подвеску тщательно смазали двойной нормой солидола, дабы исключить скрип. Техотдел отпартовал о стопроцентной готовности, но командовавший рейдом, теперь уже подполковник, Ермаков перед самым выездом остановил колонну прямо у выходных ворот Центра, снял гермошлем и минут десять лазил под вездеходами, несмотря на жестокий мороз. Выбрался он оттуда крайне недовольным и заставил механиков заново смазывать трущиеся элементы подвески. В итоге выезд задержался на полчаса.

Потом на одних лишь габаритных огнях двигались до ГЭС, осветительный прожектор включила только головная БМП. Все было сделано для того, чтобы не привлекать внимания лигов, если таковые затаились в руинах города, хотя в полдень Углич проутюжила минометная батарея, а придорожные развалины на всем пути следования прочесал батальон солдат.

На самой ГЭС на время спуска вездеходов на поверхность водохранилища тоже ввели режим светомаскировки.

План был продуман до мелочей, и всё прошло как по маслу, но теперь в сердце старого ученого подленькими ручейками предательски затекал страх.

Нет, несомненно, Президент прав: эскорт из тяжелой боевой техники от подсолнухов все равно не защитит, зато внимание к себе привлечет гарантированно, рев танковых турбин лиги услышат за километр. Подобный рейд обречен на гибель ещё до прибытия к своей цели, так как путь к развалинам Завидовского ЦСГР будет неизбежно пролегать в смертельной близости от Солнечногорска. А ведь до руин правительственного Центра мало просто дойти, на поиски носителя информации потребуется время, и какое конкретно – заранее просчитать невозможно. Дата-центр архива расположен на минус третьем этаже административного гермокорпуса, и никто не знает, что представляют собой его развалины спустя сто восемьдесят лет. Сколько придется пробиваться через завалы? Эмпирически Синицын пришел к выводу, что это не должно занять слишком много времени, но ведь всё это предстоит проверить едва ли не под боком у подсолнухов, и широкомасштабный рейд обнаружат сразу же. Не говоря уже о множестве проблем, связанных непосредственно с переходом: сложность ориентирования, потеря времени и сверхнормативная трата горючего на корректировки отклонений от курса, избежать которых в столь сложном переходе не удастся, возможные поломки в пути...

Всё верно, у маленькой неприметной экспедиции шансов добраться до места раскопок гораздо больше. Вот почему Синицын сразу согласился с предложенным Федотовым планом: два вездехода, специально приспособленные для поездок по глубокому снегу и бездорожью, пара водителей и двадцать человек личного состава – вот и весь рейд. Моторные отделения вездеходов оборудуют дополнительной шумоизоляцией, на головную машину установят тепловизор, к идущей следом прицепят шаланду на полозьях, на которую погрузят два снегохода для проведения разведки местности в случае необходимости. Двигаться экспедиция будет ночью, по руслу Волги, что сведет трудности с навигацией к минимуму. Именно таким маршрутом и осуществлялось зимнее сообщение с Завидовским ЦСГР в то недолгое время, которое он просуществовал. Водители будут держаться центра русла, освещение не включать, так что заметить их с берегов в кромешной тьме совершенно нереально. Да и кто будет слоняться на побережье ночью, в тридцатишестиградусный мороз под жестокими порывами сильнейшего ветра? Даже недееспособные лиги себе не враги. К тому же темнеет сейчас рано, светает поздно, так что в распоряжении экспедиции гарантированно будет двенадцать часов. За это время рейд сможет пройти запланированные двести десять километров даже при средней скорости в двадцать километров в час. К рассвету они уже будут внутри развалин Завидовского Центра.

Старик нервно вздохнул. Всё это так, но из безопасного кабинета данное мероприятие виделось ему далеко не таким нервным, как оказалось в действительности. Едва их маленькая колонна растворилась в непроглядной тьме, как воспоминания нахлынули на профессора леденящей душу волной. Он слишком хорошо помнил кровавое побоище, которым закончился рейд в Новодевичий. А ведь тогда состав экспедиции был далеко не безобидным: танк, бронетранспортеры, десятки солдат! Не помогло ничего... и тогда тоже была ночь. Синицын старательно пытался убедить себя в том, что вездеходы идут тихо, в полной темноте, в сотнях метров, а местами и в километрах от возможных мест жилья лигов, и им ничего не угрожает. Крохотную колонну никто не заметит, а если и заметит, то ничего не поймет, машины выкрашены в грязно-белый цвет зимнего камуфляжа... Но воображение предательски рисовало ему жуткие картины нападения, одну страшнее другой. Возможно, в эту самую минуту жаждущие крови чистых людей подсолнухи уже крадутся в ночи наперерез их вездеходам! Профессор тряхнул головой и решительно отчитал себя за малодушие. Что за пораженческие настроения?! Колонна едва отошла от ГЭС на пару-другую километров, до опасных мест ещё ехать и ехать! Вокруг никого, ведущие наблюдение солдаты заметят любое движение, едва только оно пока-

жется на ровной, как стол, заснеженной глади водохранилища! Сейчас до берега в обе стороны не меньше километра!

Едва он закончил излагать самому себе аргументы в пользу безопасности, память услужливо вытолкнула на поверхность слова Ермакова. Подсолнухов невозможно увидеть, пока они сами того не захотят, и если это произошло, то, скорее всего, оно будет последним, что ты увидишь в своей жизни. В ту ночь кто-то из выживших военных упоминал, что заметили их при помощи тепловизора, иного способа нет. Синицын непроизвольно вытянул шею, пытаясь разглядеть экран тепловизора через плечо Ермакова. Подполковник сидел в двух метрах впереди, рядом с водителем, и внимательно всматривался в старую карту, выведенную на дисплей дряхлого планшетного навигатора. Дисплей полуживого от старости компьютера давно уже был при смерти, изображение было блеклым и нечетким, но красная отметка Жи-Пи-Эс, обозначающая текущее местонахождение, отображалась ещё довольно сносно. Однако увидеть за широкой спиной Ермакова экран тепловизора не удавалось, и профессор привстал с обшарпанной лавки, отшагивая в сторону. На тепловизоре было пусто. Синицын облегченно вздохнул, и тут же затихшая телефонная сеть и глухой стук упавшего на пол коннектора возвестили старику о том, что он вырвал разъем внутренней сети вездехода из гнезда своего скафандра. Старик охнул и заторопился осмотреть провод, не порвался ли. Услышав за спиной возню, Ермаков обернулся и что-то произнес, но разобрать его слов через гермошлем профессор не смог. К счастью, обрыва не случилось и разъем не пострадал. Свет едва живой потолочной лампочки, закрытой пожелтевшим от времени мутным полупрозрачным кожухом, почти не пробивался через окружающий полумрак, и в темноте Синицыну никак не удавалось попасть коннектором в приемное гнездо скафандра.

– Давайте, помогу, – тихий голос Ермакова глухо донесся до профессора. Оказавшийся рядом подполковник отобрал у него соединительный кабель и привычным движением подключил скафандр Синицына к бортовой сети. Свой коннектор он ловко воткнул в разъем даже не глядя. В головных телефонах раздался щелчок, и голос офицера зазвучал внутри профессорского гермошлема: – Что-то не так, Николай Федорович?

– Я хотел посмотреть на тепловизор, да запямятовал о подключении... – сознался старик. – Вы уж извините меня за беспокойство, Миша. Со мной всё в порядке, нервы немного шалят. Никак не забуду о том жутком побоище...

– Забудешь тут, – недовольно буркнул Ермаков. – Лучшего способа напомнить, чем наш теперешний горе-рейд, придумать было бы сложно. Одна надежда, что если подсолнухи увидят это нелепое недоразумение, они перемрут со смеху.

– Вы ожидаете нападения подсолнухов?! – Синицын похолодел. – Они могут быть где-то рядом?!!

– Нет, конечно, – успокоил старика подполковник, – так далеко они не заходят. Присаживайтесь, Николай Федорович. – Ермаков проследил, чтобы старик вновь не выдрал провод, и уселся рядом. – Тут нам ничего не угрожает, расстояние до берега слишком велико. Главное, в темноте не налететь на какую-нибудь ледяную глыбу и не повредить подвеску.

– Слой снега должен быть достаточно велик, чтобы сделать неопасными острые края ледяных торосов, – заявил Синицын, – поверхность Волги сейчас, конечно, идеальной не назовешь, но мы все-таки не в арктических льдах!

– Наши колеса неострым льдом не пробить, если вы об этом, – Ермаков отрицательно покачал головой. – Это специальный материал, покрышки выдерживают пистолетный выстрел. Кроме того, это ведь шины низкого давления. Там внутри всего ноль восемь атмосферы, вездеходы одинаково успешно пройдут и по глубокому снегу, и по болоту, и по валежнику зимней мутафлоры. Можно даже по воде, особенно если идет шуга. На охране ГЭС таких пять штук было. Два отдали нам. Самые раздолбанные, пошли Шаро Великая любимому начальству чирей на седалище. Так что столкновения нам противопоказаны.

– Но с чем же можно столкнуться на замерзшей реке? – удивился старик. – Это относительно ровное место!

– Как сказать, – хмыкнул Ермаков. – Пока по водохранилищу идем, думаю, опасаться нечего, но вот когда река сузится метров до трехсот, глядеть придется в оба. Лиги ко льду неравнодушны, особенно недееспособные. Любят надолбить глыб размером побольше. Утаскивают к себе и потом фигурки из них делают. Я как-то встречал пятиметровую, в форме корявого окорока. Так они приносят дары Шаро Предрекшей, чтобы она помогла им пережить зиму. Чем больше подношение, тем выше шанс, что Шаро заметит с небес именно твое рукоделие. А так как крупные шедевры весят иногда за тонну, то не у каждой толпы дебилов хватит сил такое утянуть далеко. Поэтому нередко подношение оставляют прямо на реке, рядом с тем местом, откуда добывался лед. Вот и получается, что с одной стороны глыба, с другой – прорубь немаленьких размеров. Проруби, кстати, и дееспособные лиги делают довольно крупными. Зима ведь время голодное, мутафауна порой от отсутствия корма из дичи сама в охотников превращается. Не всякий инвалид способен в холода охотой прокормиться. Дебилы-то и друг друга сожрать могут, а нормальные пытаются рыбачить. В одиночку на льду слишком холодно, поэтому они сбиваются в кучу и плотно прижимаются друг к другу, так и теплее, и надежнее, не всем инвалидность позволяет управляться со снастями без помощи. Поэтому и лунки часто выдалбливаются немаленькие. Так что у нас есть шансы не только врезаться во что-нибудь, но и нырнуть. Утонуть не утонем, но удариться о края проруби очень бы не хотелось. Вся эта рухлядь еле дышит, и без чрезвычайных ситуаций в любой момент может сломаться что угодно.

– Вы слишком строги к начальству, Миша, – укорил подполковника профессор. – Президент выделил для нашей экспедиции лучшее из того, что у нас есть. – Он вспомнил, как начальник Техотдела с тоской в глазах подписывал складскую накладную. Но Федотов лично санкционировал повышенные расходы на обеспечение рейда, и деваться чиновнику было некуда. – Мы получили двойные рейдовые нормы, двойной НЗ и топливо с запасом!

– За шесть лет службы в штурмовой роте мне приходилось работать со всей военной техникой, что ещё осталась у нашего Центра, – невесело улыбнулся Ермаков. – Я знаю её очень хорошо, Николай Федорович. Эти два вездехода – самые изношенные из всех. Тот, что идет за нами, вообще на каждую неделю работы две проводит в ремонте. А оба снегохода, что он тащит на прицепе, собрали из старых запчастей сутки назад, но завести их удалось только к сегодняшнему утру. Механики, которых вы выбрали, уверены, что вся наша техника выдержит переход туда и обратно, но никто не знает, насколько её хватит, если наш рейд затянется.

– Этого не случится! – возразил Синицын. – Мы взяли с собой достаточно взрывчатки, вам это известно, как никому другому! Четыреста килограмм! Этого хватит, чтобы преодолеть любые завалы в административном гермокорпусе!

– Взрывчатки нам дали от души, – согласился подполковник. – Весь аммонал со склада выписали. Только аммонал – это гражданское взрывчатое вещество. Оно в отличие от тротила имеет повышенную чувствительность. И от того, что пакеты уложили в металлические ящики, спокойнее не стало. Скажем так, нам под обстрел лучше не попадать. Тротила мне не дали, хоть я и подавал заявку. Ведь кабины наших вездеходов сделаны из обычных кунгов старых армейских грузовиков, окончательно вышедших из строя. Серьезного бронирования тут нет, как нет ни герметизации, ни кварцевых ламп первичной биологической очистки. Ведь тротил при простреле пуль не взрывается. Но начальство мне ответило, что для взрывных работ по очищению завалов аммонал более эффективен, и посоветовало тщательнее изучать матчасть. Хотя насчет эффективности это вопрос спорный, ведь никто не знает, что нам предстоит: дробить преграду или выталкивать её. Но вот в чем я совершенно не сомневаюсь, так это в том, что звук от взрывов будет слышен довольно далеко. А до подсолнухов полсотни километров, при условии, что они не имеют обыкновения побродить по развалинам Завидовского Центра пару

раз в день, потому что устроили там музей боевой славы предков. И это называется скрытное проведение рейда? У меня девять бойцов и ни одного пулемета, ни РПГ, и боекомплекта с лихвой на дорогу в обе стороны, но для затяжного боя это слезы, по-другому и не скажешь. И если наша сила в скрытности, то почему мы везем с собой четыреста килограмм ВВ, а не пятьдесят человек с кирками? Можно было отправить все пять вездеходов, какая разница, сколько машин будет ползти ночью без освещения по центру речного русла, две или пять? Шансов пройти незамеченными уж точно больше, чем нам быть неслышанными.

– Боюсь, собрать такое количество добровольцев нам оказалось бы не под силу, – печально вздохнул старый профессор. Он вновь с огорчением вспомнил события последних дней. Чутье опытного руководителя не обмануло Президента. Слухи об официальном ответе Колорадского Альянса быстро расползлись по Центру, и население восприняло их довольно неоднозначно. Первыми тем, что от людей скрывают правду, возмутились независимые журналисты. Потом зазвучали голоса мелких политиков, призывавших правительство опубликовать сообщение американцев. На второй день из Рыбинского ЦСГР по льду пришел торговый караван, и оказалось, что там тоже перехватили послание. Но их Президент, видимо, не сразу осознал все последствия данной информации, протянул с засекречиванием текста, и о его содержании стало известно довольно большому кругу лиц. В общем, после общения с составом каравана держать американский ответ в секрете стало уже невозможно, население начало открыто выражать возмущение. Ответ Колорадского Альянса опубликовали, и люди мгновенно разделились на два лагеря. Одни требовали найти и наказать виновных в гибели рейда, посланного в самое жуткое пекло ради поиска фантома, другие упрекали американцев в малодушии и заявляли о необходимости отправки рейда в Лос-Анджелес, однако теперь уже никто отправляться за тридевять земель лично желанием не горел. Доморощенные интеллектуалы советовали Президенту приложить больше дипломатических усилий и убедить Колорадский Альянс всё-таки провести рейд, так как им это сделать проще всего. Особенно старались извечные научные оппоненты профессора, привычно сменившие личину с преданных друзей на кристально чистых обличителей. Ответная речь Синицына, которую он выложил в сеть Центра, потонула в потоках взаимной ругани сторонников и противников.

Менее чем за сутки взаимные возмущения среди населения настолько раскалили атмосферу во всем Волжском Каскаде, что Федотову пришлось признать, что Синицын отправляется во вторую экспедицию, имеющую целью добыть доказательства подлинности найденных в Новодевичьем монастыре координат. Всеобщего одобрения данная новость не вызвала, многие заявляли, что правительство таким образом цепляется за удачную идею, позволяющую эксплуатировать народный энтузиазм и чувства верующих. Число сторонников Синицына, защищавших профессора и его идею поисков Наследия, быстро уменьшалось. А как только выяснилось, что искать надо не где-нибудь, а в развалинах Завидовского ЦСГР, у самого Солнечногорска, количество поддерживающих эту идею и вовсе резко сократилось до минимума. Стать жертвой подсолнухов никто не хотел. В итоге добровольцев набралось меньше двадцати человек, в основном фанатично верящих в легенду о Наследии Великой Шаро. Профессор отобрал из них десятков самых увлеченных, водителей и охрану подобрала Служба Безопасности. Ермаков как-то туманно обронил, что Федотов лично утверждал кандидатуру каждого. Что и говорить, вторая экспедиция организовывалась совсем не в такой радужной атмосфере, как первая.

– Общественное мнение – штука очень ненадежная. Изменения направления ветра – и те более предсказуемы, – усмехнулся подполковник. – Почти месяц всем было подавай Наследие, а теперь подавай виноватых. Знаете, что я думаю, Николай Федорович? – он криво улыбнулся. – Сидя в безопасности за Периметром, любой дурак легко может возмущаться или восторгаться чем угодно, это занятие не пыльное. Даже если б оказалось, что мы идем в Завидовский за второй частью самых что ни на есть настоящих координат Наследия, желающих

посидеть недельку рядом с подсолнухами вряд ли нашлось больше, чем в нашем случае. И так, и эдак всё бы закончилось добровольно-принудительным назначением.

– Мне искренне жаль, Миша, что вас назначили в экспедицию против воли, – потупил глаза старик, – но вы самый лучший военный специалист по работе за пределами Военизированного Пояса! И Президент, и начальник Службы Безопасности весьма высоко оценили вашу компетентность. Кроме того, не скрою, с вами мне гораздо спокойнее. Вы сумели спасти нас от подсолнухов, а это, насколько мне объяснили, не удавалось ещё никому!

– Спаслись от подсолнухов, – недовольно поморщился Ермаков, – как и увидеть их, можно только в одном случае – если самим подсолнухам это нужно. В тот раз нам повезло дважды: их было очень мало, и потому они не перебили всех в первые же секунды огневого налёта – это раз, и их интересовало горячее и освобождение пленных – это два. На нас им было плевать, потому нам позволили уйти. Наверняка в этом был ещё и психологический момент – если в Центр не вернется никто, то причина гибели рейда останется тайной. Если же домой в ужасе примчится жалкая кучка выживших, все очень хорошо усвоят, что лучше не надо соваться куда не следует. И сейчас мы демонстрируем, что урок не усвоен. Второй раз нам прозрачных намеков делать никто не станет. Вас все ещё удивляет, что я не вызвался добровольцем? В нашем положении вполне реально незамеченными добраться туда и вернуться назад, но просидеть рядом с подсолнухами неделю... – Подполковник скептически покачал головой. – Это нужно обладать очень большим везением.

– Уверен, мы управимся за день! – заявил Синицын. – Какой бы ни была степень разрушения административного гермокорпуса, это не может стать непреодолимым препятствием. Конструкция Завидовского ЦСГР абсолютно идентична нашему, и у нас на руках есть подробные план-схемы. Мы доберемся до дата-центра за несколько часов, если понадобится, применим взрывчатку. Что бы там ни произошло сто восемьдесят лет назад, какие-то накопители информации должны были уцелеть! Блоки хранения данных дата-центра размещены в противоударных корпусах, а хранилище резервных копий имеет повышенную степень защиты. Оно то нам и нужно! Нет сомнения, что не все блоки безвозвратно погибли. Мы сможем восстановить хранившиеся на них данные.

– Скажите, профессор, что вы рассчитываете там найти? – в полумраке подрагивающей кабины вездехода, через лицевые щитки двух гермошлемов, Синицын едва мог разглядеть направленный на него взгляд Ермакова. – Ради чего мы так рискуем? Расплывчатые заявления Президентов о якобы имевшихся секретных данных о наличии у Завидовцев информации по Наследию не вызывают у меня твердой уверенности в необходимости этого рейда. Прошлый обошелся нам слишком дорого, и кто теперь может дать гарантию, что те люди погибли не зря?

– Мы с вами, Миша, и едем сейчас за этой гарантией! – с жаром принялся объяснять профессор. – Я обещал Президенту соблюдать государственную тайну, но теперь могу рассказать вам подробности! Как вам известно, у Рыбинского ЦСГР имеется дирижабль. Возможно, вы помните, что изначально их Центр не был оснащен дирижаблем, он достался им от Завидовского ЦСГР. Правительственный центр имел станцию воздухоплавания из трех мачт и, соответственно, трех таких воздушных машин. На них осуществлялось патрулирование окрестностей Центра, торговые операции с другими Центрами, а также обслуживание вахтовых смен на Ивановской ГЭС, являвшейся энергоисточником для Завидовцев. По некоторым данным в качестве резервного у них имелся ядерный реактор с запасом топлива. По одним данным запас был рассчитан на десять, по другим на двадцать лет, но запуск реактора предполагался только в исключительных случаях. Впрочем, по другой информации реактора там никогда не было, и быть не могло, ведь единая конструкция ЦСГР такого не предусматривает. Но мы отошли от темы. Дирижаблями Завидовцы активно пользовались, и в момент гибели один из них находился с торговой миссией в Рыбинском Центре. Туда он, в конечном итоге, и вернулся. Среди его экипажа имелся торговый представитель. Как следует из засекреченных данных Рыбин-

ского ЦСГР, он являлся близким родственником одного из высших должностных лиц российского отделения «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Именно он и упоминал об информации, добыть которую наш священный долг!

– И что же в ней такого священного, Николай Федорович? – мутно-жёлтый полумрак покачивающейся кабины скрыл усмешку подполковника. – Концерн ведь так и не нашел никаких доказательств существования Наследия.

– Но это не значит, что он их не искал! – немедленно парировал старик. – Служба Безопасности «СК» рыла землю по всему миру до самого Хаоса! Владеющая планетой организация не будет безосновательно тратить на подобные поиски огромные средства, вам не кажется? И в распоряжении руководства российского отделения «СК» имелись эти основания! В изолированных накопительных емкостях Службы Безопасности Завидовского ЦСГР содержится вся информация, накопленная сыщиками за годы поисков! Конечно, никаких точных координат там нет, но есть масса косвенных данных и предпосылок, на основании которых Концерн и вёл поиски! С помощью этого я смогу неопровержимо доказать свою правоту и убедить мировую общественность снарядить рейд за второй частью послания Шаро Предрекшей!

– Если это действительно так, то опасная получится находка, – задумчиво произнес Ермаков.

– Что вы имеете в виду? – озадачился Синицын. – Тем данным более двухсот лет, они давно уже не представляют никакого интереса, кроме научного. Действия Концерна по поиску Наследия заглохли сами собой с началом Хаоса...

– Если эти ваши данные находятся в изолированных емкостях Службы Безопасности, то в тех массивах лежит не только история расследования дела Шаро Предрекшей, – тихо фыркнул подполковник. – Это засекреченные архивы «СК», можно только догадываться, сколько грязной информации там спрятано от глаз непосвященных. Завидовский ЦСГР был резиденцией правящих структур. Если она выплывает наружу, нас ждёт ещё большее разочарование в своих предках. И новый виток борьбы за власть. Я даже удивлен, что все три Президента Волжского Каскада без сомнений пошли на это.

– Перед великой миссией поиска Наследия Шаро Предрекшей меркнут любые проблемы! – убежденно заявил профессор. – Что есть мелкие дрызги в сравнении, к примеру, с возрождением планеты? Правительства не могут этого не понимать!

– Надеюсь, что вы правы, Николай Федорович, и всё действительно так и есть, – негромко ответил Ермаков. – Потому что по организации рейда и его техническому и боевому оснащению этого не скажешь. Если бы не двухнедельные запасы топлива и рационов, да двойной комплект фильтров с медикаментами, я б вообще подумал, что от нас хотят избавиться таким затайливым способом.

– Бросьте, Миша! – воскликнул профессор. – Вы слишком сгущаете краски! Мне и без того не по себе! Понимание того, что мы находимся в кромешной тьме, посреди кишящих лигами территорий, и так самым неприятным образом выбивает меня из колеи.

– А зря, – улыбнулся подполковник. – Лиги на льду не живут, до берега далеко, и пока вокруг ночь, заметить нас точно некому. Так что, как я уже говорил, шансы добраться до цели у нас есть. А вот то, что начнется потом, мне совсем не нравится. Вести взрывные работы в развалинах Центра и не привлечь внимание лигов вряд ли возможно. Известия о появившихся в руинах Чистых дойдут до Солнечногорска очень быстро.

– Этого не произойдет, – успокоил офицера старик. – Район погибшего Центра традиционно безлюден, это доказано, а в такие морозы, как сейчас, многие хищники залегают в берлогах. Кроме того, завтра Новый год, и для лигов это такой же праздник, как и для нас, так что в нашем распоряжении даже два дня гарантированного спокойствия. Как видите, Миша, мы всё продумали.

– Я поверю в это не раньше, чем услышу доклады от разведчиков, – безапелляционно заявил Ермаков. – Сколько я ни видел спланированных штабом операций, действительность всегда от них отличалась. Я не поведу рейд к берегу до тех пор, пока не буду убежден, что в развалинах чисто. Это вообще очень удивительно, что там не поселились лиги. Хотя и разрушенные, а все же здания, причем у воды, то есть рядом с пищей. Лиги всегда живут в таких местах. Они даже в Углич постоянно возвращаются, а ведь мы его регулярно чистим. За двести лет от города камня на камне не осталось. А тут хорошее место и вдали от Чистых, но почему-то пустует. Странно.

– Как раз это вполне объяснимо, – поспешил вывести подполковника из заблуждения Синицын. – Уничтожение Завидовского ЦСГР подсолнухами произошло летом. В ходе этого кровавого злодеяния, чудовищного по своим масштабам, погибло порядка миллиона человек!

Конечно, кто-то мог спастись бегством, но уже тогда окружающая среда была крайне враждебна к чистому генотипу, и человек без скафандра неминуемо бы подвергся сильнейшей интоксикации и отравлению. В те времена мучительная смерть наступала в течение трех-четырех суток. В скафандрах тех лет фильтры были рассчитаны на сутки непрерывной работы, но анклав Завидовцев на Ивановской ГЭС погиб либо в тот же, либо на следующий день. К нашей плотине не вышло ни одного человека, хотя теоретически они могли это сделать, в то время между нами существовало сообщение по реке. Отсюда историками был сделан вывод, что бесчеловечные монстры жестоко убили всех жителей Центра и всю вахтенную смену ГЭС.

Старик сделал паузу и несколько раз вдохнул, переводя дух. Воздух в скафандр поступает через фильтры, это не привычный прямоток фильтровентиляционных установок гермокорпусов, и, увлекшись разговором, Синицын сбил дыхание. Надо было дышать равномернее, он же знает, как это делается! Профессор вновь укорил себя за рассеянность и продолжил:

– Логично предположить, что основное количество жертв кровавых убийц погибло внутри периметра. Но миллион трупов не мог полностью сгореть при пожаре, и разложение их останков неизбежно вызвало возникновение опасных инфекций, и в первую очередь чумы. Это дает веские основания считать, что всевозможные падальщики и грызуны разносили болезни довольно далеко от погибшего Центра. Наверняка множество лигов, обитавших в его окрестностях, умерло от этих эпидемий. Очень вероятно, что местность в том районе вообще обезлюдела на долгое время. А так как лиги либо недееспособны, либо лишены вменяемого образования, то дремучие суеверия среди них весьма и весьма распространены. Руины Завидовского ЦСГР могут оставаться для них табу до сих пор ещё со времен опустошающих эпидемий. Эту гипотезу полностью подтверждает отчет ученых Рыбинского Центра, затребованный Президентом специально для подготовки этого рейда. Два года назад они проводили воздушную разведку нашей части Волжского Каскада и не обнаружили в руинах Завидовского ЦСГР никаких признаков жизни.

– Так вроде бы дирижабль тогда дошел только до Дубны? – нахмурился подполковник. – Они осматривали состояние Ивановской плотины, попали под обстрел лигов и ушли назад. Кажется, так говорилось в их официальной сводке.

– Я тоже так считал, – подтвердил Синицын, – однако четыре дня назад выяснились неизвестные подробности. Руководство Рыбинского Центра засекретило эти детали ради спокойствия своего населения. Но в ответ на специальный запрос нашего Президента оно прислало полную версию того отчета. Она, кстати, до сих пор остается засекреченной, имейте в виду, Миша! Так вот, оказывается, их дирижабль в тот день прошел до самых руин Завидовского Центра! Рыбинский Президент рассматривал возможность организации к ним археологического рейда по воздуху. Осмотр с высоты птичьего полета показал, что развалины необитаемы, давно заброшены и сильно заросли токсичным сорняком, над которым обильно висят рои ядовитых насекомых. Но сейчас зима, и это препятствие нас минует. А под обстрел дирижабль попал действительно над Дубной, но только уже на обратном пути. Хотя стреляло очень

небольшое количество лигов и явно не из боевого оружия, из-за этого, а также из-за сорняков с насекомыми, Рыбинцы временно отказались от экспедиции.

– Странно, что они вообще рассматривали такую экспедицию, – недоуменно произнес Ермаков. – Дирижабль видно за десятки километров, лучшей приманки не найти. Ещё до полного окончания выгрузки к нему сбежались бы сотни дебилов. А потом появился бы кто-то гораздо страшнее. Да и тяжелую технику на дирижабль не погрузишь. Нелепый какой-то план...

Резкий толчок оборвал подполковника на полуслове. Вездеход замер на месте, и инерция бросила пассажиров вперед, заставляя хвататься за поручни.

– Ложись!!! – мгновенно рванулся вниз Ермаков. – К бою! – и полуползком метнулся к водителю.

Все бросились на пол, под лавки. Солдаты оцетинились автоматными стволами, торопливо лязгая затворами, и Синицын увидел, как его ассистент, залегший через проход, неловкими движениями пытается извлечь из кобуры пистолет. Старик с ужасом подумал, что оправдались его самые жуткие кошмары, но глухой голос подполковника успокоил готовые лопнуть нервы:

– Отбой тревоги! – Ермаков почти кричал через гермошлем. – Гражданским оставаться на местах! Механику и первому отделению – к машине! Соблюдать радиомолчание, все переговоры только напрямую! – он подошел к двери, ткнул кулаком в выключатель, гася чахлое освещение, и первым покинул кабину вездехода.

Первую поломку удалось устранить быстро, через двадцать минут колонна продолжила движение. Вторая тревога последовала спустя час: выяснилось, что, несмотря на движение по азимуту, экспедиция отклонилась от курса и сошла с центра русла. Водитель головного вездехода увидел в приборе ночного видения приближающийся берег и остановился. Ермаков взял с собой троих бойцов, приказал не включать внутреннее освещение и вновь скрылся в завывающем ледяным ветром ночном мраке. Вернулся подполковник нескоро. Входная дверь отворилась, и внутрь вездехода ворвался порыв ветра, швыряя в людей снежную пыль. В темном прямоугольнике дверного проема возникла фигура Ермакова, он жестом забрал оставшихся бойцов и исчез. Ещё через несколько минут Синицын услышал удаляющийся рокот моторов обоих снегоходов. Назад они возвратились только через два часа.

– Маршрут проложен неверно, – Ермаков подключился к сети вездехода, свободной рукой стряхивая со скафандра снег. – Азимуты не совпадают с реальным центром русла. Мы уперлись в берег, но, если смотреть по маршруту, его здесь быть не должно.

– Очень странно! – профессор потянулся к собственной карте. – Маршрут прокладывали специалисты Службы Безопасности на основании архивных данных. Именно этим путем осуществлялось сообщение между Угличской и Ивановской ГЭС в те времена, когда Завидовский ЦСГР ещё был жив. Может быть, компас неисправен?

– Сразу все? – хмыкнул подполковник. – Если так, то сломались они как-то одинаково. Придется ждать спутник, он пройдет над нами через полтора часа. Двигаться дальше нельзя, непонятно, в какую сторону надо идти, в этом районе несколько протоков. В темноте не разобратся, а включать свет – самоубийство. Вокруг полно развалин, наверняка крупный населенный пункт. Несколько раз вдаль мы видели огни в руинах. Значит, лигов тут хватает. Если нас заметят, то результат может оказаться самым неприятным.

– Как только будете знать наше точное местоположение, предоставьте мне координаты! – старик развернул отпечатанную на клеёнке карту и пытался осветить её тусклым светом фонарика. – Я проложу новый маршрут, это займет не более часа! – Вездеход тронулся, и профессор с тревогой посмотрел на Ермакова: – Куда мы едем?

– Уходим к центру реки, – ответил тот. – Оставаться у берега опасно. Двадцать минут назад мы проходили какой-то небольшой островок, попытаемся укрыться за ним. Надо торопиться, пока снегопад не закончился. Он скроет наши следы.

Время в ожидании спутника прошло тревожно. Оказалось, что остров достаточно велик и имеет небольшую бухту, в неё и загнали вездеходы. Его поверхность была покрыта невысоким лесом из спутанной мутафлоры. Уродливые, покрытые грибом и струпьями язв, чахлые деревья и кустарники переплетались друг с другом, образуя бесформенную паутину из кривых стволов и ветвей, на которой крупными шапками скапливался снег, мелким крошевом сыплющийся с наглухо затянутого тучами неба. Резкие порывы ветра, разгоняющегося по ледяной пустыне, били в полустгнившие заросли, и сгибающиеся под тяжестью снежных шапок ветви не выдерживали нагрузки. Каждую минуту то тут, то там в ночном мраке раздавался хруст ломающихся ветвей, и залегшие под днищами вездеходов часовые плотнее прижимались к огромным колесам. Живут на острове лиги или нет, определить так и не удалось, и солдаты не отрывались от ночных прицелов, распластавшись на заснеженном льду. Вскоре снегопад прекратился, и порывы ветра усилились, быстро выстуживая скафандры и сводя на нет усилия термоконтра. Чтобы не заморозить бойцов, Ермакову приходилось менять охрану каждые полчаса, но все равно люди возвращались с постов насквозь продрогшие, и подполковник отдал приказ на внеочередную раздачу саморазогревающихся пищевых картриджей.

Наконец спутник вошел в зону контакта, и выцветший дисплей навигатора слабо вспыхнул отметкой местоположения. Ермаков несколько минут возился с навигатором, после чего подошел к Синицыну.

– Мы вот тут, – он протянул профессору навигатор. – Судя по всему, на этом отрезке маршрута и была допущена ошибка. Вместо точки поворота и движения далее по руслу, мы прошли прямо, вошли в устье Жабни и уперлись прямо в городские развалины. Это Калязин, и лигов тут полно. Чем быстрее мы отсюда уйдем, тем лучше.

– Калязин? – Синицын, подслеповато прищурившись, всматривался в экран навигатора. – Это превосходно, – бормотал он, пытаясь справиться с кнопками прибора затянутыми в перчатки скафандра пальцами. – Вот здесь находится удивительный образец древнего зодчества! Старинная колокольня, стоящая прямо на воде. То есть в действительности из воды выступает небольшой клочок земли, на нем и выстроено сооружение, но сейчас наблюдатель увидит лишь колокольню, выросшую прямо на бескрайней ледяной поверхности! Нам необходимо отыскать её, она послужит стартовым ориентиром для прокладки курса. Я займусь расчетами немедленно, нужно убедиться, что далее по маршруту нет других ошибок!

Колокольню военные обнаружили через двадцать минут. К этому моменту снегопад начался вновь, и в завьюженной кромешной тьме снегоходы несколько раз проходили мимо объекта поисков. В конце концов строение нашли и подогнали к нему вездеходы, стремясь отойти подальше от побережья, пока идет снег. С прокладкой нового курса Синицын справился к двум ночи, поставив своего рода личный рекорд в произведении расчетов в потемках.

– Вы оказались правы, Миша, – сообщил он подполковнику. – В расчеты маршрута закралась досадная ошибка! Признаюсь, я решительно не понимаю, как такое могли допустить в Службе Безопасности, они же пользовались архивными данными... Вот этот отрезок, видите? – старик указал на один из участков ломаной линии первоначального маршрута. – Он проложен верно, по центру русла вдоль побережья, на максимальном удалении от обоих берегов. Вот здесь точка поворота. Русло меняет направление под углом едва ли не в сорок пять градусов, и курс меняется вместе с ним, все правильно. Однако в описании маршрута на этом отрезке указан неверный азимут, из-за чего мы чрезмерно приняли к правому берегу. И вдобавок длина отрезка почему-то обозначена, как почти вдвое большая. В результате мы прошли правее, миновали точку поворота и действительно углубились в устье Жабни, дойдя до самого берега. Подобная ошибка может быть вызвана исключительно невнимательностью рас-

четчиков! Вопиющая халатность! – профессор возмущенно потряс картой. – Но теперь мы можем уверенно продолжить движение. Я пересчитал и обновил курс, длины отрезков маршрута определены с точностью до двух метров, ошибки исключены!

Ермаков забрал у Сеницына навигатор и карту и включил нашенский фонарь. Быстро сверившись с новым курсом, он бросил взгляд на хронометр и хмуро произнес:

– До Ивановской ГЭС девяносто километров. Через семь часов начнет светать. Надо успеть пройти Дубну затемно, это самый опасный участок маршрута, возле города ширина русла метров триста с небольшим, могут заметить даже на середине. А нам ещё надо найти обход плотины по суше, там перепад высот десять метров. Если будем и дальше так плестись, рискуем не успеть.

Рейд продолжил путь, увеличив скорость. Поначалу всё шло хорошо, первый отрезок пути и вовсе шли сорок километров в час, благо Сеницын рассчитал его прямым, как стрела. Но далее русло вновь становилось извилистым, и движение замедлилось. В кромешной тьме порывы ледяного ветра свивали из снегопада густую метель, и выдавшие виды приборы ночного видения практически не показывали дорогу. Видимость резко упала, и экспедиция вновь поползла. Дважды барахлил основной инфракрасный прожектор, рейд останавливался, и механики возились с неполадками. Когда до Дубны оставалось порядка тридцати километров, у второго вездехода лопнула изношенная рулевая тяга, он лишился управления и встал. Водитель впереди идущей машины не сразу заметил отсутствие замыкающего, и аварийному экипажу пришлось нарушить режим радиомолчания. Головной вездеход вернулся, и механики приступили к ремонту.

Сразу стало ясно, что без освещения вездеход не починить, а тащить на буксире означает полностью потерять скорость и неминуемо оказаться с рассветом посреди Дубны, в самой узкой части реки. На проведение ремонта Ермаков мобилизовал весь состав экспедиции. Пока оба механика возились под машиной, снимая, заваривая и устанавливая обратно лопнувшую тягу, остальные два часа стояли вокруг и закрывали их армейскими плащ-палатками, чтобы хоть как-то снизить свечение вспышек сварочного аппарата и работу осветительных фонарей. Борьба с ветром, стремящимся вырвать из человеческих рук брезентовое полотно, настолько утомила Сеницына, что по возвращении внутрь вездехода он уже не смог ответить себе на вопрос, от чего именно не чувствует ни рук, ни ног: от холода или безмерной усталости.

– Как вы, Николай Федорович? – ассистент помог обессилевшему профессору усесться на лавку.

– Удерживать плащ-палатку вдвоем на таком ветру в моем возрасте слишком тяжелое испытание, – прокряхтел старик. Он попытался выкрутить верньер термоконтра на максимум, но тот и так уже находился в крайнем положении. – Витя, вы не подадите мне тестер? Что-то термоконтур не греет.

Ассистент достал из инструментального ящика прибор и протянул его Сеницыну. Тест показал, что скафандр исправен, все системы работают нормально, и старый профессор понял, что не чувствует тепла из-за холода, сковавшего тело словно изнутри. Сейчас бы кружку горячего чая...

– Что со скафандром? – в кабину вездехода один за другим забирались солдаты, и старик увидел рядом с ассистентом Ермакова. Тот указал на тестер и переспросил: – Николай Федорович?

– Замерз он сильно, – ответил за старика ассистент. – Мы думали, термоконтур сломался. Но он в порядке, только что протестировали.

– Стар я уже для таких морозов, – пожаловался профессор, – продрог, рук-ног не чувствую...

– Переохлаждение, – оценил подполковник, склоняясь над Сеницыным. – В аптечке есть препарат. – Он раскрыл аптечный подсумок на поясе профессора и достал небольшой пред-

мет. – Это насадка для пищевого картриджа. Там порошок, смесь аспирина с витамином С. Помогает согреться в подобных случаях и не слечь с температурой сразу же. Запомните на будущее, – он вложил насадку обратно и закрыл аптечку. – Я принесу ещё один. Сейчас проведем горячий ужин, надо только отойти от этого места подальше. Если нас все-таки заметили, то с рассветом точно придут посмотреть, откуда тут свет.

– Разве нас можно было заметить? – слабо удивился профессор. Внутри вездехода было значительно теплее, чем на пронизанной стужей ледяной поверхности, и старик ощутил, как начинает пригревать термоконтур и чувствительность возвращается к замерзшим конечностям. – Мы же образовали два круга из плащ-палаток. При таком снегопаде и ветре работу генератора и сварочного аппарата не заметить и с десяти шагов...

– На самом деле тут как повезет, – Ермаков махнул рукой водителю, и вездеход тронулся с места. – В полной темноте даже слабый отблеск виден далеко, а пурга может как скрыть свет, так отразить его, особенно вверх. И тогда видно будет с приличного расстояния. Нам лучше найти укрытие, пока до рассвета ещё осталось время. С вашего маршрута мы не сбились, час назад проходил спутник, я сверялся. Мы в узком месте, но рядом с нами есть несколько небольших островов, укроемся среди них и посмотрим, насколько у нас везение развито.

Подходящее для днёвки место удалось найти до рассвета. Вездеходы зашли в протоку между двумя островами и прижались к берегу, после чего их накрыли маскировочной сетью. Теперь оставалось надеяться на усиленную шумоизоляцию двигателей и милость Фортуны. У Синицына, отогревшегося только благодаря совокупному результату работы термоконтура и горячей пищи с медицинской добавкой, начался кашель, и было ясно, что ещё одного переохлаждения он может не вынести. Ермаков заставил его принять ещё одну порцию препарата и приказал не глушить двигатели. Подполковник разделил своих солдат на две смены и увел первую занимать круговую оборону. Первый луч солнца, пробившийся через открытый профессором вентиляционный клапан, встретили напряженным молчанием.

Когда пришло время менять часовых, начало этого процесса испугало Синицына не на шутку. Входная дверь медленно приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась рука в скафандре. Кто-то, находящийся снаружи, очень и очень осторожно открывал дверь, стремясь избежать малейшего скрипа или шума. Вскоре профессор увидел Ермакова. Подполковник был предельно собран и медленно доводил дверь в крайнее положение. Позади него виднелась пара залегших бойцов, всматривающихся куда-то вдаль, вдоль острова, и готовых открыть огонь. Ермаков, не произнося ни слова, сделал жест, и свежая смена принялась красться к выходу, тщательно обходя углы лавок и походных ящиков. После того как они заняли позиции, сменившиеся бойцы так же осторожно забрались внутрь, следя за тем, чтобы случайно не задеть ни за что снаряжением. Подполковник влез в кабину последним и столь же аккуратно и медленно запер дверь.

– Что происходит? – прошептал Синицын, едва Ермаков подключился к внутренней сети вездехода. – Мимо нас проходят лиги? – нарастающее беспокойство вызвало в памяти картины боя с подсолнухами, и старик непроизвольно понизил голос, находясь в замкнутой телефонной сети.

– В километре от нас два десятка лигов выдолбили прорубь и ловят рыбу, – негромко ответил подполковник, укладываясь на лавку. – С самого утра сидят. Похоже, заготавливают пищу к празднику. Сегодня Новый год как-никак.

– В километре? – у профессора отлегло от сердца. – Я было подумал, что они совсем рядом, когда вы открывали дверь!

– На улице штиль, снегопад закончился. В такую погоду скрип разносится далеко. Лучше не рисковать, у слепых от рождения лигов очень хороший слух. – Ермаков закрыл глаза. – Закат сегодня в шестнадцать часов. Ждать ещё долго.

Подполковник заснул мгновенно, и Сеницын счел разумным последовать его примеру. Но сон никак не шел, кашель усиливался, ощущение близкой опасности не давало покоя. Чтобы отвлечь себя от нервного состояния, профессор достал карты и схемы и принялся ещё раз уточнять детали предстоящей работы. Ивановскую ГЭС необходимо обойти по суше, по левому берегу Волги. Прибрежная полоса в тех местах пологая, покинуть русло труда не составит, главной задачей будет скрытно обогнуть левобережную часть Дубны. Пройти надо всего два почти перпендикулярных друг другу отрезка пути общей длиной в шесть километров, на карте они выглядели прямыми линиями. Но двигаться-то придется не по ровному руслу, судя по архивным данным, местность там когда-то была частью равнинная, частью лесистая, а вот что сейчас... В полной темноте это будет нелегкая задача. Зато, как только экспедиция выберется на поверхность Ивановского водохранилища, дальнейший путь значительно упростится, следующее узкое место будет уже в безлюдной местности. Однозначно до развалин погибшего Центра рейд доберется задолго до восхода. Весьма вероятно, что ещё до рассвета им удастся добраться до административного гермокорпуса и углубиться в цокольные этажи...

Увлечшись анализом предстоящих действий, Сеницын не заметил, как уснул, и вскоре ему уже снились подземные коридоры дата-центра, почему-то полусыпанные снегом, испещренным уродливыми отпечатками босых лиговских ног. Профессор крался между рядами обгоревших шкафов с накопителями данных, подражая солдатам Ермакова, и старался не зацепиться о торчащие со всех сторон закопченные железки и привлечь внимание подсолнухов, которые ловят рыбу на побережье. О том, что они там её ловят, он знал точно, но было неясно, есть ли среди подсолнухов слепые с хорошим слухом и потому Сеницын решил не рисковать. Нужный ему шкаф он нашел сразу. Тот стоял в углу особняком и единственный из всех был чисто вымытым, без малейших следов копоти, и отчетливо пах свежей краской. Профессор приблизился к нему, на ходу извлекая из откуда ни возьмись появившейся сумки большие гидравлические ножницы. Это же секретные емкости Службы Безопасности, значит, без огромного висячего замка не обошлось и надо перекусить дужку. Замок действительно был, здоровенный, килограмма на три весом, и почему-то очень ржавый и незамокнутый, болтающийся на одной петле. Сеницын с удивлением обнаружил, что шкаф не заперт, и принялся очень осторожно открывать дверцу, памятуя о том, что на улице штиль и случайный скрип мгновенно донесется до побережья. Но внутри вместо сложной электроники и мигающих индикаторами накопителей нашлись покрытые облупленной краской полки, заваленные каким-то мусором, истлевшим тряпьем и пожелтевшими листами бумаги. Профессор долго разгребал руками весь этот хлам, но так и не нашел ни одного накопителя информации. В сердцах он попытался спихнуть всё с полок наземь, но в этот момент пол поплыл у него из-под ног и Сеницын испуганно замахал руками, стараясь удержать равновесие.

– Николай Федорович! – из глубины шкафа, словно из бочки, раздался голос ассистента. – Всё в порядке, это я, Виктор!

Сеницын открыл глаза и увидел Виктора, придерживающего готового свалиться с лавки профессора. Получается, что уснул он прямо в сидячем положении и, пока размахивал руками, разбросал по кабине свои документы.

– Как неловко получилось, – огорчился старик, оглядываясь вокруг в поисках разлетевшихся листов целлулоидной бумаги. Он попытался нагнуться, чтобы подобрать лежащую у ног карту, но кабина вездехода дрогнула, и старик поспешно ухватился за поручень впереди стоящей лавки.

– Мы куда-то едем? – только сейчас он обратил внимание, что место Ермакова пусто.

– Выходим на маршрут, – ответил Виктор, подхватывая карту. – Сидите, Николай Федорович, я собираю.

– Как на маршрут? – удивился Сеницын. – Разве мы не будем ждать темноты?

– Солнце село два часа назад, – улыбнулся ассистент, – сейчас почти семь. Вы долго спали, профессор, я не стал вас будить. Вам надо было отдохнуть. Вот, держите, – он протянул ему пищевой картридж, – ваш обед. Я уже укрепил насадку с лекарственным препаратом.

Перекусив, Синицын подошел к Ермакову, занявшему командирское сиденье рядом с водителем. Подполковник держал в руках навигатор и бросал взгляд то на экран тепловизора, то на его выцветший дисплей, демонстрирующий предупреждение об отсутствии сигнала. Слабый мутно-жёлтый свет укрепленного над выходной дверью светильника не попадал в отгороженную полуперегородкой водительскую часть кабины, и свечение электронных экранов делало окружающую темноту ещё более черной. Профессор напряг ослабевшее от старости зрение и попытался увидеть улицу в узкое оконце водителя, однако так и не смог разглядеть ничего, кроме бьющегося в толстое стекло снежного песка.

– Опять пошел снег? – взгляд Синицына непроизвольно вернулся к экрану тепловизора. Не получив ответа, он понял, что говорит слишком тихо будучи в гермошлеме, и повторил вопрос.

– Нет ещё, – ответил Ермаков, не оборачиваясь. – Метет сильно. Но небо затянуто, скоро сыпанет.

Профессор хотел спросить что-то ещё, как вдруг на тепловизоре тускло вспыхнуло сразу с десятка маленьких отметок. Синицын обмер.

– П... подсолнухи?! – выдавил он из себя, невольно приседая в узкое пространство между перегородкой и спинкой водительского сиденья.

– Что?! – подполковник резко вскочил, одним движением переводя автомат в боевое положение, но увидел замерший на тепловизоре взгляд Синицына и с облегчением уселся обратно. – Нет, Николай Федорович, – это обычные лиги. – Он указал на скопление точек: – Видите, две отметки движутся быстрее остальных? Это четвероногие.

– Вы говорите о домашних животных? – догадался старик. – Полагаю, это собаки!

– Не обязательно, – возразил офицер. – Многим лигам инвалидность позволяет передвигаться только на четырех конечностях. Зачастую такие уродцы довольно быстро бегают. Быстрее, чем мы. Это могут быть и они. У нас мощный тепловизор, мы способны засекают тепловую сигнатуру сопоставимого с человеком биологического объекта на расстоянии до двух километров. Но это предельная дальность, разобрать, кто есть кто, издалека не получится. А подсолнухов так просто не обнаружить. Тепловизор видит не их, а тепловые вспышки оружия, когда они ведут огонь. Так что это просто лиги, вышедшие из домов. Или где они тут живут... – Он замолчал, всматриваясь в навигатор, и удовлетворенно ткнул пальцем во вспыхнувшую на его дисплее точку: – Есть спутник!

– Но почему их так много? – профессор вылез из-за водительского сиденья, с опаской поглядывая на медленно плывущую по экрану тепловизора группу отметок. – Вы уверены, что они не заметили нас и не организовали погоню?

– Они всегда передвигаются группами. Прими левее сорок, – Ермаков, сверяясь с навигатором, короткими фразами корректировал работу водителя. – У лигов высоко развита взаимовыручка, они же инвалиды, и многое не способны сделать в одиночку. Плавнее! Тем более, сегодня новогодняя ночь, может, они дров заготовить пошли или в гости к кому собрались... Мы проходим Кимры, двести лет назад тут были остатки речного порта и жило тысяч пятьдесят лигов. Проскочили азимут! Давай левее два метра! Сейчас их, как и везде, ориентировочно в семьдесят – восемьдесят раз меньше, но все равно, если бы они устроили за нами погоню, отметок было бы на порядок больше... Всё, мы на курсе! Держи азимут. До точки поворота тысяча пятьсот метров, успеем дойти до ухода спутника.

– Не безопаснее ли было бы дождаться глубокой ночи, когда они лягут спать? – Синицын взгляделся в дисплей навигатора и мысленно перенес его отметку на собственную карту. Вышло, что двигаться через город по руслу реки им ещё километров семь.

– Кто их знает, когда они в Новый год спать ложатся, – пожал плечами подполковник. – Может, как обычно, а может к утру, как мы. Только время потеряем. Темнее уже не будет, мы плетемся едва десять километров в час, а до точки выхода на берег почти двадцать два километра. И одна Шаро знает, как через лес идти будем.

Ермаков оказался прав. Несколько километров по левому берегу Волги в обход Дубны стали самой тяжелой частью маршрута. До запланированной точки схода с русла доползли за два часа без происшествий, несмотря на узость реки и кишашие лигами развалины Кимр. Путь мимо давно выгоревшего и обрушившегося городка стоил Синицыну изрядного количества нервных клеток. Каждую минуту тепловизор показывал какую-нибудь группу отметок, и несмотря на то, что лиги не замечали крадущийся по центру замерзшей реки рейд, каждый раз профессору казалось, что двигатели орут надрывно, снег под колесами скрипит оглушительно и экспедиция на грани обнаружения. Однако Шаро Предрекшая была милостива, и всё обошлось. Проблемы начались с приближением к Дубне. Водитель увидел впереди огни, и колонна остановилась. Ермаков взял нескольких бойцов и ушел на разведку местности, оставив гражданский персонал в томительном ожидании. Вернулся подполковник только через два часа.

– Дубна населена плотнее, чем мы ожидали, – угрюмо сообщил он, раскладывая карту рядом с навигатором. – И у них есть электрическое освещение в прилегающем к ГЭС районе, сразу в нескольких домах.

– Но ГЭС не может просуществовать без поломок двести лет! – возразил Синицын. – У лигов нет ни науки, ни образования, чтобы проводить необходимую профилактику оборудования! Техника и гидроагрегаты давно должны были выйти из строя, даже учитывая тот факт, что при уничтожении анклава Завидовцев на ГЭС подсолнухи не предпринимали попыток разрушить или повредить дамбу. Вероятно, лиги в Дубне применяют иной способ добычи электроэнергии.

– Для нас никакой разницы, – махнул рукой Ермаков. – Подходить ближе было слишком опасно, что увидели, то увидели. Дома когда-то горели, но сейчас окна забиты, и через них пробивается свет. И, похоже, лиги готовятся встречать праздник, в сторону центра постоянно движутся крупные группы. Это нам на руку, значит, на окраинах их станет меньше, но ближе подходить к городу нельзя. Надо выбираться на берег тут, требуется новый курс.

С этой задачей Синицын справился за полчаса, тщательно выверяя маршрут по местности, безлюдной даже на архивной карте. С русла сошли быстро и полтора километра двигались по покрытой глубоким снегом пустоши почти под прямым углом к реке, планируя обойти левобережную часть Дубны с юга. Но пустынная целина уперлась в лес, и началось одно сплошное бедствие. Идти вдоль леса означало вновь выйти к городу, единственным выходом оставалось движение напролом прежним курсом до точки поворота, затем поворот и дальнейшее движение вплоть до выхода к Ивановскому водохранилищу. Но воплотить это в жизнь оказалось намного сложнее, чем запланировать.

Вездеходам добавили давления в шинах, установили отвалы для расчистки пути от растительности, и рейд углубился в лес. Чахлые гнилые деревья ломались под давлением вездеходов, словно спички, но очень быстро скорость продвижения упала до минимальной. Пораженный болезнями, грибом и гнилью лес был усыпан трухлявым валежником и заледеневшим гнильем, оставшимся от отмершей мутафлоры. Двигатели вездеходов работали в режиме перегрузки, постоянно борясь с деревьями, ямами и скрытыми глубоким снегом препятствиями. Сразу же стало ясно, что без освещения ориентироваться среди прогнившей растительности невозможно. Пришлось включить ходовые прожекторы, надеясь на то, что в новогоднюю ночь в лесу вдали от города лиги бродить не станут. Ещё через двести метров произошла первая поломка, из-за высокой нагрузки на головном вездеходе оторвался масляный фильтр, и машина полностью не вышла из строя лишь волею Шаро Предрекшей – водитель сразу же почувствовал беду и заглушил двигатель. Фатальной утечки масла удалось избежать, поломку

устранили, но вездеход не прошел и десятка метров. Внезапно одно из колес резко ушло вниз, в засыпанную снегом глубокую яму, из которой во все стороны с визгливым рычанием рванулись обезображенные мутациями твари. К счастью, никто из обитателей этой берлоги нападать на машины не захотел.

В результате этой аварии лопнул один из амортизирующих элементов подвески, и головной вездеход сначала вытаскивали назад при помощи буксирного троса, потом долго разбирали поврежденный узел, заваривали, собирали, после чего пробивались в обход злополучной берлоги... После ещё дважды сгорали предохранители, и в довершение всего отвал вездехода, пробивая очередной сугроб, неожиданно вместо трухлявой гнили столкнулся с засыпанным снегом металлом. Один из крепежей не выдержал удара и развалился на части. Увидев результат, механик в сердцах выругался и развел руками.

– Это ржавое старье просто так не заварить, – угрюмо заявил он. – Нужно железо, но у нас его больше не осталось.

– Без отвала мы из леса не выйдем, – второй механик ткнул рукой в сторону позади идущей машины. – Надо снимать оттуда и переставлять. Это ещё на пару часов возни...

– С чем хоть столкнулись? – Ермаков кивнул водителю головного вездехода на сугроб, скрывающий столь коварное препятствие. – Посвети! Первое отделение, занять круговую оборону!

Пока солдаты занимали позиции, несколько членов экспедиции, по колено проваливаясь в глубокий снег, принялись разгребать сугроб. Под ним обнаружился остов какой-то техники, давно сгнивший и проржавевший. Кто-то из механиков заявил, что лет двести пятьдесят назад это был колесный трактор или ещё какой аппарат, старый уже в те времена. От него и сугроб-то был невелик потому, что ржавая рухлядь наполовину вросла в землю. При внимательном рассмотрении дальше в глубь леса обнаружились заброшенные и поросшие мутировавшими деревьями развалины каких-то построек. Где-то среди них отыскался ещё металлолом, из которого механики умудрились вырезать кусок железа, проржавевший всего лишь на треть. С его помощью начали ремонт поврежденного отвала.

В общем, Новый год встречали под фейерверк сварочного аппарата и аккомпанемент генератора, рассыпавшись вокруг места идущего ремонта в заснеженном гнилом валежнике. До окраин городских руин было менее километра, шум ремонтных работ и свет прожекторов в лесу гарантированно привлечет внимание лигов, и потому нападения ждали каждую минуту. Но лиги так и не появились. Эту редкостную удачу приписали новогодней ночи и милости Шаро Предрекшей. Пока заканчивали ремонт, прошел спутник, и Синицын попытался скорректировать курс, стараясь придерживаться старой дороги, пролежавшей в этих местах. На архивной карте она была отчетливо видна, по данным навигатора выходило, что рейд стоит если не прямо на ней, то в нескольких шагах от неё. Но за двести лет местность изменилась до неузнаваемости, всё вокруг поросло тонкими, искривленными мутациями больными деревьями, густо обсыпанными язвами и токсичным грибом, и отыскать дорогу профессор так и не смог. Выбились из леса ещё часа три.

На лед Иваньковского водохранилища встали в пятом часу. Ходовые прожекторы погасили, как только стало ясно, что гнилой лес наконец-то заканчивается, но Ермаков, опасаясь, что в ночной темноте лиги могли заметить свет за километры отсюда, спешно повел рейд в глубь ледового пространства, подальше от земли. Истертая многочасовым преодолением валежника подвеска вездеходов нещадно скрипела, и стало ясно, что остановку делать необходимо. Экспедиция отошла от берега на три километра и приступила к смазке скрипящих элементов. Снова пришлось соорудить светомаскировку из держащих плащ-палатки человеческих пар, но Ермаков, бросив взгляд на кашляющего Синицына, велел ему оставаться в машине. Со смазкой провозились неожиданно долго.

– Там дрянью какой-то подвеску усыпало! – устало рассказывал профессору ассистент, пока возвращающиеся люди влезали в кабину. – То ли грибок какой новый, то ли плесень мутировавшая. С виду на снег похожа, никогда раньше такой не видел. Эта мерзость весь солидол сожрала! Пришлось сперва горелкой всё обдавать, а после заново промазывать. Механики весь запас израсходовали, и то кое-где немного поскрипывает. Как назад пойдем – вот вопрос...

Рисковать герметичностью скафандров не стали, и Ермаков приказал вскрыть НЗ с обеззараживающей жидкостью. Ещё полчаса ушло на протирку средств личной защиты и оружия, после чего экспедиция продолжила движение сквозь скованный ледяным холодом ночной мрак. На широкой поверхности водохранилища скорость увеличилась, и за час удалось пройти почти тридцать километров. Но потом приборы ночного видения вновь показали приближающийся берег, которого согласно маршруту в этом месте так близко быть не должно. Колонна замерла в ожидании спутника, и люди с тревогой поглядывали на хронометры: до начала рассвета оставалось немногим более двух часов. Наконец спутник появился, и на дисплее навигатора вспыхнула отметка текущего местонахождения.

– Мы уперлись в остров, – Синицын оторвался от навигатора и постучал пальцем по клёнке своей карты. – Вот здесь! Отклонение от курса незначительное, вернуться на маршрут не составит труда. Если мы выйдем вот сюда до того, как пропадет связь со спутником, то сможем продолжить путь по проложенным мною векторам! Впереди нас ждёт последний узкий отрезок пути, там ширина русла в среднем восемьсот метров, потом водохранилище расширяется. – Профессор сделал паузу и со вздохом добавил: – Когда-то это были красивейшие места! Живописные берега, усыпанные цветущей зеленью, над которой возвышались купола церкви, сверкающие сусальным золотом в лучах солнца, остроконечные верхушки колоколен, покрытых старинной росписью, уютные домики небольших населенных пунктов...

– Сейчас это тридцать километров по корявому льду вдоль усыпанных развалинами берегов, – оборвал его Ермаков. – В которых живут лиги. И рассвет через два часа. Рисуем не успеть. До Завидовского по темноте точно не дойдем, придется устраивать дневку.

– Главное – миновать вот эту точку, – профессор снова ткнул затянутым в перчатку скафандра пальцем в карту. – Видите? Здесь русло Волги уходит на север, а мы продолжаем движение по льду Иваньковского водохранилища. Там уже безлюдно. Это подтверждено научной информацией Рыбинского ЦСГР. И на архивных картах в тех местах тоже нет сколь-нибудь серьезной застройки. Вот увидите, дневка не понадобится, мы достигнем развалин Завидовского Центра в рассветных сумерках, а там нас надежно скроет табу суеверных лигов!

– Посмотрим, – без энтузиазма в голосе оценил подполковник. Он повернул голову к водителю и коротко скомандовал: – Вперед!

Вездеходы вновь поползли через ночной холод, и Синицын остался наедине с собственными мыслями. Пришлось признать, что, несмотря на попытки храбриться, чем ближе экспедиция подходила к зверски уничтоженному Центру, тем неуютнее он себя чувствовал. И позиция Ермакова ничуть не способствовала душевному успокоению. Подполковник не доверял даже информации Рыбинских ученых, а ведь в их распоряжении имеется дирижабль! Очень похоже, что та кровавая бойня, которой завершился рейд в Новодевичий монастырь, вызвала у него фобию даже большую, нежели страхи Синицына.

Но на этот раз Шаро Предрекшая решила, что с их многострадальной экспедиции достаточно мучений. Тридцать километров прошли без поломок и без лигов, и к началу утренних сумерек им удалось не только покинуть русло Волги, но даже пройти дальше намеченного, добравшись до останков огромного моста, некогда протянувшегося через все водохранилище. К обломкам одного из исполинских быков и прижались вездеходы, стремясь использовать его в качестве элемента маскировки.

– Дальше по прямой ещё один мост, – убеждал Ермакова профессор. – До него шесть километров. Потом проходим ещё три и оказываемся на траверсе Завидовского Центра, в полу-

тора километрах от берега. Остается лишь повернуть на север, и мы у цели! Повторяю, Миша, вокруг нас абсолютно пустынные места, это доказано! Мы без труда дойдем до развалин, и вы не хуже меня знаете, что среди них встретить день намного безопаснее, чем на льду! Я, как научный руководитель экспедиции, настаиваю на продолжении движения! Разве вы не видите, что это более логично, чем просидеть весь день тут, а после в крошечной тьме пробираться через завалы погибшего Центра? Подумайте сами, что представляют собой его улицы, если на них рухнул периметр?

Убедить подполковника удалось только всем миром, когда к позиции Сеницына присоединились гражданские участники экспедиции, водители вездеходов и даже двое солдат. В конце концов Ермаков недовольно скривился и отдал приказ продолжать путь. Колонна достигла второго моста, и профессор уговорил одного из военных уступить ему место у бокового перископа. Лигов в округе быть не могло, тепловизор и вовсе не обнаруживал никаких признаков жизни, и Сеницын принялся разглядывать проступающие в предрассветных сумерках исполинские конструкции. Большая часть мостовых пролетов давно обрушилась и покоилась на дне водохранилища, но некоторые из них ещё связывали между собой потемневшие быки, рассыпающиеся под действием ядовитых грибов и мутировавших микроорганизмов. Однако даже выщербленные ветрами и давлением льда исполинские конструкции производили на профессора сильное впечатление. Такая могучая цивилизация сгнила в трансгенном болоте...

На улице было уже довольно светло, когда колонна достигла конечной точки поворота. Мрачный, словно грозовая туча, Ермаков не скрывал своего беспокойства и лично возился с тепловизором, осматривая далекий берег.

– Далеко. И слишком холодно. Ни черта не видно! – Подполковник зло фыркнул. – Через полчаса мы будем как на ладони. Десанту – к машине! Разведгруппам – на снегоходы! Приступить к разведке берега! Внимание гражданскому персоналу! Если начнется перестрелка, быть готовыми по первой же команде быстро покинуть вездеходы! И очень быстро отойти от них на максимальное расстояние! У нас тут полно взрывчатки!

Ермаков перевел всех на радиоэфир, приказав не издавать в нем даже звука без сверхсрочных на то причин, и покинул головной вездеход руководить обороной. В перископ Сеницына было видно, как солдаты из второй машины занимают позиции у колес, а пара снегоходов с четырьмя бойцами удаляется в сторону берега сквозь медленно опускающееся редкое крошево ленивого снегопада. Вскоре выкрашенные в грязно-белый цвет снегоходы стало невозможно различить на фоне далекой заснеженной кромки прогнившего леса, и профессор перенес своё внимание на панораму окрестностей. Застывшая водная гладь, к его удивлению, вопреки ожиданиям совсем не оказалась ровной, словно зеркало. Только теперь Сеницын понял, почему вездеходы временами изрядно покачивало, а скорость движения была столь невысокой. Водная поверхность замерзает под действием ветров, течений и перепадов температур, в результате чего далеко не вся её площадь является удобной для передвижения, местами на ней встречаются самые настоящие торосы. Не говоря уже о вмерзших в лед ржавых буюх, бакенах и прочих речных плавающих знаков, умудрившихся не пойти ко дну за десятилетия. В прибрежных водах должно быть и вовсе полно хлама. А тут ещё и режим светомаскировки, и поломки донельзя изношенной техники... но он историк и географ, а не физик, и потому многих нюансов не учёл. При составлении плана следующих экспедиций он обязательно введет соответствующие поправки. А следующие экспедиции наверняка будут, ведь очень скоро у него в руках окажутся доказательства подлинности координат Наследия, и рейд за великим сокровищем Шаро Предрекшей станет приоритетной задачей для мирового сообщества.

Когда вернулись разведчики, вокруг было уже совсем светло. Один из солдат доложил, что снегоходы дошли непосредственно до развалин Завидовского ЦСГР, но пересекать пери-

метр не стали, так как пространство Центра сильно захламлено обломками рухнувшей крыши и зданий. По предварительным оценкам, передвигаться там можно только пешком.

– Здесь снег шел всю ночь, и до сих пор не перестал, там обломки повсюду, несколько раз чуть лыжу не сломали. Мы проверили тут и вот тут, дальше на снегоходах не пройти, в этом месте подлесок густой и валежника много, а в этом уже руины. – Старший разведчик водил пальцем по карте. – Есть свежие звериные следы, но литовских не видели. Вроде пусто там. На шум движков никто не вышел, тепловизор молчит. Прямо перед нами есть место удобное, берег пологий, поверхность ровная, и лес не сразу начинается. Тысяча четыреста метров с копейками.

– Вот видите, Миша, всё складывается как нельзя лучше, мы можем смело выдвигаться к цели, – с каждой минутой Синицын чувствовал себя посреди ледяной пустыни всё более неуютно. Видимость здесь до самого горизонта, снегопад больше символический, и хоть места оказались действительно безлюдными, оставаться на виду очень не хотелось.

Ермаков хмуро отдал команду, и вездеходы двинулись к берегу. Синицын стоял за спинкой кресла водителя и смотрел поверх его головы на приближающийся лес. Профессор испытывал смешанные чувства. С одной стороны, в полусотне километров отсюда находится логово жутких подсолнухов, с другой – до вожаемого хранилища информации его отделяет всего несколько километров пути и три этажа под землю. Когда до берега оставалось метров триста, стало возможным различить поднимающиеся вдаль над верхушками деревьев руины периметра, и страхи в душе Синицына уступили место жажде скорее оказаться на месте раскопок. Однако едва вездеходы выбрались на берег и достигли кромки искореженного мутациями леса, Ермаков остановил колонну.

– Надо выгрузить взрывчатку, – заявил подполковник. – На всякий случай. Сложим её здесь, на берегу. Если в округе лигов нет, она никуда не денется. Осмотримся в развалинах, потом вернемся за ней. А если в развалинах нас встретят огнем, чем дальше она будет в тот момент, тем лучше. Первому отделению приступить к выгрузке!

– Миша, к чему эта потеря времени? – укоризненно нахмурился Синицын. – Ведь ваши люди осматривали местность! Вокруг пусто, и даже тепловизор ничего не показывает! Мы лишь затицагиваем начало раскопок, световой день сейчас совсем недолог! От нас зависит судьба планеты!

– В Новодевичьем монастыре сначала тоже было пусто, – упрямо отрезал Ермаков. – И тепловизор точно так же не давал отметок. – Он хлестнул взглядом остановившихся подчиненных: – Выгружать!

Профессор лишь тяжело вздохнул и отодвинулся в угол, чтобы не мешать военным. Эта военная принципиальность была явно излишней, но спорить с Ермаковым он не стал. Подполковника можно понять, он отвечает за жизни участников экспедиции, и за время пути сюда на его долю выпало слишком много волнений. А тут ещё Солнечногорск рядом... При мысли о подсолнухах Синицыну вновь стало не по себе, и он поймал себя на мысли, что чем скорее рейд скроется в развалинах, тем лучше будет для всех. Эта перестраховка с выгрузкой взрывчатки только всё усложняет.

Тем временем Ермаков вылез из машины и отправился давать указания десанту второго вездехода. Солдаты осторожно перетаскивали железные коробки с аммоналом, гражданский персонал отодвинулся в глубь лавок, максимально освобождая узкий проход, и профессор, чтобы скрыть недовольство, уселся на кресло возле водителя и принялся разглядывать лес в узкое оконце. Оба снегохода, остановившиеся в голове колонны, были хорошо заметны, и Синицын увидел, как Ермаков подходит к одному из них и меняется местами с солдатом, занимающим место за водителем. Подполковник что-то сказал водителю первого снегохода и сделал жест в сторону развалин центра. Оба аппарата завели двигатели, и Синицын раздосадованно выдохнул. Не трудно догадаться, что Ермаков собрался лично провести разведку. Эдак

мы не попадем к Центру и до ночи! Михаил очень милый человек и, без сомнения, хороший военный, но сейчас он уж слишком перегибает палку!

Профессор решительно встал, собираясь выйти из вездехода. С Ермаковым стоило серьезно поговорить. Он ещё раз посмотрел в окно, обдумывая, успеет ли добраться до подполковника или лучше вызвать его в радиоэфире, но снегоходы уже тронулись с места. Синицын напарил тумблер включения ближней связи, как вдруг прямо на его глазах солдат, управляющий передовым снегоходом, несильно дернулся и обмяк, наваливаясь на руль. В следующую секунду сидевший за ним стрелок ощутимо вздрогнул и свалился на снег. Неуправляемый снегоход скрылся из поля зрения, вторая машина заложила крутой вираж, и профессор понял, что её водитель ничком откинулся на сидящего позади Ермакова и не управляет ею. Подполковник дернулся всем телом, опрокидывая накренившийся в повороте снегоход на бок, и Синицын увидел, как на снегу вокруг завалившегося аппарата расцветают снежные фонтанчики.

– Засада! – хриплый крик Ермакова в радиоэфире хлестнул профессора, словно бичом. – Все вон из машин!!! К бою!!! Противник на одиннадцать часов!

Всё, что произошло дальше, Синицын видел, словно в замедленном кино. Снаружи глухо загремели автоматные очереди, и люди бросились к выходу, мешая друг другу и спотыкаясь о брошенные ящики с аммоналом.

– Подсолнухи!!! – в головных телефонах чей-то истошный вопль перешел в хрипящее бульканье.

Водитель вездехода рванул рукоять открытия двери, но расхлябанный замок заклинило. Тогда мужчина обеими ногами вышиб дверную створку и прыжком выскочил из кабины. Едва он приземлился на ноги, как его гермошлем брызнул осколками лицевого щитка вперемешку с кровавыми ошметками, и водитель рухнул на снег. Профессор в ужасе бросился открывать вторую дверь, она не поддавалась, в головных телефонах звенели крики боли и ужаса, а кабина вездехода быстро покрывалась маленькими аккуратными отверстиями... Неожиданно кто-то распахнул дверь снаружи и рывком выдернул Синицына на улицу. Профессор вылетел прочь и упал в снег. Прямо над головой загрохотал автомат, и старик увидел, как возле его лицевого щитка дымящиеся гильзы бесшумно падают в снег, оставляя после себя оплавленные ямки. Он попытался подняться, чтобы бежать, но совсем рядом заплескали белесые снежные брызги, и страх заставил его ещё сильнее вжаться в глубокий снег. Перед лицом мелькнула рука в армейском скафандре, кто-то схватил профессора за локоть и потащил в лес, вроде бы ему что-то говорили по радио, но всё смешалось в звуках стрельбы, панических воплях, хрипах умирающих... Над головой снова раздалась автоматная очередь, близким звуком выбиваясь из хаоса грохочущей вокруг перестрелки. Синицын изо всех сил отталкивался от снега ногами, в ужасе оглядываясь назад, на медленно вырастающие из снега брызги, ползущие за ним по пятам. Но белесые фонтанчики неумолимо приближались, и он понял, что не в силах от них скрыться. Внезапно позади раздался оглушительный взрыв, и что-то огромное ударило профессору в спину, словно грузовик, сшибающий со своего пути хлипкую человеческую фигуру.

Исполинская река величественно раскинулась под жарким солнцем от горизонта до горизонта, и её кристально чистые воды поражали своей прозрачностью. Казалось, огромная водная масса медленно плывет под бесконечной лазурью небес. Где-то вдаль едва виднелся противоположный берег, покрытый могучими дубравами и белоснежными березовыми рощами. Синицын лежал на мелком, словно пудра, и ярко-желтом, словно золото, песчаном берегу, облаченный в старинные белые одежды, и ласковый ветерок слегка шевелил густую, сочно-зеленую траву подобравшейся к пляжу равнины. Легкие воздушные потоки играли с многоцветьем полевых цветов и верхушками трав, создавая умиротворяюще приятный шелест, и в этом причудливом шорохе ветра ему чудился тихий, почти неслышный женский шепот:

«...на синем море... на белом камне... сидели... три сестры...»

Просто лежать без движения в столь волшебном уголке природы и наслаждаться опьяняющей чистотой воздуха было так приятно, что размышлять о том, что всего этого на самом деле быть не может, абсолютно не хотелось. Ни разу в жизни ему не снились такие чудесные сны, и он был согласен отдать что угодно за то, чтобы провести в глубинах подсознания ещё несколько минут.

– Как старик, Дарьяна? – тяжелый, почти рычащий бас бесцеремонно ворвался в прекрасную идиллию.

– Просыпается, – едва уловимый шелест ветра перешел в тихий женский голос. – Он здоров, с ним можно разговаривать. Ему много лет, но в душе он так и остался ребенком. Он не враг.

– Что с вражеским воином? – шагов слышно не было, но теперь рычащий бас звучал ближе.

– Закончу к вечеру, – всё так же тихо ответила женщина. – Позови меня, как придет время.

Легкое шуршание ткани у самой головы Синицына сменилось негромким звуком удаляющихся шагов, и дремотное состояние мгновенно улетучилось. Профессор открыл глаза и тут же подскочил от испуга. Гермошлема на нем не было. Он панически заозирался вокруг, надеясь отыскать его прежде, чем получит смертельную дозу заражения, и замер. Залитый кровью гермошлем находился на полу неподалеку, и его лицевой щиток был разбит вдребезги. Можно попробовать сделать тряпичную повязку вроде респиратора, но... Синицын махнул рукой. Глаза, уши, кожу лица всё равно не защитить. И перчатки куда-то пропали... Даже странно, что он не чувствует внутри себя жжения. Дыхательные пути и легкие уже должно было начать разъедать воздухом, наводненным токсинами и канцерогенами. Возможно, сказываются жестокие морозы... Но ему не холодно... И удушливый кашель не беспокоит, и лицо не болит, гермошлем же в крови. Старик машинально ощупал лоб, нос и щеки, но не нашел повреждений и осмотрелся.

Он сидел на нескольких армейских матрасах, аккуратно сложенных друг на друга. Скафандр был по-прежнему на нем, пропали только перчатки. Сами матрасы находились в кирпичном помещении, более всего напоминавшем небольшой конференц-зал. Штукатурка на стенах отсутствовала, либо давно обвалилась, либо её остатки сбили специально, но кирпичная кладка была неровно выкрашена краской, пересекающие потолок трещины плотно законопачены, а пол очень умело выложен половой рейкой. Их четырех окон, тянувшихся к высоким потолкам, два были заложены кирпичом, остальные застеклены довольно чистым пластиком и неплохо пропускали солнечный свет. Кругом было пусто, ни мебели, ни какой другой обстановки в помещении не оказалось, лишь неподалеку на полу лежала большая бесформенная куча тряпья, но без очков Синицын не сразу разобрал, что перед ним. Похоже, с полдюжины набитых мешков сложили рядом и швырнули сверху кусок грязно-белой ткани. Старик попытался напрячь зрение и разглядеть эту мешанину внимательнее, как вдруг заметил в дальнем углу помещения ещё одну постель из матрасов. На ней без движения лежал Ермаков, тоже без шлема и перчаток, его скафандр был сильно поврежден и густо вымазан кровью.

– Миша! – профессор заторопился подняться, одновременно нащупывая на поясе аптечку. – Миша, вы меня слышите?

Старый учёный встал на ноги, но был вынужден остаться на месте, дожидаясь, когда пройдет сильное головокружение. Похоже, он все-таки получил контузию...

– Сядь, – рычащий бас из сновидения неожиданно ударил по нервам, словно из-под ног. – До вечера ему нельзя просыпаться. Не беспокой его.

Синицын едва не подпрыгнул от неожиданности и вгляделся в кучу тряпья. Присмотревшись, он с трудом подавил желание отшатнуться. Перед ним, несомненно, был лиг, но генетическое уродство превратило его жизнь в ад, и несчастному существу можно было только

посочувствовать. Бесформенное тело инвалида было очень массивным, не менее четырех-пяти центнеров на вид, но либо не имело позвоночника, либо, что показалось профессору более вероятным, он не имел целостности. Скорее всего, позвонки и вообще все кости в организме просто не соединялись друг с другом. Оплывшее тело лига лежало на полу, словно сложенное складками тесто, грязно-белый балахон, судя по всему, служил ему одеждой. Нечто подобное небольшому пню, выпиравшее из складок этого тряпья, оказалось головой лига, и ему как-то удавалось держать её прямо. Разобрать лица не получалось, балахон скрывал и его, лишь в узкую марлевую прорезь глядели два крупных, кроваво-красных зрачка, что делало лига ещё менее похожим на человека. Можно было только догадываться, какие мучения и боли испытывал этот несчастный. Синицын печально вздохнул. Люди не должны так страдать. А ведь он, Синицын, уже едва ли не стоял на пороге Наследия...

– Здравствуй, господин... эээ... – профессор немного замялся, пытаясь сообразить, какая манера поведения была бы наиболее корректной в сложившейся ситуации. Обидеть, а тем более оскорбить инвалида, лишённого способности двигаться, ему весьма не хотелось. Глядя на столь невероятные страдания, Синицын поневоле чувствовал себя косвенно виноватым. Ведь его предки тоже являлись сотрудниками «Сёрвайвинг Корпорэйшн». – Простите, уважаемый, не знаю вашего имени-отчества...

– Для тебя мы – подсолнухи, – прорычал бас. – Можешь так и называть.

– Как вам будет угодно, господин подсолнух, – согласился профессор, отмечая про себя, что, по крайней мере, первый встретившийся ему лицом к лицу представитель кроваво-легендарных чудовищных убийц оказался безобидным глубоко несчастным инвалидом. Генетические мутации не щадят никого... – Вас не затруднит ответить на вопрос, где мы находимся?

– На базе.

Старый учёный подождал несколько мгновений и понял, что дальнейших объяснений не последует. Впрочем, этого следовало ожидать. Лиги не питают к Чистым теплых чувств, и уже один только факт того, что он до сих пор жив, можно смело считать демонстрацией их благосклонности. Они даже выставили в качестве переговорщика совсем неопасного родича, вероятно, не хотели запугивать. Хотя... возможно, этот инвалид здесь для того, чтобы посмотреть, как Чистые будут умирать в мучениях от отравления.

– Здесь странный воздух, – Синицын решился задать ещё один вопрос. В конце концов, если умирать, то он ничего уже не теряет. – Но я не чувствую боли в легких. Это помещение имеет чистую атмосферу? Я не слышу работы фильтровентиляционных установок.

– Нет, – коротко рыкнул лиг. – Воздух с улицы. Пахнет древесной смолой, печь топится.

– Следовательно, мы заражены, – подытожил профессор, бросая взгляд на лежащего без сознания Ермакова. В его смерти он тоже будет отчасти виновен, ведь подполковник единственный из всей экспедиции не был добровольцем. И Синицын поддержал его кандидатуру... – Наши легкие долго не выдержат ядовитой атмосферы. А где остальные участники нашей экспедиции?

– Убиты, – безразлично ответил лиг. И неожиданно добавил: – Вы оба сможете дышать без осложнений трое суток. Так сотворила целительница.

– Это невозможно, – возразил старый учёный. – Химический состав воздуха предельно агрессивен и вызывает некроз тканей за сорок минут, зимой этот срок может увеличиться вдвое, но...

– Ты здесь пять часов, – рычащий бас лига оборвал профессора. – Мне не интересно обсуждать вашу науку. Ответь, почему этот воин защищал тебя ценой собственной жизни?

– Миша? – вырвалось у Синицына. – Он офицер Службы Безопасности, возглавляет охрану нашей экспедиции! И просто хороший человек. Он выполнял свой долг, это его работа...

– Он защищал тебя, – рычание инвалида вновь перебило старого ученого. – Он грамотный офицер и сразу понял, что ваше подразделение обречено и будет уничтожено в течение нескольких десятков секунд. – Столь сложно выстроенная грамотная фраза в исполнении лига изрядно удивила профессора. – Он прикрывал тебя собой и даже после детонации вашей взрывчатки пытался спрятать тебя в лесу, хоть был ранен и толком не мог даже ползти. Когда мы подошли к нему, прежде чем потерять сознание, он попросил отпустить тебя, потому что ты можешь найти Наследие и всё исправить. Мы оставили в живых вас обоих. Теперь тебе предстоит доказать, что ты и есть тот самый старик из Пророчества. Я слушаю.

– Эммм... – озадаченно выдохнул Синицын. – Боюсь, я не вполне понимаю... О каком пророчестве идет речь? Только поймите меня правильно, я ни в коем случае не хочу вас обидеть, просто я могу быть не осведомлен о некоторых особенностях вашего...

– Неважно, – прорычал лиг. – Расскажи, зачем вы явились к Завидовскому Центру, да ещё с таким запасом взрывчатки.

Мгновение профессор размышлял, стоит ли рассказывать этой квашне горе-подсолнуху обо всём. Что мы теряем? Если посмотреть правде в глаза – ничего. Найденные координаты для лигов вряд ли больше, чем бессмысленный набор цифр, а даже если и нет, то достичь тех широт им невозможно. После того как Волжскому Каскаду станет ясно, что его экспедиция никогда не вернется, сюда однозначно больше никто не поедет. Почти обретенное Наследие навсегда останется мифом, красивой сказкой, которую лет через сто будут рассказывать старики последнему в мире ребенку. Так что достанется заветная информационная емкость лигам или так и сгинет в недрах Завидовских развалин, какая разница... К исходу Трехсотлетия искать сокровище Великой Шаро будет уже некому. А так у него, возможно, есть шанс. Синицын устало вздохнул, уселся обратно на матрасы и начал рассказ. Обреченный на вечную неподвижность лиг слушал молча, не сводя с профессора горящих багровым пламенем глаз, и этот взгляд выбивал старого ученого из колеи, заставляя невольно робеть, чувствуя себя юнцом-студентом на экзамене у ректора университета. В глубине сознания тонкими нервными иголочками покалывала мысль, что если этот прикованный даже не к постели, а прямо к полу инвалид вызывает одним только взглядом такую оторопь, как же тогда должны выглядеть другие, те самые, настоящие подсолнухи... Рассказ оказался долгим и занял почти час. Синицын и сам бы не смог ответить на вопрос, зачем он рассказывает полуграмотному обездвиженному инвалиду всё в мельчайших подробностях. Он просто чувствовал, что должен поступить именно так. А возможно, запредельно стиснутые стрессом нервы просто требовали от него выговориться... Теперь это не имело ни малейшего значения. Профессор изложил всё, начиная от своих первых, ещё студенческих шагов в сфере изучения мифа о Наследии и заканчивая рейдом в Новодевичий монастырь, письмом американцев и последующей экспедицией.

– Дальше я ничего не помню, – закончил он, – надо полагать, взорвался наш запас взрывчатки, и я потерял сознание вследствие этого. – Синицын грустно улыбнулся. – Надо же, в беспмятстве мне снился удивительно красивый сон... Дивные места и почти эфемерный, едва уловимый женский голос. Он что-то шептал, и словно не мне, а играющему с ним ветру... Никогда мне не снилось ничего более прекрасного. Даже просыпаться не хотелось.

Старый учёный умолк, ожидая реакции беспомощного инвалида. Впервые за все это время он подумал, а в состоянии ли вообще несчастный, вполне возможно, никогда в жизни не покидавший этой комнаты, осознать всё обилие сложной информации, обрушившейся на него... И если лиг решит помочь, то что в его силах? Прислушаются ли к обездвиженному сородичу остальные?

Но реакция оказалась совершенно неожиданной. В бесформенной куче тряпья что-то едва заметно шевельнулось, и лиг отчетливо прорычал:

– Все всё слышали?

В ответ ему донеслось шипение помех радиоэфира, и профессор услышал тихий, но столь же злобный рык:

– Все.

– Вывод? – прорычал вопрос инвалид.

– Это он. Единогласно. – Эфир коротко треснул и затих.

– Твои начальники солгали тебе, – произнес обездвиженный инвалид. – Развалины Завидовского Центра заселены больше ста пятидесяти лет.

– Но как же... – опешил старый учёный. – Я видел отчет Историко-Географического Университета Рыбинского ЦСГР! Там был весьма подробный доклад о...

– И в тот день, когда дирижабль прилетал к ним, его экипаж это видел, – оборвал профессора инвалид. – Дирижабль обстреляло местное население, и он ушел, не высаживая десанта, поэтому мы не стали вмешиваться. Но тебя обманули дважды, старик. В архивах Завидовского Центра не было ничего о Наследии. Лишь огромная куча отписок, что направляли сыщики начальству. Они не смогли узнать ничего, и потому с началом Хаоса дело было официально закрыто.

– Не может быть... – Профессор изо всех сил надеялся, что беспомощный инвалид ошибается, он попросту не может не ошибаться, ему вообще не может быть известно, что закладывалось в информационные емкости правительственного центра двести лет назад! – Она должна быть... информация должна быть... Обязательно должна! Данные секретных архивов тщательно...

– Мы уничтожили опорный пункт противника и забрали все накопительные емкости, – можно было сказать, что обездвиженный инвалид рычал спокойно. – В развалинах дата-центра нет ничего, кроме пустых шкафов. Захваченная документация была изучена. Тебя обманули, старик, – повторил он. – У ищеек «Сёрвайвинг Корпорэйшн» не было ничего конкретного. Ты пришел за тем, чего нет.

Старый учёный тоскливо закрыл глаза. Всё зря. Сорок лет жизни, отданные поискам, десятки смертей чистых, сотни расстрелянных в Новодевичьем лигов, надежда, вспыхнувшая в сердцах хотя бы тех немногих, кто всё ещё верил... Всё бессмысленно. Он посмотрел на окровавленного Ермакова и запоздало понял: Федотов послал их сюда на смерть, чтобы не связываться с поисками и всем прочим. Наверняка это решение было принято не им одним, неспроста Совет Президентов собирался несколько раз, а его, Синицына, пригласили только однажды. Сразу вспомнилось ермаковское недовольство слишком опасной взрывчаткой. Миша опытный офицер, он ещё тогда заподозрил неладное, говорил, что любая серьезная перестрелка для них равносильна фитилю, поднесенному к пороховой бочке. Федотов всё продумал заранее, так и вышло. Множество людей погибли зря, и он, Синицын, оба раза отводил их на смерть...

Внезапно дверь в помещение слегка приоткрылась, и раздавшийся из-за неё рычащий голос окликнул расплывшегося по полу сородича:

– Ратибор!

– Но мы поможем тебе, – вдруг произнес обездвиженный инвалид. – Ибо время пришло.

Профессор непонимающе перевел взгляд с темнеющего дверного проема на собеседника, и тут лиг встал. Бесформенная масса тряпья вдруг вздыбилась, словно гора, и Синицын похолодел от ужаса. В курсе по историческому естествознанию есть старый видеоролик плохого качества, где свившаяся в кольца королевская кобра в мгновение ока вздымалась, раздувая капюшон, и её оскаленная пасть смотрела прямо в камеру... Лиг встал именно так. Секунду назад его тело безобразным безвольным месивом лежало на полу, и вот он на ногах. Огромная, в два с половиной метра, человеческая фигура с устрашающе гипертрофированными мышцами, затянута в белый маскировочный балахон с головы до пят, нависла над профессором. Глаза подсолнуха вспыхнули кроваво-красным огнем, и от чудовища повеяло смертью. Старый учёный, полумертвый от почти первобытного страха, инстинктивно попытался отползти назад

и упал на пол, соскользнув с матрасов. Четверть тонны мышц абсолютно бесшумно сдвинулись с места, и подсолнух быстро и плавно заскользил к двери, словно его огромная фигура была бесплотным призраком. Мощная фигура заслонила собой дверной проем, на мгновение замерла и столь же эфемерными движениями вернулась обратно, вновь нависая над профессором.

– Встань, старик, – негромко прорычал подсолнух, протягивая Синицыну какой-то предмет. – И возьми пакет. Теперь он твой. Круг Пророчества начался.

Старый профессор, съезжившийся под обжигающим взглядом пылающих кровью глаз подсолнуха, неловко поднялся, пошатываясь от экстремально участившегося сердцебиения. Он с опаской посмотрел на протянутую к нему руку. Одно только её запястье было вдвое толще профессорской ноги, и зажатый в мощных пальцах пластиковый конверт-папка выглядел в руках подсолнуха поздравительной открыткой. Синицын почувствовал, как от перенапряжения начинает покалывать сердечную мышцу. Он заставил себя удержаться на ногах и взял протянутый пакет.

– Что это? – спросил он, морщась от боли.

– Конфиденциальная часть завещания Шаро Предрекшей, – прорычал гигант. – Будь осторожен с этим документом. Он ждал тебя более двухсот лет.

Сквозь прозрачный пластик папки профессор разглядел фирменный бланк адвокатской конторы, доведившей когда-то до наследников последнюю волю Великой Шаро. Недомогание мгновенно улетучилось. Сомнений быть не могло, это та сама юридическая фирма! Синицын дрожащими от волнения пальцами вскрыл папку и извлек оттуда листы самой настоящей бумаги прошлого. В первую секунду у него перехватило дыхание от увиденного. Он узнал почерк Шаро Предрекшей. Тайная часть завещания была составлена от руки в единственном экземпляре, вместе с ней в папке находились несколько созданных на копире копий. Старый учёный жадно впился глазами в рукописные строки. Великая Шаро завещала своему наследнику, Новодевичьему монастырю, хранить созданную при жизни памятную плиту в монастырском дворе и не допускать земляных работ в районе плиты. А также полностью исключить возможность её переноса с места на место, под какими бы то ни было предложениями, включая форс-мажор в виде войн, стихийных бедствий и катастроф всяких видов. Местоположение плиты с эпитафией должно оставаться неизменным. Также Шаро Предрекшая просила монастырь в меру сил противодействовать нападкам следователей «Сёрвайвинг Корпорэйшн», подозревающих её соратников в тайном вывозе с биологических ферм МАГБ по всему миру в общей сложности ста тысяч тонн элитного семенного и эмбриологического фонда незадолго до запрещения Ассоциации мировым правосудием. Великая Шаро указывала, что данный генофонд подвергся трансгенному заражению в условиях стремительно разрастающейся генетической катастрофы и был уничтожен. Далее в завещании указывалась просьба следить за тем, чтобы эпитафия на мемориальной плите всегда оставалась в читабельном виде, после чего шла короткая строка благодарности всем своим соратникам. Дата, подпись.

Синицын прочел завещание трижды, прежде чем нашел в себе силы оторваться от бумаги. Он жалел, что схватился грязными пальцами именно за подлинник завещания, и теперь старался держать листы как можно бережнее.

– Это уникальнейший документ! – выдохнул он, переводя взгляд на фигуру подсолнуха, застывшую подобно высеченному из гранитной скалы изваянию. – Это не просто неопровержимое доказательство подлинности захороненных во дворе Новодевичьего монастыря координат!

Это прямой намек на реальность Наследия! Невероятно! Вот почему Концерн так активно охотился за ним и вот почему он так его и не заполучил! Откуда оно у вас?!

– Из развалин, когда они ещё не были развалинами, – туманно ответил подсолнух.

– Это необходимо обнародовать! – решительно заявил Синицын. – Довести до сведения всех! Наследие существует! Мы должны объединиться и отыскать его! Мы должны спасти планету и навсегда покончить со страданиями! Это выше любых противоречий и любой вражды!

– Объединения не будет, – зарычал подсолнух, – разве ты до сих пор этого не понял? Концерн не умер с наступлением Хаоса. Он лишь распался на множество мелких концернов. Более не изменилось ничего. Вами по-прежнему движет лишь эгоизм, жажда власти и собственной наживы. Такова ваша природа, и исправить вас может только смерть.

– Но не все люди такие! – попытался возразить профессор. – Я знаю добровольцев, которые...

– Всё в твоих руках, – рычание подсолнуха заглушило стариковское бормотание. – Отныне это твой удел. Твоя часть круга началась, – изрёк он очередную туманную фразу и неожиданно добавил: – На твоём месте я бы не отдавал начальству подлинник сразу. Ограничься копией.

– Но... – Синицын опешил от такого поворота беседы, – как же я попаду обратно? Если только вызвать Центр по рации... Возможно, они пришлют дирижабль! У вас есть мощная рация?

– Ты всё ещё столь наивен, что считаешь, будто Концерн позаботится о тебе? – в рычании подсолнуха явственно послышались веселые нотки. – Возьмешь транспорт и сам доберешься.

– Транспорт? – не поверил профессор. – У вас есть вездеход? С горючим?

– Мы дадим тебе БМП, – прорычал гигант. – С боекомплектom, чтобы по пути вас не загрызли полевые мыши! – теперь в его рычании угадывалась насмешливая ирония. – Твой воин наверняка умеет водить боевую машину. Направление движения я укажу, останется только доехать. Хотя бы с этим справьтесь сами. По дороге вас не тронут.

– Вы дадите нам боевую технику?! – изумился Синицын. – Вы серьезно?!

– За двести лет у нас её скопилось достаточно, – горящие кровавым пламенем глаза подсолнуха сверкнули обещанием смерти, и старый профессор вздрогнул.

Угличский ЦСГР, кабинет Президента, 7 января 2268 года, 11 часов 53 минуты по времени Волжского Каскада.

Строки, написанные рукой Великой Шаро, взорвали Центр, словно хранилище пороха. Спустя сутки о находке знал весь Волжский Каскад. Население требовало немедленных и решительных действий, тут же повылазило множество новоявленных оппозиционных лидеров, обстановка стремительно становилась неуправляемой. Необходимо было срочно брать ситуацию в свои руки и делать это максимально грамотно. Судебно-административными ресурсами замять дело не получилось, присвоение Синицыну и Ермакову статуса инвазивных только подхлестнуло народные волнения, хотя это решение полностью основывалось на положениях закона. Федотов злобно скривился. Какого черта охрана Военизированного Пояса не уничтожила этих уродов ещё в полосе отчуждения, когда их БМП оказалась в пределах видимости?! Ермаков знал все оперативные радиочастоты и успел связаться с минометной батареей, уже готовившейся нанести удар. Черт подери!!! Кто вообще мог подумать, что такое возможно?! Подсолнухи отдали старому маразматiku документы Шаро! Лучшего повода упечь Синицына в психушку не найти, а Ермакова расстрелять за неосторожное обращение со взрывчаткой, повлекшее гибель участников рейда. БМП они вообще просто случайно нашли где-то в развалинах. Но вот опровергнуть подлинный почерк Шаро невозможно! Старикашка оказался хитер, каким-то образом успел заранее размножить и спрятать документ, и оперативно проведенный обыск с конфискацией ничего не дал. Более того, теперь он шантажирует Президента! Его, Федотова! Требуем немедленного начала организационных мероприятий экспедиции в Калифорнию, иначе начнет кампанию по вынесению Президенту вотума недоверия. Это уже

слишком. Так с Федотовым обращаться нельзя. Синицын подписал себе приговор. Устранить старика сейчас невозможно, это мгновенно спровоцирует вооруженный бунт. Наоборот, его надо беречь. Пока.

– Спутники в зоне взаимной видимости, господин Президент! – в дверях президентского кабинета стоял начальник Службы Безопасности. – Мы начали установление связи.

– Идем, – хмуро буркнул Федотов, выходя из-за стола.

Совещание Президентов оказалось ещё тяжелее, чем он рассчитывал. Скрывать от других новую находку Синицына не имело смысла, население трех Центров кипит, удержать такое в тайне невозможно. Федотов отправил всем шифровку с содержанием найденного и собственным анализом. Как он и ожидал, коллеги отвернулись от него сразу же, едва почуяли открывающиеся перспективы. Сто тысяч тонн семенного фонда. Ради такого каждый из них стал готов рискнуть многим. На Федотова, оставшегося один на один со взбудораженным электоратом, всем стало плевать. На Совете никто и не собирался хоть чем-то помочь ему, всех интересовало лишь то, как разделить находку.

Конечно же американцам никто ничего не скажет, пусть хоть подохнут всем своим Колорадским Альянсом и прочими американскими Альянсами в придачу. Тем более, что Наследие наверняка расположено либо в Китае, либо в Индии, хотя тут ещё большой вопрос. Рейд в Лос-Анджелес организует «Русский Остров». Адмирал Абрамов тут же потребовал бесплатного топлива и скидок на порох, сославшись на скудность запасов и напряженность боевых действий с лигами. В ответ Излучинский ЦСГР, как единственный поставщик топлива, потребовал бесплатных поставок пищи, на что Сибирский Союз отреагировал своими претензиями...

На проблемы Федотова всем было плевать. Он слушал Президентов молча, не вмешиваясь в разговор. И так ясно, что «Русский Остров» отправит рейд, даже если ему придется действовать в одиночку. Кто же откажется от такого куска. Что бы там Абрамов себе ни думал, в тайне он координаты не сохранит, если вообще найдет. А уж для экспедиции к самому Наследию придется объединяться. Но вот только вряд ли всем. Сибирский Союз на этой волне подомнет под себя независимых Излучинцев и моряков, если вообще попросту не оставит последних за бортом. И самостоятельно снарядит рейд. У них хватит для этого сил. Волжский Каскад им не нужен. В крайнем случае, пообещают кусок Заволжскому ЦСГР ради притока добровольцев. А вот его, Федотова, Угличский Центр самый маленький. Он никому не нужен. Рыбинских тоже отфутболят в мягкой или жесткой форме... Мы на отшибе и имеем все шансы не попасть на пир... Особенно он, Федотов. После того, как Наследие найдут, чтобы с ним не делиться, его ещё и виноватым сделают, с них станется. Объявят негодяем, пытавшимся скомпрометировать, а то и напрямую скрыть координаты великой надежды всего мира... Но он не станет просто сидеть сложа руки и смотреть на чужой праздник жизни. Не на того напали. Этот Центр его, его и останется. И не только Центр.

Изобилующий эмоциями Совет Президентов завершился, и Федотов собрал свою администрацию. Пора оседлать энергию электората и вернуть себе прежние позиции.

– Сегодня же собрать пресс-конференцию, – распорядился Федотов, – по итогам принятых на Совете Президентов решений. Начало в девятнадцать ноль-ноль. Я сам подготовлю доклад. Немедленно объявить, что российские представительства Концерна начинают подготовку к экспедиции за Наследием Великой Шаро. Возглавлять рабочую группу от Угличского ЦСГР решением Совета Президентов назначен я. Поэтому своей властью назначаю научным руководителем профессора Синицына. Ему оказано всеобщее доверие отправиться с рейдом в Лос-Анджелес, Сибирский Союз пришлет за ним самолет, как только подготовка войдет в соответствующую стадию. Также будет организован сбор средств от всех, кто захочет помочь мировой общественности в великом деле обретения Наследия...

Федотов раздал ещё несколько указаний и отправил чиновников воплощать их в жизнь, жестом велел начальнику Службы Безопасности остаться. Итак, что мы имеем? С обществен-

ными настроениями справимся. Оближем старикашку с головы до ног, создадим все условия, после чего выпроводим его в Сибирский Союз, далее на «Русский Остров», а там уже Шаро Предрекшая разберется, что с ним станет. От Ермакова надо избавиться, он стал слишком популярен и непредсказуем. Но с этим позже. Протесты... протесты оседлаем, теперь у нас есть беспроегрышная карта – священные поиски Наследия. Раздадим подачки «независимым» журналистам, поработаем с оппозицией, не в первый раз...

Есть только одно «но», которое не устраивало Федотова. Он остаётся в стороне от дележки добычи, именно к этому всё и идет. А ведь Наследие принадлежит ему, именно его человек заварил всю эту кашу. И если бы не Федотов, Наследие так и осталось бы навсегда сказкой для детей. И теперь его отодвинут в сторону более сильные. Не пойдет. Рано списываете, уважаемые коллеги! Если нельзя получить причитающуюся ему добычу целиком, он получит от нее солидную часть. Для этого ему требуется сильный и заинтересованный союзник, который не станет пренебрегать его предложением.

– Возьми самых надежных людей, – Федотов бросил на начальника Службы Безопасности тяжелый взгляд. – Дай им двойные рационы пожизненно. Пообещай всё, что потребуется, позже разберемся. Мне нужен секретный сеанс дальней связи, абсолютно надежный, чтобы никто не знал, не перехватил, не расшифровал, – комар носа подточить не должен! Допустишь ещё одну утечку – ответишь жизнью. Понял?

– Будет сделано, господин Президент, – съезжился безопасник. – Я всё организую идеально. Я сделал выводы, меры приняты. Везде стоят только преданные нам люди! Больше осечек не будет! С кем устанавливать связь?

– С Президентом Рокфеллером, – по лицу Федотова скользнула мрачная усмешка.

Часть первая

Москва, Кремль, кабинет Генерала, 5 сентября 2014 года, 11 часов 20 минут, время московское.

Второй помощник положил на стол объемистую папку и вытянулся по струнке, вопросительно глядя на шефа:

– Что-нибудь ещё, Алексей Алексеевич? – мужчина был назначен на должность помощника полгода назад, но до сих пор чувствовал себя неловко каждый раз, когда оказывался в генеральском кабинете. Однако сейчас свойственная ему бледность приняла едва заметный зеленоватый оттенок.

– Вы болезненно выглядите, Евгений, – Генерал оторвался от чтения напечатанного на правительственном бланке документа и бросил на помощника внимательный взгляд: – Вы в порядке?

– Немного нездоровится, – стушевался тот, – так, ерунда, пройдет. На работе это никак не отразится, Алексей Алексеевич!

– Зайди к нашим эскулапам, – велел Генерал и кивнул на принесенные документы: – Полностью?

– Так точно! – отрапортовал помощник. – Подробная сводка по текущим агентурным отчетам плюс пакеты экспертных заключений, а также анализ сложившейся обстановки в сегментах, которые вы затребовали. И ещё выборка по прессе.

– С экспертами проблемы были? – осведомился Генерал, возвращаясь к чтению текущей бумаги.

– Ещё какие, – второй помощник невесело нахмурился. – Все официальные научные инстанции тянули резину изо всех сил и, в конце концов, представили самые радужные заключения. Согласно агентурным данным, влияние противодействующей стороны там подавляющее. Альтернативные исследования я получил от моих... – он сделал многозначительную паузу, – добровольных соратников. Я всё включил в сводку.

– Обеспечение инкогнито основных специалистов держи на постоянном контроле, – Генерал вновь бросил на помощника суровый взгляд. – Афиширование не в наших интересах, это вызовет противодействие противника и сильно замедлит работу.

– Ммм... – помощник потупился, – мы принимаем все возможные меры, но информация просачивается наружу. Сразу несколько независимых журналистов и блогеров регулярно публикуют в интернете компрометирующие статьи.

– «Ай Эм Джи»? – в отличие от молодого по кремлевским меркам помощника лицо Генерала не выражало эмоций. За десятилетия службы и годы последующей государственной деятельности он в совершенстве овладел искусством не давать окружающим ни единого шанса определить своих настроений.

– Они, – подтвердил помощник. – Писаки-то, как всегда, свободные и независимые, все, как на подбор, борцы за справедливость и так далее. Люди Рогожина применяют проверенную схему, практически всех этих «борцов» используют вслепую, доказать заказ мы не сможем. Есть только агентурные подтверждения, я приложил служебную записку. Мы считаем, что «Ай Эм Джи» приступило к начальной фазе кампании по дискредитации: не спеша забрасывает наших ученых мелкой грязью, оспаривает их работы путем дилетантских придилок от большого количества случайных людей, не имеющих в данной области либо никакого образования вообще, либо мелочь на уровне программы специализированного ВУЗа. Упор делается на эмоции и тягу интернет-аудитории к бесконечным перепалкам по неважно какому поводу. Таким образом, общественное мнение постепенно склоняется в сторону недоверия и негатива и под-

готовавливается к последующим, более серьезным фазам операции. Далее в ход пойдут обвинения на научной почве, но для их составления требуется время и дружелюбие обывателей, заранее готовых согласиться с этими обвинениями. Противник, как обычно, будет действовать на сложно-научном уровне, и понять смысл их терминологии сможет далеко не каждый. В настоящее время мы ведем разработку мер противодействия.

– Повнимательнее с этим, – предупредил Генерал. – Обвинений в ущемлениях свобод и всего прочего все равно не избежать, так что чем меньше мы дадим поводов, тем лучше. Наши «друзья» с удовольствием ухватятся за любую возможность. Можете идти, Евгений, я вызову вас позже. Через десять минут Полковника ко мне, с докладом о вчерашней прослушке.

Второй помощник заверил шефа, что принимаются все возможные меры, и покинул кабинет. Оставшись один, Генерал посмотрел на толщину только что доставленной папки и позволил себе тяжелый вздох. Да... Время, время, время. Всё, что остаётся, это лишь сожалеть о том, что в сутках всего двадцать четыре часа. Где бы взять ещё хотя бы семь, а лучше – сорок...

Некоторое время он продолжал изучать правительственный документ, после чего отложил его в сторону и задумался. Противостояние внутри правящих кругов близится к своему пику. В стране мирное время, но клану, в который он входит, приходится вести тяжелую войну. Войну негласную, но от того не становящуюся менее жестокой. Здесь нет линии фронта и нет четкого разделения на своих и чужих. Границы размыты, слова туманны, спокойствие призрачно, а уверения в дружбе и симпатиях не более чем маскировка и мираж. Два мощных лагеря сошлись в беспощадной битве за управление страной, и в этой незримой войне нет ни пленных, ни раненых, основная стратегия – шпионаж и предательство, тактика – поиск и создание компромата, оружие – принятие удобных для себя законов. Генерал был далек от кристальной честности и прочих добродетелей непорочности и прекрасно отдавал себе в этом отчет. За свою долгую карьеру силовика и политика в подобных битвах ему приходилось участвовать не раз и не два, но эта война для него всё больше становится освободительной... И мы проигрываем в ней всё сильнее.

– Разрешите войти, Алексей Алексеевич? – в дверях кабинета стоял Полковник.

– Входи, – разрешил Генерал, взглядом указывая подчиненному на ближайшее к своему столу кресло. – Присаживайся. Что удалось выяснить?

– Нашей конторы работа, – поморщился Полковник. – Мы дотошно обнюхали всё, что могли. Ниточки ведут в кабинет с резными ручками. Доказательств нет, но аналитики дают двести процентов гарантии. Больше такое настолько чисто проверить никто не мог, вчера на ключевых сменах стояли наши люди, только потому и заметили.

Несколько мгновений Генерал не отвечал. Полковник возглавлял его людей в ФСО, отвечал за безопасность и пользовался заслуженным доверием. Конечно, в этой закулисной войне любой друг может, как пел когда-то очень давно Высоцкий, «оказаться вдруг», но в данный момент Полковник абсолютно надежен. Вчера его люди засекли ведущую прослушку. Кто-то слушал его, Генерала, личный конспиративный канал связи. А сделать это далеко не просто, начиная с того, что для этого необходимо быть в Кремле, как у себя дома, и заканчивая тем, что саму информацию о существовании этого канала связи внутри правительственного мобильного телефона нужно было как-то получить. Тут случайности исключены, и доклад Полковника это подтверждает. Прослушку вели люди из ФСО, подконтрольные Чиновнику из кабинета с резными ручками, одному из наиболее опасных противников в ведущейся негласной войне. Чиновник занимает в Кремле серьезную должность, но не это делает его столь опасным. Он входит в группировку противника, и веревочки, за которые им управляют истинные хозяева, тянутся далеко на Запад.

– Что они услышали? – Генерал посмотрел на Полковника. Сотрясать воздух возмущениями не имело смысла. Утечка прошла, это свершившийся факт. Теперь необходимо мини-

мизировать потери. Для этого надо знать, где допущена ошибка и в каком месте ждать следующего удара.

– Немного, – ответил тот. – Практически ничего. – Он раскрыл тонкую папку и протянул Генералу лист бумаги. – Вот посекундная детализация. Они повисли на линии в девять пятьдесят три, в десять шестнадцать мы засекли присутствие, в десять двадцать две дыру закрыли. Ещё через полчаса наши люди были во всех точках возможного доступа, но к тому моменту противник уже всё подчистил. Предъявлять голословные обвинения коллегам, находящимся на плановом дежурстве, мы не стали. – Полковник сделал паузу и добавил: – Не ясна цель их операции. Они выбрали время неграмотно, и это меня настораживает. Рабочий день только начался, внимание всех служб повышено. Они не могли не понимать, что будут быстро обнаружены. Кроме того, в указанный промежуток вы беседовали только с Евгением по вопросу «Ай Эм Джи», а в кабинете с резными ручками знают, что у нас на Рогожина нет ничего весомого. Я считаю, что прослушка не ставила целью получение информации, слишком грубый способ. Больше похоже на демонстрацию силы.

– Слишком просто, – Генерал вновь задумался. Вне всякого сомнения, это была пощечина. Чиновник со товарищи прекрасно понимают, что даже по секретной линии он не скажет ничего такого, что можно было бы использовать против него с причинением ощутимого вреда. Значит, его пытаются спровоцировать на некие действия и заранее подготовили ловушку. Но одной такой провокацией его на скользкий путь эмоций не выведешь. Значит, должно быть что-то ещё, и это лишь первый ход...

– Алексей Алексеевич! – массивная дверная створка отворилась, и на пороге показалась бледная от испуга секретарь-референт. – Простите... там... – она задохнулась от волнения, – Евгений умер! У себя в кабинете! Ему вдруг плохо стало, охрана вызвала медиков, но... было поздно...

Генерал аккуратно положил на стол распечатку и молча перевел взгляд на Полковника. Тот был уже на ногах.

– Буду докладывать по мере прояснения ситуации, – произнес он и вышел из генеральского кабинета.

Тихий океан, борт научно-исследовательского судна Всемирного Фонда Дикой Природы 8 сентября 2014 года, 15 часов 45 минут по Гринвичу.

Палуба под ногами вновь покачнулась, и Алена перехватила бинокль одной рукой, чтобы иметь возможность держаться за леер. Море сегодня относительно спокойное, но на всякий случай лучше подстраховаться, свалиться за борт по собственной халатности не хотелось.

Держать одной рукой тяжелый морской бинокль было тяжело, и вскоре его пришлось опустить. Впрочем, картина от этого не изменилась, что делало её ещё более ужасающей. В нескольких сотнях метров от покачивающегося на слабой волне белоснежного судна, растянувшись от горизонта до горизонта, начинался бесконечный пестрый континент, на границе которого застыли несколько катеров с научными группами на борту. Ничего общего с прекрасным это разноцветье красок не имело, перед взорами ученых простиралась колоссальная свалка мусора, сплошь состоящая из пластиковых бутылок и упаковок. Тонны отходов из пластика, сотни, тысячи тонн. Новый материк на лице планеты, гигантская язва на синей глади океана. Алена тяжело вздохнула. А ведь это не единственная пластиковая свалка. Только здесь, в Тихом океане, есть ещё одна такая же, лишь вдвое меньше...

– Удручающее зрелище, – стоящий рядом с ней ученый-эколог говорил по-английски с заметным французским акцентом. – Я принимаю участие в экспедициях ежегодно, но каждый раз при виде этой катастрофы меня охватывает уныние. На этом мусорном пятне могло бы уместиться три моих родных Франции, и год от года его размеры увеличиваются. Но миру

до этого словно и вовсе нет никакого дела. По подсчетам наших коллег за десять лет количество мусора в океанах увеличится вдвое. Такими темпами наши правнуки могут остаться без чистого океана...

Француз замолчал, медленно скользя взглядом по бескрайней поверхности ненанесенного на карту мира континента. Алена вновь поднесла к глазам бинокль. Как бы эти удручающие прогнозы не сбылись гораздо раньше. Перед нами не просто почти два миллиона квадратных километров замершего на поверхности океана пластикового мусора. Это лишь видимая его часть, тридцать процентов. Остальное снизу, словно подводное основание айсберга. Бескрайнее гниющее месиво, «мусорный суп», так окрестили это специалисты. Пластик гниет медленно, по разным оценкам от трехсот до пятисот лет, и, таким образом, бессмысленно надеяться на то, что эта свалка со временем исчезнет сама по себе. Человечество плодит мусор на порядок быстрее, чем природа успевает утилизировать. Ежегодно в мире производится более трехсот миллионов тонн пластика, и сорок процентов общих пластиковых отходов составляют пластиковые бутылки. Девяносто процентов плавающего на поверхности океана мусора составляют именно они. Треть океанского мусора сбрасывается в воду кораблями, остальное – прибрежными государствами. Но перспектива жить на берегу отравленного океана пугает очень и очень немногих. А зря. В числе продуктов разложения пластика имеются опасные токсичные элементы, и они не только отравляют воду. Морские птицы и рыбы принимают пластик за еду и пытаются им питаться. Это их убивает, убивает быстро и в огромных масштабах, сопоставимых с воздействием оружия массового поражения. Тонны гниющих рыбьих и птичьих тушек дополняют картину мусорной катастрофы. Но пока материк из отходов не упрется в золотые пески курортных пляжей и не начнет мешать бизнесу толстосумов, денежные мешки и не подумают спасать океан. Вот только будет ли тогда что спасать?

Экспедиция WWF идет вдоль кромки мусорного континента четвертые сутки, делая остановки в разных точках. Оценивается общая динамика роста свалки, на химический анализ берутся пробы воды и воздуха. И везде картина одинакова: содержание в воде бисфенола А превышено многократно, повсюду огромное количество мертвой рыбы, тушки океанских птиц. Лабораторные анализы прямо свидетельствуют: смерть наступила от отравления продуктами распада пластика. Но всерьез считать, что гибель каких-то там рыб или птиц может обеспокоить предприимчивых джентльменов из «Выживания», явилось бы верхом наивности. Им на людей-то плевать, если речь идет о сверхприбылях, какая уж там природа и экология... А деньги тут замешаны огромные, пластиковый бизнес занятие планетарного масштаба, восемь процентов всей добываемой в мире нефти идет на производство пластика. А где смешиваются огромные деньги и беспринципные методы, там всё те же фигуранты, до боли знакомые...

Губы Алены невольно сложились в презрительную усмешку. Список основных транснациональных компаний, производящих пластик, мало чем отличается от списка производителей ГМО: «БАСФ», «Дюпон», «Байер», «Доу Кемикал», конечно же «Монсанто», тесно связанная через свой аспартам и пластик с «Кока-Колой», и так далее... Одни и те же лица, одни и те же методы. Подкуп, утаивание научной информации, подтасовка фактов – споры вокруг безопасности бисфенола А, вещества, содержащегося в изделиях из пластика, не утихают точно так же, как вокруг ГМО. И могущественные бизнесмены планетарного масштаба не устают влиять на их результаты.

Стоило Канаде в сентябре 2010 года официально внести бисфенол А в список опасных химических веществ, как джентльмены из «Выживания» развили бурную активность, пресекая посягательства на одно из своих детищ. Уже 30 сентября 2010 года EFSA (European Food Safety Authority) повторно признала использование бисфенола А для покрытия емкостей, контактирующих с напитками и продуктами питания, безопасным для человека. На всякий случай, для большей весомости, 13 ноября 2010 года бисфенол А признала безопасным ещё и Всемирная Организация Здравоохранения. Правда, 26 ноября 2010 года Еврокомиссия запретила кормить

младенцев из бутылочек с бисфенолом А, но вряд ли это можно списать на вспышку совести у «Выживания». Просто ещё не всем на этой планете безразлично будущее собственных детей. Остальных, судя по решению Еврокомиссии, уже ничто не спасет, и потому и бисфенол А им не страшен.

Между тем вред бисфенола А в 2010 году для здоровья человека признало даже FDA (Управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами США). Причем оно отдельно отметило присутствие данного вещества во всех композитных стоматологических пломбировочных материалах, из которых бисфенол А под воздействием слюны особенно быстро попадает в кровоток человека. Причем для последнего губительны даже следовые количества бисфенола А. Из-за своей структурной схожести с женским половым гормоном эстрогеном он оказывает негативное влияние на мозг и репродуктивную систему а также служит причиной ряда онкологических заболеваний, в частности: рака простаты, яичек, молочных желез. В этом же списке аутизм, деформация ДНК в сперматозоидах, угнетение эндокринной системы, задержка развития мозга, и наоборот, способствование развитию сахарного диабета, ожирения и сердечно-сосудистых заболеваний. Бисфенол А переходит из пластика в пищу как при нагреве, так и при длительном хранении пищевых продуктов в пластиковой таре. Опасен даже в очень малых количествах. Одним словом, ерунда, не стоящая внимания воротил транснационального бизнеса. Возможно, именно поэтому отдельные страны запрещают или пытаются запретить использование бисфенола А, но в общем и целом воз (и ВОЗ тоже) и ныне там. Девяносто пять процентов пластмассовых детских рожков до сих имеют в своем составе бисфенол А. Зарабатывать – так зарабатывать, зачем мелочиться... Подумаешь, какие-то дети или кто там ещё имеет все шансы стать инвалидом в процессе использования ядовитого пластика. Чем больше рынок сбыта, тем больше прибыль. Побочные эффекты предприимчивых мудрецов не интересуют. Для них вот этого мусорного айсберга размером с три Франции не существует.

– Мисс Шаройкина! – голос старшего помощника капитана вывел Алену из невеселых раздумий. – На ваше имя получена радиограмма из Москвы. – Он протянул ей бланк и добавил: – Капитан просил меня выразить вам соболезнования от лица всей команды. Мы сожалеем, мисс Алена.

Она торопливо развернула сложенный вдвое лист бумаги и пробежала глазами по строкам. Умер Евгений Капланский, похороны должны состояться завтра.

– Это всё? – Генерал отложил докладную записку и мрачно посмотрел на двоих людей в штатском, замерших в своих креслах. – Какой-то клерк пришел на работу нетрезвым и перепутал документы. Вот так просто, досадная случайность. Подходящая версия, чтобы скормить её прессе. Я напоминаю вам журналиста?

– Это всё, – угрюмо подтвердил один из подчиненных. – Наша вина. Не предусмотрели подобное развитие событий. Всё шло к тому, что это трагическая случайность, ведь экспертизы ничего не дали. Тело уже собирались выдать родственникам для захоронения. – Он болезненно поморщился в знак своего бессилия. – Клерк чист, наши люди вывернули его наизнанку. Бесполезно. Он ничего не знает и не помнит, действительно был пьян. Его используют как громоотвод, как обычно, втемную. Часть патологоанатомических образцов оказалась подменена. У нас сохранилось лишь две подлинные пробы, это произошло фактически случайно – забыли забрать из лаборатории. Сейчас они надежно охраняются, но толка от этого мало. Подконтрольные нам эксперты в них ничего не нашли тогда, не найдут и сейчас. Отправить за границу? Официальными каналами, можно привлечь к этому журналистов, раздуть шумиху... может, за границей что-нибудь найдут.

– Нет, – мгновение подумав, ответил Генерал. – Это будет означать признание собственной слабости. Поступим иначе. Официально подтвердите, что мы довольны результатами экс-

пертизы, дело закрыто. Формально образцы уничтожить. С изготовлением всех сопутствующих этому процессу документов. Пусть гадают, разобрались мы в чем дело или нет. Сами образцы тайно отдать на исследование нашим добровольным экспертам.

– С ними работал только Капланский, – произнес второй из мужчин в штатском. – Напрямую, без посредников. Все контакты были у него, других связей у нас с ними нет, это не зависящие от нас люди. Возможны трудности.

– Так восстановите контакт, – Генерал бросил на собеседника пронзительный взгляд. – Мне что, учить вас, как это делается? В понедельник жду доклад. Свободны!

Сотрудники покинули кабинет, и Генерал откинулся на спинку правительственного кресла. Чиновник из кабинета с резными ручками сделал следующий ход, и ответить ему пока нечем. Понять техническую сторону проведенной противником комбинации не удастся, что лишний раз подтверждает наше отставание. Противник прямо указывает на то, что никто в нашем клане не может чувствовать себя в безопасности, все мы в их руках, и защитить нас ничто не сможет. Надо признать, что проблема оказалась серьезнее, чем ожидалось. Комбинацию Чиновник разыграл грамотно, без мощнейших ресурсов такое невозможно. Сначала Генералу демонстративно ткнули в нос прослушкой, ведущейся прямо по линии ФСО, тем самым давая понять, что его влияние на силовиков далеко не безгранично. Причем прослушивали его разговоры с Капланским, не являющимся хоть сколь-нибудь серьезной фигурой. Потом Капланский внезапно умирает прямо у себя в кабинете, и целая серия экспертиз не находит следов насильственной смерти. Всему виной резкий скачок давления, повлекший за собой ураганный отек мозга. Предположительно, генетическая предрасположенность, хотя Евгений полгода назад, перед повышением, проходил полную комплексную медицинскую проверку со сдачей необходимых образцов в банк данных. Проверка тогда не выявила в его организме никаких патологий. Теперь он умер, и после того, как все проведенные экспертизы подтверждают смерть от естественных причин, а его тело уже готовят к выдаче родственникам, некий рядовой сотрудник морга, будучи сильно навеселе после попойки с неизвестными случайными попутчиками, приходит на работу и ошибочно заполняет документы. В результате тело покойного подвергают срочной кремации. Начинаются разбирательства, и тут же выясняется, что в лаборатории, проводившей последнюю экспертизу, патологоанатомические образцы, взятые у умершего, подменены на чужие.

Более прозрачно намекнуть на то, что смерть Капанского не была случайностью, невозможно. Противник нанес удар в болевую точку: теперь в определенных кругах поползут слухи, что Чиновник со товарищи в состоянии физически устранять своих конкурентов, не оставляя при этом никаких следов. Ни доказать факт убийства, ни даже связать смерть жертвы с кабинетом с резными ручками невозможно. Может, убили, а может, и сам умер... Это лучше изби- того ногами полония будет. Среди членов семейств нашего лагеря началась нервозность, а тем, кто склонен к параноидальным настроениям, и вовсе стало совсем печально. Вызвать постоянный страх за свою жизнь и судьбу близких, ощущение полной потери контроля над ситуацией, подтачивающее нас изнутри, вот начальная цель противника. Вражеский лагерь демонстрирует нам своё финансовое и научное превосходство и предлагает сидеть тише и вести себя скромнее. Иначе политическая борьба за государственный пирог может быть продолжена более радикальными методами. Может, с первого взгляда и грубо, но только с первого взгляда. Противостоять неизвестно чему мы не можем, а неизвестность – худшая из опасностей. Коллеги по лагерю требуют от Генерала решительных действий, и они правы. Но тут нужно действовать очень осторожно и своими силами, которых в этой области практически нет. И привлекать к работе зарубежных специалистов рискованно, там наше влияние ещё меньше.

Генерал хмуро пододвинул к себе папку Капанского. Текущая сводка с фронтов, можно сказать и так. Он вновь принялся изучать подготовленные погибшим помощником документы. Мы в кольце врагов и отступаем, иначе и не скажешь. Противостоять таким деньгам очень

непросто... Генерал скользнул взглядом по списку противников. Это лишь вершина айсберга, истинных кукловодов так просто не вычислишь, но даже со всем известной вершиной бороться становится всё сложнее. Закулисные хозяева ревностно оберегают свои детища.

За примерами далеко ходить не надо. Генерал взял в руки один из документов. Флагман джентльменов из «Выживания», компания «Монсанто», очень показательный случай. Существует вот уже более ста десяти лет, и с каждым годом мрак тайны вокруг неё сгущается всё сильнее. Компанию основал в 1901 году некто Джон Куини. Откуда он взялся – ещё та история, полная противоречивых данных. Деньги на создание бизнеса он получил у некоего чикагского производителя прохладительных напитков, и то небольшое, что известно об этой договоренности, вызывает лишь новые вопросы. Компания стала поистине волшебной с первого дня своего основания. Никаких падений, один нескончаемый взлёт.

В 1901 году Куини создавал компанию с невинной с виду целью – производство сахарина. При этом происхождение его формулы весьма туманно: то ли Куини, скажем так, позаимствовал её где-то у прежнего работодателя, то ли изобрел сам.

Уже в 1920 году «Монсанто» приступает к производству серной кислоты и других химикатов, в числе которых полихлорированные бифенилы – печально известные ПХБ. Позже выяснилось, что они подрывают репродуктивное здоровье, вызывают нарушение развития у детей и иммунные проблемы. Последующие годы компания успешно занималась этой деятельностью.

В 1940 году «Монсанто» приступает к производству синтетических тканей и пластика и с тех пор и по сей день прочно входит в десятку крупнейших его производителей в США.

В 1960 годах компания создает подразделения по производству гербицидов. С 1962 по 1971 год «Монсанто» является главной компанией-поставщиком в армию США знаменитого гербицида «Агент “Оранж”», использованного во время войны во Вьетнаме. Пострадали тысячи людей, в том числе и американские ветераны, заработавшие онкологические заболевания, но «Монсанто» всё сошло с рук. Впрочем, ладно, то была война, допустим, что это уважительная причина, в конце концов, в 1987 году «Монсанто» всё-таки была названа одним из ответчиков по делу о выплате ста восьмидесяти миллионов долларов ветеранам войны во Вьетнаме, подвергшимся воздействию «Агента “Оранж”». Заплатили, да и ладно, спишем на войну, она всё стерпит. Но дальше становится ещё интереснее.

В 1976 году «Монсанто» успешно коммерциализирует гербицид собственного производства «RaundUp», который быстро становится самым продаваемым химикатом в мире. В этом же году компанией начато производство изделий «Cycle-Safe» – первых в мире пластиковых бутылок для безалкогольных напитков. После того как выяснилось, что использование этих бутылок может вызывать рак, Управление питания и лекарственных препаратов США запретило их производство. И всё. Никто не заставил «Монсанто» отвечать за смертельно опасную продукцию.

1982 год ознаменовался переселением двух тысяч жителей из местечка Таймс Бич в Миссури после обнаружения загрязнения территории диоксинами, соединениями, образующимися при производстве тех самых ПХБ. Источником проблемы называли стоящий в тех краях химический комбинат, принадлежащий «Монсанто», но компания отрицала всякую связь загрязнения со своим производством и, как всегда легко, избежала серьезной ответственности.

В 1986 году компании все-таки пришлось ответить по иску о халатности, приведшей к смертельному отравлению бензолом рабочего на своей фабрике «Chocolate Bayou Plant» в Техасе. «Монсанто» была вынуждена выплатить сто миллионов долларов семье Уилбора Джека Скина, умершего от лейкемии, вызванной многократным воздействием этого вещества. Сумма одновременно огромная для любого человека и совсем не столь обременительная для «Монсанто», как может показаться. Как обычно, этим все и закончилось, если не считать мизерных трат компании суммой всего лишь пятьдесят тысяч долларов на противодействие

принятию закона, запрещающего сбросы химикатов, вызывающих онкологические заболевания и пороки развития, в источники питьевой воды.

Уже через два года, в 1988-м, дочерняя компания «Монсанто», носящая название «G.D. Searle & Co», обвиняется Федеральным судом присяжных в халатности. Которая была допущена при проведении исследований на безопасность, – Генерал едва заметно усмехнулся. Это давно уже стало визитной карточкой загадочных джентльменов – ошибка при исследовании на безопасность. В тот раз речь шла об опасности внутриматочной спирали их производства, которая была поставлена почти десяти миллионам женщин с 1974 по 1986 год.

В 1990 году Агентство по охране окружающей среды США выявило фальсификации в исследованиях «Монсанто» 1979 года о том, что загрязнение диоксинами не приводит к риску возникновения онкологических заболеваний. Разумеется, и это сошло «Монсанто» с рук, зато сама компания выводы сделала. И в этом же году потратила более четырехсот тысяч долларов на борьбу против законопроекта, известного как «Большая Зеленая Инициатива». Он был направлен на поэтапное сокращение использования пестицидов, в том числе производимого «Монсанто» алахлора, вызывающего онкологические заболевания и заодно способствующего потеплению климата.

В 1991 году компанию все-таки оштрафовали за попытку сокрытия слива отходов в воды реки Мистик, штат Коннектикут. Оштрафовали аж на целых миллион двести долларов. Несомненно, «Монсанто» дрожала в этот момент. Только лучше не уточнять от чего именно, от страха или от смеха.

В 1994 году «Монсанто» получает разрешение на свой первый биотехнологический продукт для использования в молочном животноводстве – трансгенный бычий гормон роста «Posilac».

В 1995 году компании вновь сурово пригрозили пальчиком. Сначала сделали ответчиком по иску за предоставление предположительно радиоактивного железа для проведения, мягко говоря, весьма неоднозначного исследования среди более восьмисот женщин, которые получали его во время беременности. Потом заставили выплатить сорок один миллион долларов компании по переработке отходов в Техасе, чтобы те уничтожили токсичную свалку, вызвавшую опасения у общественности. При этом никто особо не смутился тем фактом, что препарат для уничтожения сорной газонной травы от «Монсанто», название «Weed-B-Gon», содержит канцероген 2,4D. Это искусственно созданный фитогормон, основной компонент того самого «Агента “Оранж”».

Зато сама «Монсанто» уже в 1996 году проводит внедрение первых трансгенных культур сои, устойчивой к «Раундапу», и хлопчатника, убивающего вредителей.

Через год, в 1997-м, на фоне многочисленных судебных исков, подающихся на компанию в связи с загрязнением, образующимся из-за работы её предприятий, «Монсанто» образует дочернюю компанию «Solutia». Дочке, предназначенной принимать на себя удары недовольных, велят заниматься производством промышленных химикатов, сама же «Монсанто» внедряет новые ГМО: рапс, новые сорта ГМ-хлопчатника, кукурузу. Попутно скупая ключевые семенные компании для устранения конкуренции.

В 1998 году проходит внедрение печально знаменитой в Латинской Америке ГМ-кукурузы, устойчивой к «Раундапу».

В 2000–2002 годах «Монсанто» «объединяется» с компанией «Pharmacia & Upjohn Inc.» и формально разделяет химический и сельскохозяйственный бизнес. Теперь «Монсанто» занимается исключительно агробизнесом. С этого момента экспансия компании «во весь мир» резко усиливается.

В феврале 2002 года происходит интересное событие. Решением суда штата Алабама «Монсанто» признана виновной в шести различных нарушениях: халатности, пренебрежении законодательными нормами, утаивании информации, создании опасной ситуации, злоупотреб-

лении и произволе. Суть проблемы: в 1966 году сотрудниками «Монсанто» были выявлены факты мгновенной гибели рыбы, выловленной в местной речке. Из рыбы хлестала кровь, а чешуя слезала с нее так, будто ее опустили в кипяток. В 1969 году они выловили из другой речушки рыбу, содержание ПХБ в которой превышало допустимое в 7,5 тысяч раз. Но об этом никто не узнал, так как компания решила, что «объект обойдется очень дорого, если резко ограничить сбросы, а мы не можем позволить себе потерять ни одного доллара». Документы, предоставленные суду, подтверждают, что в «Монсанто» знали об опасности, которой подвергаются жители городка, но они продолжали отравлять окрестности ПХБ, не желая терять прибыли. Интересность данного события заключается в вердикте суда, в котором говорилось, что «Монсанто» «грубо нарушила закон, эти нарушения настолько велики, что выходят за все возможные границы порядочности, являются зверскими и совершенно неприемлемыми в цивилизованном обществе», при этом компания продолжает жить и здравствовать.

В 2003 году по иску двадцати тысяч жителей города Эннистон, штат Алабама, решением присяжных «Монсанто» признано несущим ответственность за загрязнение земли и воды ПХБ. «Монсанто» и «Solutia» соглашались выплатить по исковому заявлению шестьсот миллионов долларов. В том же году «Solutia» объявляется банкротом, что благополучно позволяет осуществить схему под нехитрым русским названием «концы в воду».

Такие незначительные издержки для «Монсанто» не более чем мелкие текущие неурядицы, и уже в следующем, 2004 году, компания создает холдинг «American Seeds» для ведения бизнеса, связанного с семенами кукурузы и сои. Начинается масштабное поглощение брендов.

В 2005 году вспыхивают многочисленные протесты потребительских и экологических организаций в связи с опасностью ГМ-культур, устойчивых к «Раундап». Одна из главных претензий – появление суперсорняков, с легкостью игнорирующих этот чудесный гербицид. Но «Монсанто» не стала утруждать себя обращением внимания на недовольных потребителей и продолжила гнуть свою линию. Практически сразу же вспыхивает новый скандал. Комиссия США по ценным бумагам и биржам выявляет факты подкупа индонезийских официальных лиц и членов их семей с целью получения разрешения на выращивание трансгенного хлопчатника без проведения экологической экспертизы. Эдаким нехитрым способом, ненавязчиво так, проплатили сто сорок чиновников, это только то, что удалось доказать. Департамент юстиции США отреагировал сурово – оштрафовал «Монсанто» на полтора миллиона долларов. Компания, несомненно, снова дрожала. Да так сильно, что в этом же году последовала череда интересных событий.

Сначала шестеро ученых, работающих в правительстве Канады, в том числе доктор Маргарет Хайд он, сообщили в Канадский Сенат, что «Монсанто» предлагала специалистам из Министерства здравоохранения взятки на сумму от одного до двух миллионов долларов. Видимо, наскребли по закромам после уплаты непосильного штрафа. Взятки предлагались за выдачу разрешения на коммерческое использование трансгенного бычьего гормона роста rbGH (запрещенного во многих странах мира) без проведения дополнительных исследований. Также она сообщила о том, как документы, содержащие критические замечания на данные, предоставленные «Монсанто», были украдены из закрытого кабинета в ее ведомстве. Позже выяснилось, что одна из ключевых специалистов Управления питания и лекарственных препаратов США (FDA), с чьей помощью допустимый уровень содержания антибиотиков в молоке был увеличен в 100 раз с целью облегчения процедуры одобрения этого гормона, совершенно случайно оказалась бывшим работником «Монсанто». Каких только совпадений не бывает в нашем интересном мире.

В это же время Служба выдачи патентов и торговых знаков США (US Patent and Trademark Office) отзывает 4 ключевых патента «Монсанто» на ГМО. Причина – оспаривание этих патентов со стороны Общественного патентного фонда (Public Patent Foundation – PUB-PAT), который заявил, что «Монсанто» использует данные патенты как инструмент для

преследований, запугиваний и судебных разбирательств и в ряде случаев доведения до банкротства американских фермеров. «Монсанто» ежегодно тратит более 10 млн. долларов на такую антифермерскую деятельность, против только лишь предположительно неправомерного использования запатентованных семян. Но это никого не останавливает, разумеется. Как и выяснившийся факт очередного утаивания информации об опасности. Оказывается, нехорошая «Монсанто» ещё в 1996 году при публикации исследования о безопасности трансгенной сои, так сказать, придержала при себе некоторые данные.

Когда эту информацию удалось добыть, выяснилось, что ГМ-соя содержит значительно меньше белков и других питательных веществ, а поджаренная ГМ-соя содержит вдвое больше лектина (белка), который может блокировать способность организма усваивать другие питательные вещества. Более того, жареная ГМ-соя содержит в семь раз больше ингибиторов трипсина, основного аллергена соевых бобов. Проще говоря, трансгенная соя вредна для здоровья. Исследование «Монсанто» называлось «Состав семян сои, устойчивой к глифосату, эквивалентен составу традиционных соевых бобов». В Европейском Союзе «Монсанто» отказалась раскрыть данные о результатах своих собственных экспериментов по скормливанию животным ГМ-кукурузы (который выявил серьезные отклонения у крыс, получавших в пищу ГМО), назвав их коммерческой тайной (Confidential Business Information – CBI). Позже суд Германии обязал компанию опубликовать эти данные. Одна из линий ГМ-кукурузы от «Монсанто», устойчивых к вредителям (единственная разрешенная к выращиванию в ЕС), была запрещена для выращивания во Франции и других странах Евросоюза после публикации выводов французского эксперта Сералини, сделанных на основании данных «Монсанто». Но эту выходку французам влиятельные джентльмены не простили, тут история далеко не закончена.

Параллельно с этим вспыхнул скандал в Германии. 10 июня суд города Кёльна обязал «Монсанто» обнародовать результаты всех исследований ГМ-кукурузы линии MON863. Эти исследования проводила сама компания, и они выявили потенциальную возможность опасности этой ГМ-кукурузы для здоровья людей. Где-то монсантовские безопасники допустили прокол, и информация об этом конфиденциальном документе просочилась наружу. Согласно внутреннему докладу «Монсанто», у подопытных крыс, которых кормили ГМ-кукурузой, возникли серьезные проблемы с кровеносной и иммунной системами. Гринпис при поддержке правительства Германии инициировал судебный процесс, однако «Монсанто» заявила, что проблемы у крыс носят случайный характер и не говорят об угрозе ГМО для человека. Компания пыталась предоставить необходимые документы лишь частично, ссылаясь на коммерческую тайну, и даже подала встречный иск на правительство Германии, пытаясь помешать огласке документов. Любопытно во всём этом то, что, несмотря на шумиху и судебную возню, воз снова и ныне там. В буквальном смысле. ГМ-кукуруза по-прежнему выращивается в Германии и вообще в Европе.

Тем временем «Монсанто» не стоит на месте. В 2006–2007 годах она покупает сразу несколько крупных региональных семенных компаний, в том числе лидера в сфере производства семян хлопчатника «Delta and Pine Land Co». Начинаются обвинения «Монсанто» в создании монополии в сфере семеноводства, но это никого не останавливает. Поглощение продолжается.

В 2008 году поглощены компании, занимающиеся селекцией сахарного тростника, и датская компания по созданию гибридных семян. Выражения опасения потребителей и предприятий пищевой промышленности, связанные с повышением содержания гормонов в продуктах мясо-молочного животноводства, принимают массовый характер, и «Монсанто», не желая повторять ошибку с «Solutia», быстренько продает свой бизнес по производству гормона «Posilac».

В 2009 году Департамент юстиции США сделал громкое заявление о проверке факта монополизации в секторе семеноводства, но никаких решений до сих пор не принято. Зато

объем продаж «Монсанта» составляет 11,5 миллиардов долларов, а чистый доход компании за год равен 2,1 миллиарда долларов. В целях «осветления имиджа» «Монсанта» объявляет о начале проекта, направленного на улучшение условий жизни десяти тысяч малых фермеров, проживающих в тысяче ста деревнях Индии. Разумеется, данные фермеры должны производить ГМ-кукурузу и ГМ-хлопчатник, на разработку новых технологий создания и выращивания которых направлено мощное финансирование. Научные организации, работающие на «Монсанта», ни в чем не нуждаются...

Несколько позже, в сентябре, Федеральный суд США признал, что Департамент сельского хозяйства США нарушил федеральное законодательство, выдав «Монсанта» разрешение на коммерциализацию трансгенной сахарной свеклы. Всё это особо никого не смутило, ибо никаких мер принято не было. Деньги решают всё, и не только в Штатах. Как следует из письма тогдашнего посла Индии в США Мееры Шанкар своему премьер-министру, для американских транснациональных корпораций подкуп сотрудников индийских органов власти является обычной практикой. Что не удивляет. Зря, что ли, тренировались на Индонезии?

На 2010 год рыночная капитализация «Монсанта» составляла более тридцати семи миллиардов долларов. Сейчас этот показатель ещё выше. Просто волшебная компания. Столько приключений со смертельным исходом и причинением необратимого вреда здоровью, не говоря уже о таких мелочах, как экологический вред, что Уголовный Кодекс позавидует. И при этом никто не сел ни на электрический стул, ни на десяток пожизненных. Никого не разогнали, с позором не разгромили и не запретили. Все проблемы решались выплатами компенсаций, пусть даже иногда и солидных. Как там у классика? «Только не бросай меня в терновый куст»? Только не штраф? Вполне ожидаемая работа правосудия в отношении одного из детищ, выпестованных негласными владельцами того самого правосудия. Несколько показательных затрещин, дабы заткнуть разволновавшийся электорат, и «Монсанта» продолжает процветать. И уверенно шествует по миру.

Генерал мысленно скривился. И ведь это не единственный монстр, это лишь флагман флота, не более. Помимо «Монсанта» там таких предостаточно. Он бросил взгляд на приложение к докладной записке: «Дюпон», «Сингента», «Байер», «Доу», «БАСФ», «Авентис», «КВС», «Лэнд О Лэйкс», «Лимагрейн» – сеть раскинулась по всему миру. И истинные хозяева этого флота пофамильно официально никому не известны. Бесконечная путаница из офшоров, дочерних компаний, акционерных пакетов, нанятых управляющих и подставных лиц надежно скрывает истинных владельцев. Добраться до них выше имеющихся у нас возможностей. Уже если в своё время не удалось установить настоящих владельцев аэропорта «Домодедово», который находится здесь, под боком, какие там заграничные компании, о чем вообще речь. Хотя, в случае с аэропортом нити уходили всё туда же, в офшоры, британские фонды и области интересов известных фамилий – теневых воротил мирового бизнеса. Есть, конечно, неофициальные данные, но всё это далеко от возможности конкретного применения. Раньше надо было думать, но пока внутри страны вырывали друг у друга власть и делили кормушку из углеводородов, ослабили бдительность. И теперь местные марионетки этих загадочных джентльменов, благодаря щедрой за океанской помощи и прочим инструментам хозяев, не просто захватывают наши сферы влияния, но и понемногу отбирают саму власть. За последний десяток лет позиции Генеральского лагеря пошатнулись особенно серьезно. Мы проигрываем, не в силах противостоять давлению таких денег.

Он отложил документ и позволил себе закрыть глаза. Вчера поздно ночью состоялось конфиденциальное совещание. Верхушка его клана собиралась в режиме беспрецедентной секретности. На повестке стоял единственный вопрос: ситуация вокруг смерти Капланского. Противник продемонстрировал наличие нового оружия, против которого мы бессильны. Остальные товарищи очень пристально смотрели на Генерала, задавая вопросы. Но ответить ему было нечего. Власти у нас медленно, но неуклонно, становится всё меньше. Мы контролируем ядер-

ные арсеналы, но в кого стрелять, если война не объявлялась и врагов нет? В наших руках, по крайней мере, часть спецслужб, но что может сделать вооруженная охрана, если опасность исходит не от убийц с оружием, от которых можно отгородиться телохранителями, пуленепробиваемыми стеклами, бронированными автомобилями и неприступными особняками, больше похожими на тщательно охраняемые царские поместья? Как уберечься от отравителя, если ни предварительная дегустация, ни химический анализ не в силах распознать яд? Даже с высокоточным и беспилотным оружием можно успешно бороться. А тут... Генерал открыл глаза и взял в руки следующий документ. Ему вручили его на вчерашнем заседании для ознакомления. Аналитическая записка специалистов, изучивших полученную из-за границы информацию. Он принялся за чтение.

Объектом записки являлся анализ давней шумихи с кишечной палочкой *E.coli*, в своё время наполнившей пациентами госпитали в Германии. Анализировалась информация немцев, полученная институтом Роберта Коха, к которой прилагались добытые разведданные. Тут было, о чем задуматься. Те бактерии кишечной палочки *E.coli* относились к штамму 0104, в нормальных условиях никогда не обладавшему устойчивостью к антибиотикам. Учитывая уровень современной медицины, он вообще не должен был представлять серьезной опасности. Но всё оказалось совершенно иначе. Немцы задались целью разобраться в причинах, и с этой целью осуществили секвенирование (расшифровку) генетического кода *E.coli*. Этот расшифрованный код штамма 0104, доставивший столько головной боли ЕС, оказался более чем любопытной картиной. Главная загадка которой – как он вообще смог появиться на свет. Штамм оказался устойчив к воздействию всех нижеперечисленных комбинаций антибиотиков:

- пенициллину
- тетрациклину
- налидиксовой кислоте
- триметроприм-сульфаметоксазолу
- цефалоспорины
- комбинации амоксициллин-клавулановая кислота
- пиперациллин-сульбактаму
- пиперациллин-тазобактаму

Кроме того, штамм 0104 обладает способностью производить специальные ферменты, придающие ему так называемую «бактериальную суперсилу». Технически это называется ЕБВБ – «Бета-лактамазы расширенного спектра». Они делают бактерию устойчивой к цефалоспорином, группе антибиотиков, широко используемых в больницах по всему миру: цефуроксим, цефотаксим, цефтазидим. И помимо этого штамм 0104 оказался наделен генами ТЕМ-1 и СТХ-М-15, входящими в список смертельно опасных ещё с девяностых годов, так как люди, инфицированные подобными бактериями, умирают из-за того, что их внутренние органы перестают работать.

Вывод аналитиков был категоричен: бактериальный штамм, устойчивый более чем к десятку антибиотиков из восьми различных классов антибактериальных средств и включающий в себя две смертельные генные мутации плюс способности к выработке защитного фермента, мог возникнуть ТОЛЬКО в лаборатории. Для этого исходный материал – обычный штамм *E.coli* — последовательно подвергали генетической модификации. И процесс этот был далеко не прост и не быстр. Сначала множество колоний бактерии подвергаются воздействию пенициллина, после чего отыскиваются выжившие, обладающие теперь устойчивостью к пенициллину. Потом эти колонии подвергают воздействию тетрациклина. Выжившие теперь будут устойчивы как к пенициллину, так и к тетрациклину. Потом они обрабатываются сульфаниламидами, после чего вновь собираются выжившие, и так далее по списку вплоть до достижения нужного результата. В реальности процесс гораздо более сложен, нежели описано. Создание штамма, устойчивого к воздействию восьми классов антибиотиков, требует неоднократного и

настойчивого воздействия данных антибиотиков на штамм. Это высокобюджетный, самый сложный и кропотливый труд. Кстати, именно по такой схеме разрабатывается биологическое оружие для армии США в лабораториях Форта Детрик, штат Мэриленд.

Вероятность того, что подобные свойства могли появиться у обычной *E.coli* в естественных условиях, сами по себе, характеризуется аналитиками как «невообразимая». Тем более, что по официальной версии данная бактерия возникла в продуктах, произведенных из овощей, а в процессе выращивания овощей антибиотики не используются. И если сопротивляемость бактерии к одному виду антибиотиков есть явление довольно распространенное, то появление штамма, невосприимчивого к восьми различным классам, да ещё и в комбинациях, прямо противоречит закону генетических перестановок в естественных условиях. Штамм был создан в лаборатории, и не располагающейся на подоконнике у студента-биолога, а в лаборатории очень крупного научного центра. Подобные исследования требуют многомиллионных вложений и высококвалифицированных кадров.

Второй вывод аналитиков сложным не был – овощи были заражены специально, для достижения неких конкретных целей. Впрочем, вот тут как раз Генералу всё было ясно, он и сам неоднократно проводил подобные операции в сфере управления электоратом. Схема проста и эффективна: сначала создается проблема, запугивающая население. Далее выдерживается пауза, необходимая для развития паники или иной реакции, которая тебе требуется: недовольство населения, протесты и так далее. В этой фазе главное не дать СМИ и прочим независимым «лидерам» мнений занизить уровень проблемы, дабы электорат проникся ею как следует. Вот теперь настало время вводить решение. И оно одновременно будет всеми желаемо и полностью такое, как тебе и было нужно. Всё просто. Когда люди запуганы, их совсем не трудно заставить согласиться с любым уровнем законодательно-нормативной тирании. В том, что данная схема была применена и в случае с шумихой вокруг овощей и *E.coli*, Генерал не сомневался. Под это дело предприимчивые джентльмены развили у ЕС страх перед натуральными овощами, живой рассадой, молоком и так далее, после чего объявили всё это дело чуть ли не вне закона и взяли под полный контроль поставки продовольствия едва ли не во всей Западной Европе. Малые производители загнаны в угол, зато свои гиганты агробизнеса получают рынок. Всё понятно, на их месте он и сам бы так поступил.

Проблема в том, что он не на их месте. У его клана подобных научных возможностей нет. Если точная причина смерти Капланского так и не будет установлена, последствия наличия такой дыры в личной безопасности каждого из нас могут оказаться фатальными. Всех родственников не спрятать, да и самому ещё ни власть, ни жизнь не надоели. Необходимы срочные меры. Но в области настолько высоких технологий наши позиции несерьезны. Мы решим любую проблему посредством принятия нужного закона, судебного решения или точечного воздействия спецслужб, но тут всё внезапно оказалось сложнее. И Чиновник из кабинета с резными ручками прекрасно об этом осведомлен, иначе бы всей этой истории со смертью помощника и ошибочной кремацией не было. Нужны специалисты. И немедленно. Генерал задумался. Официальным путем он ничего не добьется. Эта отрасль подконтрольна Чиновнику и его людям. И все проведенные экспертизы тела Капланского лишний раз это доказали. Отправить оставшиеся образцы за границу можно. Но это однозначно вызовет утечку и вряд ли чем-то поможет. Западные хозяева Чиновника без труда, и как всегда негласно, повлияют на любую лабораторию. Тут нужны энтузиасты и патриоты в одном флаконе, остается надеяться, что подобные идиоты ещё встречаются в России. Посмотрим, что ответят те, с кем контактировал Капланский. Если не согласятся помочь, он надавит на них так, что полопаются. Но для дела было бы лучше, если удастся договориться по-хорошему.

Старый обшарпанный лифт наконец-то остановился на нужном этаже, и Алена нажала на кнопку видеофона. Замок щелкнул, отпирая дверь в офис, и она прошла внутрь, окидывая взглядом картину подозрительно вялого рабочего процесса. Из всех сотрудников озабоченное

выражение лица было только у системного администратора, зато степени этой озабоченности с лихвой хватило бы на всех.

– Что, опять? – поинтересовалась она у программиста. DDoS-атаки на сервер ОАГБ с некоторых пор перестали быть чем-то экзотическим. И её совместный с WWF проект «Изумрудная Планета» только подлил масла в огонь.

– Опять, – хмуро вздохнул тот, не переставая щелкать клавишами. – Хозяева хостинга говорят, что не менее десяти тысяч запросов поступило чуть ли не в первую минуту, потом интенсивность упала, но поднять сервер пока не удастся. Смогли только убрать перенаправление на картинку с рекламой фаст-фуда, которую они воткнули на место наших данных.

– Что атаквали на этот раз? – Алена взяла у помощницы пачку входящей корреспонденции. Та жестом показала, что её уже дожидается посетитель. – Буду через минуту. Интернет у нас есть?

– Пока нет, – сисадмин снова поморщился. – Вот, пытаемся. Думаю, скоро будет. Но сервер так быстро не запустить. – Он несколько раз ткнул пальцами в кнопки, после чего вспомнил про первую часть вопроса: – Со списков продуктов перенаправляли. – И вновь углубился в работу.

Алена кивнула и пошла к своему кабинету. Под ударом неизвестных доброжелателей вновь оказалась база данных с продуктами, успешно прошедшими в ОАГБ проверку на биологическую безопасность. Впервые процедуру проверки ОАГБ начала практиковать в 2004 году. Для продуктов питания, не вызвавших у экспертов подозрений, даже учредили специальную маркировку «Биологически Безопасно», символику которой помещали на каждый образец продукта. До 2007 года экспертизы удавалось проводить более-менее регулярно, были проверены десятки популярных мясных продуктов и детского питания.

Потом начались проблемы. Интерес у продавцов и производителей продуктов к экспертизе и маркировке внезапно резко упал. Формально никто ничего не объяснял, но поток желающих пройти проверку добровольно практически мгновенно иссяк. Внедрение маркировки «Биологически Безопасно» вдруг стало наткаться на многочисленные бюрократическо-рутинные трудности, в интернете появилась масса «разоблачительных» статей за авторством совершенно неизвестных людей, называющих себя экспертами и заявляющих, что данная маркировка введена ОАГБ не более чем для того, чтобы заработать денег на её продаже всем желающим. Проведения экспертизы замедлились, пришлось перейти на скандальные методы: без предупреждения приходить в магазины и покупать продукты, которые затем сдавали в лабораторию. Несколько раз такими методами удавалось обнаружить зараженные ГМО продукты, не имеющие никакой маркировки на эту тему. Потом под юридическим и административным давлением подобную практику пришлось свести к минимуму. Но невидимые враги на этом не остановились, и с тех пор список биологически безопасных продуктов, опубликованных ОАГБ на своем сайте по адресу <http://www.oagb.ru/research.php>, регулярно подвергался нападкам. Время от времени и сам сайт получал хакерские удары, что в очередной раз сейчас и произошло.

Помочь админу она могла разве только тем, что не мешать работать. Алена грустно покачала головой и направилась к ожидавшему её гостю, коим оказался представитель арендодателя. Разговор состоялся нудный, долгий и неприятный. Текущий договор аренды подходил к концу, и арендодатель желал поднять арендные ставки. Это была новость, ранее Алене удалось добиться устной договоренности о том, что цены останутся прежними, но теперь оказывается, что арендодатель изменил решение по неким важным причинам. После получаса взаимного обмена аргументами суть этих важных причин наконец-то удалось выяснить.

– Алена Викторовна, увольте, вы Общенациональная Ассоциация, вы можете платить больше! – переговорщик то ли проговорился от избытка эмоций, то ли устал от затягивающе-

гося спора. – Для вас это копейки! Это хорошие площади в центре Москвы, мы в состоянии легко найти под них более выгодного клиента!

– Вообще-то Лужники не совсем офисный центр города, – уточнила Шаройкина. – Но я с вами соглашусь, место не захолустное. Но ваши причины меня, прямо скажем, удивляют. Вы требуете повышения арендных ставок только на том основании, что ОАГБ, на ваш взгляд, это организация во всю страну размером? Вы нас, часом, с Газпромом не перепутали? Мы занимаем у вас крохотный клочок чердака, который делим с дружественной организацией ради экономии средств, дающихся нам с огромным трудом! Ассоциация существует на деньги добровольцев и немногочисленные пожертвования, у нас даже нет финансового фонда, потому что мы не собираемся наживать на наивности, доверчивости или просто доброте неравнодушных людей! Мы на каждый эксперимент собираем едва ли не с миру по нитке!

– Бросьте, Алена Викторовна, здесь нет журналистов, – отмахнулся собеседник. – Мы вдвоем, и я не из налоговой. К чему столько громких слов? Мы требуем совсем небольшого увеличения платы, уверен, вы вряд ли даже заметите это. Вы столько денег выбрасываете на всякую ерунду, неужели вам жаль потратить немного на собственный офис? Это явно дешевле поездок по мусорным свалкам.

– Ах, вот оно что! – улыбнулась Алена. – Кто-то особо умный у вас подсчитал мои расходы на движение «Изумрудная Планета»? Наверное, насчитали много миллионов нерусских денег, да? Вынуждена вас разочаровать: это движение тоже существует на средства добровольцев, у нас работают исключительно волонтеры. Они не требуют денег за свой труд. Экспедиция в Тихий Океан организована Всемирным Фондом Дикой Природы, это они фрахтовали научное судно и покупали всё необходимое. Вы можете попробовать поднять арендные ставки им! Если, конечно, они вообще когда-нибудь слышали о вашей конторе. А по стране я летаю за свой счет, к вашему сведению. Я политический журналист и способна заработать себе на авиабилет!

– Вы хотите убедить меня в том, что питаетесь исключительно святым духом, а на бензин вам скидываются сердобольные? – бизнесмен весело хихикнул. – Что множество людей выбрасывают деньги в помойку, чтобы вы на эти деньги рыскали по тем самым помойкам? – Он с интересом посмотрел на неё: – Ну, и как? Прибыльный бизнес?

– Пожалуй, вы удивитесь ещё раз, – вздохнула Алена, – но в мире ещё осталась небольшая горстка людей, для которых бизнес или деньги ещё не есть самое главное в этой жизни. Есть вещи, которые невозможно купить. Например, чистый воздух, мировой океан и будущее наших детей. Хотите небольшой ликбез? Надолго не задержу. К тому же вам должно быть интересно, ведь речь пойдет о бизнесе. Ежегодный оборот мирового бизнеса по переработке мусора составляет пятьсот миллиардов долларов. Впечатляет? Развитые страны пытаются утилизировать свои отходы. Нидерланды и Япония тут впереди планеты всей, они утилизируют девяносто процентов своих отходов. И при этом недовольны результатом, считая данный показатель слишком низким. А знаете почему? Потому что у них очень мало места. Территория крохотная, жить негде. Земля стоит баснословных денег, и захламлять её свалками мусора для них непозволительная роскошь! Наоборот, они из переработанного мусора строят искусственные острова, на которых потом возводятся города! Австрия и США до этого ещё не доросли, но объемы их утилизации колеблются в пределах пятидесяти – шестидесяти процентов.

Теперь мы. Россия, едва ли не самая большая по территории страна в мире, утилизирует аж целых пять процентов отходов, да и те в основном на страницах чиновничьих отчетов. На всю страну у нас жалкая горстка мусороперерабатывающих и одиннадцать мусоросжигающих заводов. А ещё есть тысяча четыреста санкционированных мусорных полигонов. Зато несанкционированных свалок, по самым скромным подсчетам, у нас порядка двадцати двух тысяч! Почувствуйте, как принято говорить, разницу! А чтобы чувствовалось лучше, я вам помогу – площадь всех свалок России составляет более двух тысяч квадратных километров. Это две

Москвы. И каждый год они увеличиваются на сто квадратных километров. И знаете, что это нам дает помимо эстетических терзаний? Воздух насыщается опасными газами – продуктами гниения: метаном, диоксидом углерода, радоном, там много чего есть! В грунтовые воды и в почву попадают тяжёлые металлы и целый спектр токсичных веществ! И всё это не просто плохо пахнет и некрасиво выглядит.

У людей, проживающих в пределах двух километров от свалок, риск врожденных дефектов возрастает со стандартного значения в один процент до восьми процентов. У тех, кто живет в зоне экологического влияния этих мусорных морей, а зоны эти, кстати, гораздо обширнее, чем считает обыватель, так как зависят от многих факторов: роза ветров, глубина залегания грунтовых вод, частота выпадения осадков, колебания суточных и сезонных температур и так далее, отмечены повышенные показатели заболевания различными формами рака, нарушений нервной системы, замедленного развития у детей. И, что особенно тревожно, нарушение репродуктивной функции у женщин, особенно часто отмечаются случаи преждевременных родов и мертворождаемости.

И объемы генерации страной мусорных отходов ежегодно увеличиваются на десять процентов! Если так дальше пойдет, лет через двадцать даже таким, как вы, не удастся купить элитный особняк в экологически чистом районе. Потому что таких районов попросту не останется, мы выбрасываем себе под ноги девяносто пять процентов мусора. Так что если речь зашла о серьезности бизнеса, почему бы вам, вместо того чтобы задирать мне ставку на клочок чердака, не организовать полигон по переработке мусора? И дело благое сделаете, и денег заработаете! Вон, в Италии, вообще весь мусорный бизнес принадлежит мафии! Чуть что, так сразу забастовка мусорщиков. Так что очень рекомендую, глядишь, и большая политика вам засветит!

– Ну-ну, скажете тоже! – примирительно замахал руками бизнесмен. – Большая политика засветит! Она так засветит, что одним только синяком под глазом не отделаешься. Давайте не будем переходить на личности, я не против вашей деятельности, но переработка мусора для меня непрофильный бизнес...

Разговор длился ещё минут двадцать, но прежние арендные ставки Алене всё-таки удалось отстоять. Бизнесмен ушел, и она отметила в рабочих планах, что необходимо по возможности форсировать подписание нового договора аренды, пока у арендодателя не возникли ещё какие-нибудь дельные мысли. Проблемы, проблемы... Кругом столько бед, касающихся всех и каждого, но почему-то большинство не желает замечать всего этого. Как он сказал? «Я не против, но это непрофильный бизнес»?

– Алена Викторовна, пока вы разговаривали, звонила женщина, – голос помощницы отвлек её от невеселых мыслей. – Представилась журналистом какой-то мелкой интернет-газеты, просила об интервью по поводу «Изумрудной Планеты». Я сказала ей, что вы заняты, но она ответила, что будет ждать вас в кафе неподалеку.

– Странная женщина, – хмыкнула Алена. – Она будет ждать меня до завтра, в таком случае. Через сорок минут у нас встреча в районной администрации, это часа на три, а после мы договорились о беседе с Александром Сергеевичем Барановым, там важный вопрос, так что не сегодня.

– Из администрации звонили сразу после неё, – возразила помощница. – Отменили встречу и извинились. Сказали, что перезвонят на следующей неделе, причин не называли.

– Вот как? – Алена недовольно нахмурилась. – Неприятный сюрприз. Теперь придется заново добиваться встречи. Ладно, Надя, вы можете идти, спасибо.

Немного подумав, она решила с журналисткой всё-таки встретиться. В деловом графике всё равно возникло окно, да и человек уже ждёт. Несколько наивно, конечно, со стороны журналистки, но мало ли что. Скорее всего, она пишет недавно, и для неё важна любая возможность написать статью, вот и пытается ухватиться за соломинку. Назначенное кафе находилось

в пяти минутах езды, и вскоре Алена уже входила в заполненное людьми недорогое заведение. Оглядевшись, Алена поняла, что в столь многолюдной обстановке определить, кто именно её ожидает, совершенно невозможно, она достала мобильный телефон.

– Алена Викторовна, здравствуйте, – раздалось за спиной. – Я – Галина, по поводу интервью. Спасибо, что не отказали во встрече.

Шаройкина обернулась. Перед ней стояла женщина средних лет, среднего роста и средней внешности, в общем, ничем не примечательная особа. Судя по её одежде, приобретенной в магазинах более чем доступного ценового сегмента, мелкое интернет-издание, которое она представляла, было уж совсем мелким. Алена поздоровалась.

– Мой столик в дальнем углу, и я специально пошла вас встретить, – заулыбалась журналистка, – а то в такой толпе мы рисковали не найти друг друга. Пойдемте, присядем. Я не задержу вас надолго.

Усевшись за стол, журналистка засунула руку в дамскую сумочку и чем-то едва слышно щелкнула. После чего выложила оттуда диктофон и подчеркнуто тщательно нажала на кнопку.

– Чем именно я могу вам помочь, – Алена мысленно улыбнулась подобной, свойственной лишь новичкам, демонстрации профессионального оборудования. Журналисты со стажем диктофон воспринимают иначе, для них он обыденная часть ежедневной рутины.

– Очень многим, если захотите, – не переставая непринужденно улыбаться, ответила та. – Диктофон, кстати, не работает. Поэтому для начала мы приносим вам свои извинения за то, что пришлось отменить вашу встречу в районной администрации.

– Что? – нахмурилась Алена. Она совершенно точно знала, что никак не афишировала информацию о предстоящей встрече. По крайней мере, журналистка заштатной интернет-газетки знать об этом уж точно никак не могла. – Как, вы сказали, называется ваше издание?

– По-разному, – женщина всё так же улыбалась, – зависит от обстоятельств. То ФСБ, то фонд Сороса, если надо, то Земельное Товарищество собственников жилья в Зимбабве... Работа журналиста и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна, вы же понимаете.

– Понимаю, – Алена скрыла раздражение. Похоже, кто-то из «Ай-Эм-Джи» натравил на неё гэбэшников. Вряд ли Рогожин лично, он так мелко не действует, не его уровень. – И что вы от меня хотите?

– Как я уже сказала, помощи, – со стороны улыбающаяся женщина никак не походила на шантажиста из спецслужб. – Вы работали с Евгением Капланским, чья гибель явилась для нас большой трагедией. Мы бы хотели продолжить сотрудничество.

– Мне очень жаль Евгения, – на этот раз Алена не стала скрывать недовольства, – он был хорошим и, главное, порядочным человеком, что в наше время редкость. Но мы с ним никогда не работали. Он помогал нашей Ассоциации добровольно. Между ним и нами никогда не существовало никаких финансовых отношений. Мы не состоим на государственной службе и не собираемся на неё поступать. Мы независимая организация.

– И продолжите ею оставаться, – заверила её «журналистка». – Мы не требуем от вас ни ангажированности, ни выполнения каких-либо приказов. Нам требуется научная помощь. У нас есть основания считать, что Евгений был убит. Санкционировано и организовано убийство было знакомым вам «Выживанием», и мы просим вас оказать содействие в раскрытии этого преступления.

– Всемогушие власти просят простую журналистку о помощи в борьбе с «Выживанием»? – данное заявление Алену развеселило. – Это юмор? Вы же там срослись воедино! А более смешную аферу вы мне предложить не хотите?

– Срослись сильно, – не стала спорить улыбающаяся женщина, – но не все, иначе бы этого разговора не было. Я не собираюсь убеждать вас в чем-либо, Алена Викторовна, ваше право относиться к нам так, как считаете нужным, я лишь задаю простой вопрос: вы поможете нам

раскрыть убийство Евгения? Если у нас будут развязаны руки, мы сможем заставить некоторых людей оплатить кое-какие счета. Это и ваши враги, разве нет?

– С каких это пор у нашей власти руки оказались связаны? – иронично прищурилась Алена. – А, постойте, понимаю! Вы затеяли междоусобицу! Очередной закулисный конфликт в правящих кругах? Представляю, как вам сейчас тяжело! Ни налоговую прислать, ни наркотики подбросить... даже суду приказ о правильном вынесении приговора не спустить – таких людей не судят! Вам прямо-таки не позавидуешь! И чем же лилипуты могут помочь воюющим Гулливерам?

– В вашей Ассоциации состоят многие ученые, – улыбающаяся женщина была невозмутима. – Все они не только энтузиасты и увлеченные личности, но ещё и талантливые специалисты в своих областях. Нам нужна экспертиза образцов, взятых с тела Евгения. Официальные заключения констатировали смерть от естественных причин, но это не так. К сожалению, те, кто организовали его убийство, имеют мощные рычаги давления на нашу науку. Сколько бы ни было официальных экспертиз, они ничего не дадут. Но если этим займутся ваши специалисты, негласно, под видом своих текущих исследований в рамках программ ОАГБ, то шансы на успех есть. Главное, соблюсти конфиденциальность. Вы можете отказаться, Алена Викторовна, в этом случае мы отправим образцы за границу, нужных связей у нас достаточно. Однако мы считали, что влиятельная поддержка в вашей борьбе лишней не будет.

– Я вас умоляю! – Алена пренебрежительно усмехнулась. – Ваша влиятельная поддержка в любой момент может из крыльев превратиться в якорь! Продадите, едва почувете выгоду! И не рассказывайте мне о заграничных лабораториях, я борюсь с «Выживанием» вот уже двенадцать лет и прекрасно понимаю, что нет у вас никаких нужных связей. Позвольте вернуть вам вашу же фразу: если бы они у вас были, этого разговора не состоялось!

– Не буду спорить, – улыбающаяся «журналистка» блестяще скрывала свои эмоции под невинной улыбкой, а Алена отметила, что на встречу к ней прислали оперативника явно не из рядовых. – Так вы поможете нам или нет?

– При одном условии, – твердо заявила Алена. – Ни я, ни наша Ассоциация не являемся ни вашими сотрудниками, ни агентами, ни кем угодно ещё. Если нам не понравится что-либо из ваших запросов, мы не станем ими заниматься. Нам от вас ничего не нужно, лишь бы не мешали. Это понятно?

– Вполне, – ответила та. – Контейнер с образцами вы получите завтра. Вместе с ним вам будет передан мобильный телефон для связи. Он абсолютно такой, каким вы пользуетесь сейчас, так что постарайтесь не путать и не демонстрировать окружающим оба аппарата сразу. Что бы вы ни набрали, соединять он будет только с нами. Это гарантированно безопасная линия связи. Уверена, что предупреждать о сохранении абсолютной конфиденциальности излишне, потому не смею больше вас задерживать. Если желаете, мы можем организовать для вас отмененную встречу в администрации. Когда вам будет удобно?

– Нет, спасибо, – Алена поднялась из-за столика. – Сама справлюсь. Всего доброго, – она развернулась и покинула шумное заведение.

К Институту Биологии Развития РАН она подъехала на час раньше назначенного времени, до пробочного коллапса было ещё далеко, и потому повсюду царил коллапс парковочный – для того, чтобы отыскать место для машины, нужно быть весьма удачливым человеком. В итоге пришлось поступить, как обычно: Алена вышла у здания Института, а водитель укатил на поиски незанятого клочка улицы. Шаройкина поднималась по старым потертым ступеням институтской лестницы, в который раз оглядывая давно знакомую обстановку. За двенадцать лет тут мало что изменилось. Всё те же поблекшие краски давно ушедшего в прошлое величия советской науки. Ныне блеск хрома и никеля высокотехнологичного оборудования, сопровождающийся свечением плазменных мониторов и гудением системных и прочих блоков сверх-

сложной научной и вычислительной техники, можно встретить лишь в лабораториях, трудящихся на благо большого бизнеса. Если твои исследования не сулят толстосумам миллионы, подобного оборудования у себя ты не увидишь.

Лаборатория Баранова похвастать связью с высокодоходным бизнесом олигархов не могла. Всё те же потрепанные столы, обилие печатных справочников и научных изданий в потертых переплетах, пробирки, мензурки, компьютеры, считавшиеся модными у геймеров и прочих продвинутых бездельников лет десять назад. Среди всей этой обстановки ярко выделялся новенький электрический чайник, старательно булькающий на подоконнике. Сам биолог возился с лабораторными пробирками.

– Алена Викторовна! – учёный обернулся на скрип открывающейся двери. – Не ожидал вас так рано. Не иначе дороги ещё свободны?

– Местами, – улыбнулась в ответ женщина. – У меня встреча отменилась. Довольно внезапно, надо признать. Так что я к вам пораньше, извините, что без звонка.

– Ничего страшного, – Баранов отложил пробирки и принялся мыть руки. Железная раковина лабораторного умывальника верой и правдой служила персоналу лаборатории ещё со времен СССР. – Хотите чаю? Или вам, как обычно, – кофе?

– Кофе, – Алена положила на стол сумочку и направилась к только что отключившемуся чайнику. – С вашего позволения, я немного похозяюничая, устала от сидячего положения. Сегодня было много переговоров и мало действия. Как проходит ваша подготовка к парламентским слушаниям?

– Напряженно, напряженно, – биолог закрутил железные краники умывальника и потянулся за полотенцем. – Такое впечатление, что мы не о благе страны печемся, а предлагаем узаконить обязательное добавление крысиного яда в пищу и пытаемся доказать всем исключительную полезность сей безумной инициативы!

– Всё настолько плохо? – Алена принялась возиться с чашками. – У закона много противников?

Весь последний месяц ОАГБ совместно с Общероссийским Земским Союзом «Земство» и прочими единомышленниками готовилось к важнейшему событию – в ближайшее время Госдума должна принять решение о судьбе «Закона об Экологическом Сельском Хозяйстве», разработанного независимыми научными экспертами. Проект закона несколько лет не удавалось довести до официального рассмотрения, но в 2013 году решающее сражение все-таки состоялось, Закон был принят. Но счастье оказалось недолгим. Под давлением ГМО-лобби в Госдуме организовали новые слушания – о принятии в Закон об Экологическом Сельском Хозяйстве «правильных» поправок. А именно: предлагалось разрешить высевание ГМО в непосредственной близости от чистых полей. Подобное решение моментально сведет на нет всю экологическую чистоту, трансгенная пыльца способна заразить сто процентов натуральных растений, находящихся поблизости, в течение первого же года высевания. И сторонники, и противники ГМО возлагали на эти слушания большие надежды. До принятия решения оставались считанные недели, и рабочая группа в лице Александра Баранова от ОАГБ, председателя «Земства» Бориса Батышева и сопредседателя Ивана Якушкина оказалась едва ли не на военном положении в кольце врагов.

– Недругов даже больше, чем мы ожидали, – учёный невесело улыбнулся. – Нас пытаются гнобить со всех сторон, вменяют и экономическую неэффективность, и социальную невосребованность, и юридическую неграмотность, и лоббизм, напрямую связанный с личной финансовой заинтересованностью, и даже дискриминацию биотехнологических компаний и противодействие научному прогрессу! Я даже затрудняюсь определить, есть ли хоть что-то плохое, хоть сколь-нибудь привязывающееся к нашему закону, в чем нас не обвинило ГМО-лобби и их сторонники.

– Мне, видимо, никогда не понять, что движет этим людьми, – вдохнула Алена. – Неужели они действительно не видят ничего, кроме денег? Мне всегда было интересно, когда на планете закончатся чистый воздух, незагрязненная вода и не отравленная химией и генными мутациями пища, их дети что, будут дышать долларами и питаться купюрами? Или они всерьез считают, что вся планета превратится в гигантский ядовитый могильник, но до их высокобюджетных поместий смерть не дойдет? Её остановят заборы и вооруженная охрана?

– Абсурдно, конечно, но очень может быть, что именно так они и полагают, – учёный уселся в старенькое кресло и принял из рук Алены дымящуюся кружку. – Или им попросту плевать на будущее своих детей. Как говорится, «после нас хоть потоп». По крайней мере, я не удивлюсь, если это так. ГМО-лобби действует весьма агрессивно.

– Последние несколько лет они потерпели ряд неудач в Европе, – Алена заняла стул у письменного стола, фаянсовая кружка со свежим кофе нагрелась, держать её в руках стало некомфортно. – И начали наступление на Россию и постсоветское пространство, особенно на Украину. У двух наших государств огромная совокупная сокровищница пахотных земель и сотни миллионов населения, которое ежедневно покупает продукты питания. Как не наложить лапу на такое богатство! Если мы проиграем сейчас, дальше будет только хуже. Закон об Экологическом Сельском Хозяйстве – это шанс наших детей на здоровую жизнь и полноценное существование. После вступления в ВТО мы оказались на пороге трансгенной катастрофы. И принятием своих поправок они стремятся лишить нас последнего шанса на здоровое будущее.

– Это верно, – кивнул Баранов. – Ситуацию иначе, как угрожающей, не назовешь. Если вспомнить, как складывалась картина все эти годы, то радоваться нечему. Начнем со знаменитого «Принципа принятия мер предосторожности». Это концепция, нашедшая широкое отражение в международных договорах и многих национальных законодательствах. Суть её в том, что предотвращение экологического вреда считается золотым правилом, не важно, идет ли речь об экологических, экономических, политических или иных соображениях. Исправить его последствия, по меньшей мере, сложно, а во многих случаях ущерб является попросту необратимым, как это происходит в случаях с распространением ГМО, особенно неконтролируемым в результате переопыления и так далее. Даже если ущерб и может быть возмещен, зачастую стоимость восстановительных и реабилитационных работ этому мешает. Поэтому любое воздействие на окружающую среду предусматривает предварительную оценку и анализ рисков потенциальных последствий запланированной деятельности. Именно по результатам подобных оценок и должно приниматься решение о допустимости или недопустимости запланированной деятельности. Принятие подобного решения предполагает наличие достаточного объема научных знаний, требует четких научных доказательств, в особенности, когда оценки последствий различны.

Однако иногда возникает особая ситуация, когда по обсуждаемой проблеме отсутствуют точные научные данные и единодушная позиция. Именно на такие случаи и рассчитана концепция «Принципа принятия мер предосторожности», изложенного в пункте 15 Декларации ООН по окружающей среде и развитию. Она гласит, что неопределенность в отношении потенциального экологического ущерба не является надлежащим основанием для того, чтобы воздерживаться от принятия мер предосторожности. Иными словами, он предписывает принятие превентивных мер в ситуации отсутствия точных научных данных. Весьма правильная и жизненно необходимая концепция, но... – Баранов лишь иронично пожал плечами.

– Но Декларация ООН по окружающей среде входит в пакет международных инструментов, не имеющих обязательной силы, – подхватила Алена. – Я уверена, что произошло это далеко не случайно, международные законы не принимаются сырыми или наобум. И так ясно, кто постарался. К тому же, тоже как будто случайно, не существует ни согласованного международного определения термина «отсутствие точных научных данных», ни общих правил или руководящих принципов, которые определяли бы степень их точности! В результате всякая

заинтересованная сторона трактует эти вопросы по-своему, причем иногда совсем по-разному! В нашем российском законодательстве, имевшем отношение к проблематике ГМО, данный принцип вообще не нашел отражения, несмотря на то, что Россия подписала эту знаменитую Декларацию ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро ещё в 1992 году.

Мы не присоединились ни к Картахенскому протоколу по биобезопасности, ни к Орхусской конвенции, являющимся мощными регуляторами в области распространения ГМО и, самое главное, информации о них. Опыт Европы в этом вопросе нами также востребован не был. Отдельного единого органа, компетентного принимать решения по вопросам, связанным с безопасностью выращивания ГМ-культур и использования ГМО в пищу, в России не существует. Законодательства, регулирующего и подробно регламентирующего выпуск ГМО в окружающую среду, нет. Причем проект закона «О биобезопасности» давно был подготовлен экспертами, в том числе и нашими, но так и не был даже внесен на рассмотрение в Госдуму! Такое ощущение, что кто-то старательно оберегает трансгены от посягательств. В результате на российский продовольственный рынок бесконтрольно попадает множество продуктов с ГМ – компонентами.

До 2012 года в России государственное регулирование генно-инженерной деятельности определялось Федеральным Законом от 5 июля 1996 года № 86, а ввоз пищевой продукции, полученной из ГМ-источников, регулировался целой серией законодательных актов. Однако в действительности это давало нам не много. Требования обязательной маркировки продуктов ГМО в законе отсутствуют, что резко снижает его эффективность. И хотя предписывается обеспечение общедоступности сведений о безопасности генно-инженерной деятельности, но не имеется никаких конкретных требований о необходимости информирования населения о наличии в продукте ГМ-компонентов. Хорошо хоть была обязательная маркировка продуктов, содержащих ГМО в размере более 0,9 %, но это вовсе не означает, что немаркированный продукт не содержит ГМО. В нем трансгенов может быть, например, полпроцента. А люди, покупая его, будут уверены, что употребляют чистую пищу! А после вступления в ВТО все преграды на пути ГМО и вовсе рухнули, и трансгены хлынули к нам сплошным потоком!

– Это верно, – невесело согласился Баранов. – Норма в 0,9 % никакого отношения к здоровью человека не имеет. Наоборот, она является лишним свидетельством того, что идет генетическое загрязнение планеты, и никто с этим ничего делать не собирается! Вместо того чтобы дать людям выбор, какими продуктами питаться, правительства вводят «нормы безопасного содержания ГМО». Абсурд!

В этой связи особенно показательно, как происходила ратификация вступления в ВТО. В 2012 году, летом, в разгар отпусков, чтобы поменьше будоражить общественное мнение. Тем же летом, за месяц, в Думе прошли парламентские слушания на тему «Законодательное регулирование оборота генетически модифицированных продуктов в Российской Федерации». Были заслушаны основные точки зрения на проблему, принадлежащие «заинтересованным» ведомствам, единодушно поддержавшим идею трансгенизации всей страны. Закончилось всё это вынесением нескольких рекомендаций, то есть, по сути, ничем. Более того, в рекомендациях, составленных по итогам слушаний, четко просматривается общее положительное отношение к ГМО. В итоговом документе прямо сказано, что, несмотря на отсутствие в России официального разрешения на высевание трансгенных растений, по данным Зернового Союза, предоставленным его президентом господином Злочевским, в Российской Федерации площадь засева только ГМ-кукурузы и ГМ-сои оценивается примерно в четыреста тысяч гектаров, не считая выращивания ГМ-картофеля и подсолнечника, а на Дальнем Востоке наблюдается проникновение ГМ-риса. Но никто не поторопился принять никаких мер, эта информация о прямом нарушении закона не вызвала ни бури, ни последствий. Незаконные ГМ-поля как существовали, так и продолжили существовать, да ещё и увеличиваться в размерах.

Показательной является и позиция основных сторонников ГМО, ратующих за скорейшее снятие всех ограничений на трансгены. Господин Онищенко, главный санитарный врач страны, в очередной раз назвал производство ГМО растительного происхождения для пищевых и кормовых целей перспективным социально значимым направлением развития современной биотехнологии. По его мнению, о высокой эффективности и перспективности ГМО свидетельствует рост посевных площадей. Только в период с 1996 по 2010 год площади посевов ГМ-культур возросли в мире более чем в шестьдесят раз. Также он с гордостью поведал, что в 2010 году ГМ-культуры выращивались в 29 странах. В целом посевы ГМ-сои занимают 81 % от всех мировых посевных, занятых соей. Площади посевов ГМ-кукурузы – 30 % от мировых посевных кукурузы, ГМ-хлопка – 64 %, ГМ-рапса – 23 %.

Учёный сделал глоток из кружки и пожал плечами:

– Я, право, решительно не понимаю, как рост посевных площадей ГМ-культур может свидетельствовать об их эффективности? Это свидетельствует об успешном проникновении ГМО в мировое сельское хозяйство, но выводы об эффективности всё-таки, может быть, лучше делать по сравнению урожайности традиционных и трансгенных культур? Но по этому пути наши оппоненты не торопятся идти. И это объяснимо. Ведь ещё в 2001 году в Австралии на данный вопрос дали исчерпывающий ответ. На опытных полях были получены урожаи канолы (генно-модифицированный рапс) и рапса традиционного.

В результате канолы собрали при однократной обработке «Раундапом» 97,7 тонн с гектара, при двукратной обработке 105,5 тонн с гектара. При традиционной обработке, исключая применение «Раундапа», канола дала 114,4 тонны с гектара. Трансгенный рапс принес с гектара 109 тонн, традиционный – 120 тонн. Не надо быть профессором математики, чтобы увидеть разницу. Не говоря уже о том, что расходы на «Раундап» не только сжирают всю экономию, которая должна была бы возникнуть вследствие отсутствия необходимости рутинной борьбы с сорняками. Более того, эти расходы превышают традиционные затраты, причем с каждым годом все выше, так как устойчивость сорняков к «Раундапу» растет. А вместе с ней растет и количество гербицида, необходимого для эффективного удобрения полей. За десять лет аграрии были вынуждены увеличить дозы химикатов в восемьдесят, а в отдельных случаях и в сто раз! Пахотные площади постоянно растут, но почему-то мир до сих пор не накормлен, да и с урожаями что-то не очень! Где же тут экономия и в чем эффективность?

Но господин Онищенко, похоже, обошел данные факты своим вниманием и настойчиво предлагает формировать позитивный имидж ГМО в обществе, создавать российские ГМО и широко внедрять транс-гены в агропромышленный сектор России. Ему вторит множество соратников по ГМ-лобби, например господин Тутельян, руководящий Институтом Питания РАМН, который, наоборот, должен защищать граждан своей страны от потенциально опасных продуктов, безвредность которых не доказана мировой наукой, и это общеизвестный факт. В той же когорте академик Скрябин, директор Центра «Биоинженерия» РАН, где разрабатываются отечественные ГМО, профессор Гапоненко, заведующий лабораторией Трансгенных культур Института Биологии и Развития РАН, и другие. Их очень немало, и все в один голос утверждают, что ГМО чуть ли не панацея от всего на свете: и от голода спасет, и здоровье укрепит, хотя четких и исчерпывающих научных доказательств подобного в мире не существует. Эта довольно своеобразная позиция заставляет задуматься об их мотивах.

Кстати, очень показательный факт: от имени Зернового Союза, одного из наиболее активных ГМО-лоббистов, на одном из заседаний Общественного Совета по Техническим Регламен-там в Области Безопасности технический регламент по трансгенным растениям представлял господин Львов. Ранее он возглавлял научный отдел представительства «Монсанто» в России. Но это конечно же совершенно случайное совпадение. Как и то, что сам Зерновой Союз создавался на деньги США, у них там, в руководстве, даже имеется специальный директор из Штатов, призванный надзирать за деятельностью Союза.

– Профессор Гапоненко – это доктор биологических наук, создатель ГМ-линий, работает с вами в одном институте, так? – уточнила Алена. – Тот учёный, что в июне 2012 года на передаче «Мозговой штурм» на ТВЦ Третий канал заявил, что нас в тюрьму надо посадить? За то, что наша книга «ГМО: Скрытая угроза России» попала на стол к Президенту? Что мы тем самым остановили прогресс науки в России?

– Он самый, – кивнул Баранов. – Кстати, к вопросу об остановке научного прогресса. В рекомендациях академика Лисицына, вице-президента Российской Академии Сельскохозяйственных Наук, подготовленных всё к тем же парламентским слушаниям 2012 года, прямо предлагается запретить по аналогии со странами Европы использование ГМО в детском и школьном питании для защиты здоровья детей, как наиболее уязвимой категории населения, а также в лечебно-профилактических учреждениях. Интересно, их тоже надо всех посадить за такое?

– Теперь об этом поздно переживать, – Шаройкина печально покачала головой. – Россия вступила в ВТО, и теперь наша страна открыта для трансгенов. Главный бой мы проиграли в 2013 году, когда по условиям членства в ВТО разрешили высеивание ГМО в России. Разрешили, прямо проигнорировав все накопившиеся к тому времени доказательства опасности трансгенов для здоровья людей и экологии!

– Это так, – с грустью признал биолог. – Но в действительности ГМ-лобби начало готовить своё наступление гораздо раньше. Судите сами: подготовка к вступлению в ВТО формально началась с 2006 года, когда 19 ноября министр торговли и экономики Греф подписал двустороннее соглашение между Россией и США о вступлении в ВТО с торговым представителем США Сюзан Шваб. Одновременно было подписано и «обменное письмо» по вопросам регулирования современных сельскохозяйственных биотехнологий. Как известно, закона, запрещающего создание и выращивание ГМ-культур в России, у нас нет. Но есть процедура получения разрешения на эти действия, без которого данная деятельность невозможна. Эта процедура включает в себя ряд условий, в том числе предварительные испытания научным сообществом спорных культур, проверку на биологическую и экологическую безопасность и так далее. Завершающим этапом этих мероприятий является заключение Государственной Экологической Экспертизы, которая, собственно, и принимает решение о допуске либо запрете рассматриваемого образца.

Первое, что потребовали от нас после вступления в ВТО, это отмены в отношении ГМО Государственной Экологической Экспертизы. В «обменном письме» сразу оговаривалась необходимость уже к 15 ноября этого же года зарегистрировать все линии ГМ-культур, заявки на регистрацию которых были поданы и в отношении которых имеется положительное заключение по оценке риска. Ежегодно российская сторона должна будет проводить консультации с американской стороной по вопросам продления срока регистрации трансгенных продуктов. Система регулирования в сфере биобезопасности и маркировки, то есть новые законы, технические регламенты и прочее, будет создаваться при согласовании с американской стороной, которая сможет вносить свои замечания даже на стадии реализации норм, эти замечания российская сторона обязана будет учитывать. Также стороны обязались в течение ста двадцати дней со дня подписания соглашения создать консультационный механизм для обсуждения вопросов развития системы регулирования сельскохозяйственной биотехнологии.

По сути, уже тогда это означало, что, вступив в ВТО, Россия попадет под беспрецедентное давление со стороны США. Список ГМ-продуктов, зарегистрированных для употребления в пищу, значительно расширится. Будут предприниматься активные действия по ликвидации механизмов, препятствующих высадке ГМ-растений на территории России. А также по отмене либо серьезному ограничению действия статьи закона «О защите прав потребителей», которая предусматривает обязательную маркировку продуктов питания, содержащих ГМО. Подписав это «обменное письмо», российская сторона фактически приняла механизм прямого лобби-

рования интересов США в области регулирования ГМО. Едва ли не все пункты подписанного «обменного письма» предоставляют американской стороне широкие возможности влиять на существующую систему регулирования ГМО в нашей стране.

– Мы сразу забили тревогу – произнесла Шаройкина, – и не только мы. Многие понимают, что вступление в ВТО ничем хорошим для нас не закончится. Но голоса активистов тяжело пробиваются через крепостную стену из банкнот, окруженную рвом из человеческой апатии и безразличия.

– О, стена из банкнот тут больше напоминает Эдельвейс, – усмехнулся Баранов. – Как я уже сказал, «обменное письмо» было подписано в 2006 году, но действовать транснациональные магнаты начали загодя, параллельно продвигая в нашей стране свои интересы.

В 2004 году убрали Торговую Инспекцию, государственный контролирующий орган, следивший за соответствием пищевых товаров положениям документации о сертификации, биобезопасности и ветеринарным нормам.

Позже были отменены ГОСТы на пищевую продукцию, которые строго регламентировали состав и содержание каждого продукта. Взамен ввели довольно невнятные Технические Условия, которые разрабатываются самими производителями. Сделано это якобы для экономии издержек производителей. Которые теперь могут, извините, пихать в свою продукцию всё, что вздумается.

Далее оказалась упразднена Хлебная Инспекция, в обязанности которой входил контроль качества хлебопродуктов, муки, зерна и тому подобного. Проверка на биобезопасность, микротоксина, отслеживание микропоказателей, качества упаковки, транспортировки и так далее.

В 2010 году отменена обязательная сертификация продовольственной продукции на безопасность. Помимо этого, в Москве закрывается МосГИК – Московская Государственная Инспекция Качества, независимая структура, подчинявшаяся лично мэру, отвечавшая за контроль качества пищевой продукции. Также в столице была отменена обязательная маркировка продукции «Не содержит ГМО» и закрыты шестнадцать лабораторий контроля за ГМО. И это очень показательно, так как примеру Москвы следовали многие российские регионы, и после изменений в столице их инициатива в области заботы о биобезопасности быстро угасает. Что интересно, – подчеркнул Баранов, – деньги, ранее выделявшиеся на работу этих шестнадцати закрытых лабораторий, а это пятьдесят миллионов рублей ежегодно, были перенаправлены на благоустройство кладбищ. – Учёный невесело вздохнул. – И в этом заключается не только ирония. Кладбища действительно требуют расширения, для захоронения не хватает места. А ведь это не случайно. Тела умерших стали разлагаться гораздо медленнее. Мы уверены, что это результат высокого содержания в них консервантов и прочей пищевой химии, обильно попадающих в организм живого человека с современной пищей. В результате бактерии оказываются не в состоянии справиться с процессом разложения трупа. В природе всё взаимосвязано, и бездумное вмешательство в её законы не проходит бесследно. Рано или поздно за все придется расплачиваться.

– Расплачиваться придется нашим внукам и правнукам, – Алена поставила на стол пустую кружку. – Особенно теперь, после того как в 2013 году Россия, подчиняясь требованиям ВТО, разрешила высеивание ГМ-культур и работу с ГМ-животными, одобрила промышленное производство ГМО, упразднила в отношении трансгенов Государственную Экологическую Экспертизу и отменила даже ту до смешного минимальную маркировку продуктов, что у нас была. Хотя я убеждена, что даже 0,9 % ГМО в пищевом продукте – это запредельно много. Теперь контролем за биобезопасностью трансгенов занимаются научные институты, кормящиеся с ладони ГМ-лобби. Если ничего не предпринять, это в конечном итоге приведет к потере биологического разнообразия. Оставшись без поддержки, исчезнут национальные породы сельскохозяйственных животных и традиционные сорта сельскохозяйственных растений. Мы будем полностью зависеть от зарубежных производителей ГМО: семена, племенной

скот, корма. И претензии не принимаются – всё защищено авторскими правами! Закончится это полной потерей продовольственного суверенитета, так как сырьевая база для сельского хозяйства будет нами утеряна. Это называется продовольственное рабство, вообще-то! Нам отдадут всю ГМО-грязь, что не могут продать в страны, решительно сопротивляющиеся трансгенам. Россия сейчас и без того является свалкой, свалкой радиоактивных отходов. Мы производим захоронение на своей территории ядерных отходов США, Японии, Германии, Франции, Болгарии и не только! А теперь ещё будем свалкой для ГМО-неликвида!

Она замолчала, вспоминая бесконечный континент из пустых пластиковых бутылок, застывший посреди Тихого океана. Научно-исследовательское судно серьезных размеров рядом с ним казалось песчинкой. Почему количество людей, не желающих быть рабами предприимчивых магнатов, в сравнении с общей человеческой массой всегда выглядит так же? Неужели большинству до такой степени всё равно... Алена тихо вздохнула и продолжила:

– Поэтому мы и возлагаем такие большие надежды на непринятие поправок в Закон об Экологическом Сельском Хозяйстве. Если поправки будут отвергнуты, у нас останется реальная возможность противостоять вторжению трансгенной заразы.

– Слушания состоятся через три недели, – произнес Баранов. – Мы сделали всё, что только было в наших силах, и даже больше. Сам Закон разработан более чем тщательно. Над его разработкой трудилось множество компетентных специалистов. Мы обеспечили частному производителю возможность выгодно заниматься экологически чистым сельским хозяйством. Это дало потребителю альтернативу, покупатель может делать выбор между органическими и трансгенными продуктами по своему усмотрению. Экологическое хозяйствование запрещает использование интенсивного земледелия: исключается крупная сельхозтехника, наносящая урон почве и окружающей среде в виде загазованности и утечки ГСМ. Запрещены пестициды, химические удобрения, ГМО, применение антибиотиков и гормональных стимуляторов роста для животных и многое другое. Абсолютно соответствуют нашему закону и данные мировой научной общественности.

Ещё 6 мая 2007 года на конференции Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), что проходила в Риме, было заявлено, что крупномасштабный переход мирового сельского хозяйства с индустриальных технологий на органические может не только остановить голод, но и улучшить состояние окружающей среды. Исследователи привели конкретные факты и цифры: на планете в тот момент производилось индустриальными технологиями продовольствия в количестве 2,786 килокалории на каждого человека в день. Если перевести мировое сельское хозяйство на органические технологии, то вполне достижима цифра в 4,381 килокалории. Ученые подчеркнули, что исследования были посвящены экономическим составляющим проблемы без учета политики и интересов продовольственных магнатов.

Тут необходимо добавить, что эти самые магнаты с органическим сельским хозяйством усиленно борются, ведь это конкурент, который ещё и успешно развивается. Во всем мире органические продукты ценятся выше других, их популярность растет, за последние десять лет мировые продажи органической продукции выросли в десятки раз. В 2006 году в Европе 10 % всех сельхозземель были заняты под органические культуры, их высевали в ста двадцати странах мира, и совокупная рыночная стоимость органических продуктов в мировом масштабе составила порядка сорока миллиардов долларов. Причем основной спрос на них был зафиксирован в Европе и Северной Америке. А последняя, как известно, является вотчиной ГМ-лобби. Поэтому владельцы и сторонники ГМО ведут непримиримую войну с органической конкуренцией, объявляя её неэффективной, слишком дорогостоящей и не способной решить растущую проблему голода в мире.

Кстати, не лишне отметить, что в 2008 году был представлен доклад ФАО о состоянии мирового сельскохозяйственного производства. В нем отмечается, что за последние пятьдесят лет объемы сельскохозяйственного производства были значительно увеличены, однако его

методы больно ударили по мелким производителям и нанесли значительный ущерб окружающей среде. В докладе говорится, что использование биотехнологий не является панацеей. В ряде регионов ГМО позволило увеличить урожайность некоторых культур на 10–33 %, в других она резко снизилась. При этом традиционные технологии, включая те, которые не предполагают использование удобрений, даже в 80-е годы давали прирост урожая до 33 % в частности по такой культуре, как пшеница. Авторы прямо указывают, что внедрение ГМО привело к концентрации сельскохозяйственных ресурсов в одних руках, тогда как для борьбы с голодом необходимо обеспечить доступ к этим ресурсам различным слоям населения. По мнению ООН, необходимо также поддерживать другие направления, а не делать акцент только на биотехнологии, то есть ГМО. Эксперты утверждают, что необходимо уделять больше внимания селекции и экологически чистому сельскохозяйственному производству. Отдельно в документе обсуждался вопрос патентования трансгенов, которое только усугубляет существующие проблемы, способствует росту стоимости зерна и фактически уничтожает традиции сохранения семян на следующий год. Говорится в докладе и о распространении трансгенов на поля традиционных и органических фермеров, которые в результате несут дополнительные убытки, выплачивая компаниям за использование их интеллектуальной собственности. Доклад подготовлен в рамках программы «Международная оценка сельскохозяйственной науки и техники для развития». Он стал результатом трехлетней работы около четырехсот ученых, правительств, представителей гражданского общества и частного сектора.

Авторы доклада рекомендовали срочно изменить правила сельскохозяйственной деятельности, отмечая, что доходы, полученные от сельскохозяйственного производства, распределяются неравномерно. Кроме того, прогресс в сельскохозяйственной сфере сопровождался негативным влиянием на окружающую среду. Исходя из этого, эксперты призвали государства больше внимания уделять вопросам защиты природных ресурсов и так называемым «агроэкологическим» методам ведения сельского хозяйства. Они рекомендуют применять натуральные удобрения и возродить традиционные способы хозяйствования, а также обеспечить прямой доступ мелких производителей к потребителям. ФАО подчеркивает, что все эти вопросы требуют срочного решения. Ведь с марта 2007 года цены на сою и пшеницу выросли соответственно на 87 % и 130 %, тогда как мировые запасы зерновых находятся на крайне низком уровне. Цены на рис, кукурузу и пшеницу будут и дальше расти за счет повышенного спроса, в частности в Китае и Индии, а также вследствие использования этих продуктов в качестве биотоплива. Уже сейчас 35 % земель во всем мире серьезно повреждены в результате сельскохозяйственной деятельности. Специалисты заявили, что в Северной Америке и в Европе заметно повысилось количество научных исследований в области сельскохозяйственного производства, финансируемых из частных фондов, что существенно повлияло на их направленность. В результате крупные мультинациональные корпорации оказывают сегодня огромное влияние на развитие сельскохозяйственной науки и ее приоритеты.

Я уже не говорю о прямом вреде здоровью человека, наносимом гербицидами! Об этом мы не устаем повторять на каждом углу, но люди упорно предпочитают оставаться глухими к нашим воззваниям! А ведь мы опираемся не на голые утверждения, мы оперируем научными фактами! Ещё в 2010 году группа ученых из Лаборатории молекулярной эмбриологии Университета Медицинской Школы Буэнос-Айреса, что в Аргентине, провела серьезные исследования. Они были связаны с тем, что после начала массового выращивания трансгенной сои в Аргентине, в провинциях, где непосредственно происходит высевание ГМ-культур, внутриутробные пороки развития у детей стали неуклонно расти. Проведенное исследование подтвердило, что проблемы со здоровьем младенцев в стране связаны с влиянием химиката глифосат, являющегося основным компонентом монсантовскот «Раундапа», которым поливают трансгенную сою. Руководитель научной группы профессор Андрес Карраско заявил об этом на прошедшей с 16 по 18 сентября в Брюсселе в Европейском Парламенте 6-й Конференции

регионов, свободных от ГМО. Научной основой такого заявления послужили данные экспериментов на эмбрионах животных. Специалисты в области молекулярной эмбриологии пришли к выводу о необходимости этого исследования после получения данных о высоком уровне врожденных дефектов в сельских регионах Аргентины, в частности, провинции Санта-Фе, где выращивается ГМ-соя компании «Монсанто». «Данные, полученные в лаборатории, сопоставимы с информацией о внутриутробных аномалиях у людей, которые все чаще стали возникать с 2002 года, когда был получен первый урожай трансгенной сои, – заявил тогда Карраско. – Моя работа даже не так важна, как опыт людей, реально пострадавших от использования “Раундапа”. Они являются неоспоримым доказательством моей правоты».

– Класс опасности «Раундапа» явно занижен, – согласилась Шаройкина. – Нетрудно догадаться, чьих это рук дело. Ведь основной целью генной модификации более семидесяти процентов ГМ-растений является именно устойчивость к глифосату. Поля не просто обильно поливаются этим химикатом, с каждым годом сорняки становятся всё устойчивее к «Раундапу», и дозы химикатов повышаются в разы. Остаточное количество глифосата остается в растениях и попадает в пищу человеку. И потому компаниям-разработчикам выгодно максимальное увеличение порога допустимой концентрации гербицидов в растениях, так как это позволяет им продать фермерам больше гербицидов и трансгенных культур. В Европейском Союзе после внедрения трансгенных культур этот показатель подняли до 20 мг/кг. Ранее эта цифра равнялась 0,15 мг/кг. Такое же увеличение предельно допустимых норм произошло до этого в США после выдачи разрешения на выращивание первой трансгенной культуры, устойчивой к «Раундапу». У нас в России до вступления в ВТО концентрация глифосата в продуктах оставалась на максимально допустимом уровне в 0,15 мг/кг. Но в 2013 году в угоду ВТО нормы были точно так же повышены.

Баранов лишь развел руками, давая понять, что страна становится всё более и более беззащитной.

– К сожалению, прислушиваться к нам – прислушиваются, но вот кардинально изменять ситуацию не торопятся, – произнес учёный. – Мы делаем всё, что в наших силах, дабы доказать вред ГМО, но наши возможности ограничены. Несмотря на это, нами регулярно проводятся научные эксперименты. Помните наш эксперимент на базе Института проблем экологии и эволюции совместно с Институтом биологии развития? Изучалось влияние ГМ-кормов на животных? Мы проводили эксперимент с августа 2008 года по май 2010 года и подготовили тогда подробный доклад, а кто в верхах обратил на него внимание?

– В очередной раз мы получили сразу две печальные картины, – подтвердила Шаройкина. – К сожалению, обе они были вполне ожидаемы. Первая заключалась в том, что животные, получавшие транс-генные корма, показали ярко выраженное отставание роста и развития в череде поколений, угнетение развития репродуктивной способности как у самцов, так и у самок, нарушение соотношения полов в выводках с увеличением доли самок и уменьшение числа детенышей в помете, вплоть до появления стерильных особей. Вторая же картина проста: на нас, как обычно, сначала вылили ушат помоев и критики, а после попытались проигнорировать результаты эксперимента. Хотя параллели между смешными хомячками и людьми провести совсем не так сложно, как может показаться: преобладание доли самок в популяции, как у хомяков, так и у людей, это один из признаков того, что популяция гибнет и природа пытается увеличить таким образом количество потенциальных матерей, чтобы восстановить численность популяции. Это известный любому биологу закон. И если посмотреть на человечество в целом, и на нашу страну в частности, то выводы можно сделать и не будучи ученым! В то время как во всем мире в целом мужчин больше, чем женщин, ориентировочно на тридцать миллионов человек, в России на каждую сотню женщин приходится восемьдесят пять мужчин. В реальных цифрах это выражается так: десять миллионов женщин у нас никогда не смогут образовать семью. Им попросту не хватит партнеров. Но, по мнению сторонников ГМО, их

трансгены и пестициды тут, разумеется, совершенно ни при чем. Наверное, это случайно произошло! Так, знаете ли, само по себе!

– Их лицедейство в области заботы о простых людях подчас напоминает мне поведение ребенка, – невесело улыбнулся биолог. – Когда неразумное дитё в отсутствие дома родителей разбило вазу, а по их возвращении заявило: «Это не я, она сама разбилась!» – Он возмущенно тряхнул головой и негодуя заявил:

– Я уже не говорю о знаменитом исследовании французских ученых из Университета Каена под руководством известного во всем мире специалиста Жиля Эрика Сералини, обнаруженном 19 сентября 2012 года. Это был широкомасштабный проект! В исследовании участвовало 200 крыс, оно продолжалось 24 месяца. Ранее столь длительных исследований в мире не проводилось. Эксперимент по скормливанню животным трансгенной кукурузы, устойчивой к гербициду «Раундап», от компании «Монсанта» привел к разрушению почек, печени, образованию опухолей размером с шарик для пинг-понга и преждевременной гибели. И это та самая ГМ-кукуруза, которой питается Евросоюз вот уже в течение двадцати лет! Есть ли смысл удивляться падению общего уровня здоровья в мире?!

Баранов сделал решительный жест:

– Вдумайтесь в эти результаты! От ГМО у млекопитающих разрушаются основные органы, они умирают! По элементарной логике трансгены вообще необходимо полностью запретить! – Он перевел дух и добавил более спокойным тоном:

– Так что в разработанном нами Законе об Экологическом Сельском Хозяйстве в России нет ничего авантюрного. И, тем более, нет ничего непродуманного или непросчитанного. Всё в полном соответствии с выводами мировых экспертов. Мы против индустриальных технологий. Мы приветствуем и предлагаем всячески способствовать применению естественных органических удобрений, мини-техники и гужевого транспорта, ручного труда и высеванию сопутствующих культур. Для того чтобы данный вид бизнеса был выгоден предпринимателю, необходимо введение налоговых льгот, поддержка семейных ферм, в общем, закон учитывает многое. Не говоря уже о духовной составляющей: общеизвестно и доказано, что занятие экологическим сельским хозяйством гармонизирует взаимоотношение хозяйственной деятельности человека и природы. Не наносится вред окружающей среде, а экологическая и биологическая чистота и абсолютная безопасность такой продукции позволяют оздоровить человеческую популяцию. Даже странно, что наш Закон имеет так мало сторонников, ведь он не является секретом, с ним можно ознакомиться в интернете.

– У интернет-аудитории другие приоритеты, – иронично усмехнулась Алена. – Очередной новый Айфон выходит, это же сверхсобытие! А вдруг опять какой-нибудь разъем изменят? Какое там сельское хозяйство, о чем вы! Остается надеяться на результаты слушаний...

Она замолчала, задумавшись. Сейчас от депутатов зависит едва ли не будущее страны, вот только понимают ли они это? Что окажется сильнее: долг избранника перед народом или личные интересы добравшегося до власти эгоиста? За примерами ведь далеко ходить не надо. Помнится, несколько лет назад в Москве был некий мэр, та ещё противоречивая личность. Но с ГМО он боролся. Его примеру следовали многие депутаты Городской думы. Но потом мэра поменяли, а вместе с ним тихо и незаметно поменялись и инициативы депутатов. Их голоса против ГМО звучат всё тише, если не сказать прямо – смолкли ещё до вступления в ВТО, продолжают борьбу лишь единицы. Вот и гадай теперь, что в умах у заседающих в Думе и насколько сильны там позиции марионеток «Выживания»...

Алена посмотрела на часы и перевела взгляд в окно, на запыленную автомобилями улицу. Час пик, самые пробки. Торопиться куда-либо уже поздно...

Домой в этот день рано вернуться не удалось. Список дел не уместился на странице ежедневника, и все, как обычно, неотложные. После окончания очередных непростых перегово-

ров часовая стрелка демонстративно уткнулась в цифру одиннадцать, и Алена лишь обреченно покачала головой. Николай снова одарит её таким взглядом, что неделю будет мучить совесть. Давно пора бросать все дела и мчаться домой, вот только позволить себе такую роскошь она могла далеко не всегда... Она невесело вздохнула, признавая, что вновь у неё есть все основания чувствовать себя виноватой.

– Поехали домой, – обратилась она к водителю. И добавила: Гели возможно, то побыстрее.

К тому моменту, пока добрались до дома, смотреть на часы было уже стыдно. Водитель проводил её до двери, попрощался и отправился парковать машину на стоянке неподалеку. Исследуя сумочку на предмет поиска ключей от квартиры, Алена отметила, что ему наверняка в очередной раз влетит от жены за такую работу. Выходит, что пострадавших из-за неё уже двое. Ключи наконец-то нашлись, и она зашла в квартиру, чувствуя себя разгромленным Наполеоном, возвращающимся домой после сокрушительного поражения. Николай встречать её не вышел, что ещё сильнее обострило и без того кусающееся чувство вины.

– Ник! – обреченно возвестила Алена. – Я дома! – Она сбросила обувь и пошла на поиски занявшего оборону любимого. – Никоша! Ты меня простишь? Я обещаю исправиться, на этот раз обязательно... надеюсь.

Ответом была тишина, зато в студии обнаружился сервированный для ужина стол с давно остывшими блюдами, и Алена с досадой закусил губу. Они же договаривались провести сегоднешний вечер дома, вдвоем, она совсем забыла об ужине с этими чертовыми кремлевскими шпионами, будь они неладны! Вот ведь беда... Настроение упало ещё сильнее. Это уже серьезное преступление, за такое кто угодно вправе обижаться, она уже и сама на себя успела обидеться. В стоящей в углу клетке зашевелился Сан Саныч. Угольно-черный ворон открыл один глаз, смерил её уничижительным взглядом и демонстративно глаз закрыл, выражая тем самым всё, что он думает о несерьезной хозяйке, проворонившей ужин при свечах. Не поспоришь, вздохнула Алена и побрела дальше. В спальне тоже было пусто, кровать стояла неразобранная, и она начала прикидывать варианты своей капитуляции, дабы избежать анафемы.

Но явки с повинной с последующим покаянием не состоялось. Войдя в кабинет, она нашла своего любимого спящим в кресле напротив рабочего компьютера. На двух мониторах перед ним медленно вращались трехмерные модели цепочек ДНК, возле которых в отдельных окнах пестрели раскладки хромосомных наборов и густо заполненные данными таблицы. Стол был завален одинаковыми потертыми флешками с приклеенными скотчем ярлыками, две точно такие же оказались вставленными в USB-порт системного блока. На ярлыке одной из них виднелась сделанная шариковой ручкой надпись «Лаб. № 3. Образец 19. 2-я тестовая группа». Надписи на остальных были выполнены в том же духе.

– Ник, любимый, я здесь! – Алена осторожно вытащила из руки спящего мышку.

Его глаза едва открылись, он непонимающе посмотрел на неё, устало нахмурился и пробормотал:

– Девятнадцатая тестовая группа демонстрирует крайне любопытную мутацию, однако боюсь, основной ген рецессивен... – и снова уснул.

Алена склонилась над любимым и поцеловала его в щеку, на что спящий отреагировал недовольной гримаской и вялым требованием:

– Необходимо оформить девятнадцатую в отдельный эксперимент... – на этот раз его глаза даже не открылись.

Она ласково погладила его по взъерошенной шевелюре и негромко произнесла, улыбаясь:

– Спи, надежда мировой генетики. Необходимо оформить тебя в кровать. Хорошо, что компьютерные кресла снабжены колесиками. Тот, кто их разрабатывал, явно знал, что делал, – Алена ухватила за спинку кресла и осторожно покатила спящего в спальню.

Утром её разбудил запах любимого кофе по-польски с индийскими специями. Открыв глаза, она увидела стоящую на туалетном столике дымящуюся чашку. Это хороший знак, значит, Ник не обижается на неё за вчерашнее. Ну, или не сильно обижается. Вообще-то он никогда на неё сильно не обижается, и именно от этого становилось стыдно ещё сильнее. С момента их знакомства и по сей день всю свою жизнь Николай распределил между ней и работой. Точнее, между работой и ней, пропадая в лаборатории часов по десять – двенадцать ежедневно. Они познакомились пару лет назад случайно, как-то мимоходом, на одной из деловых встреч с учеными, являющимися активными членами ОАГБ. Сорокалетний кандидат наук, потомственный биохимик, чей прадед был земским врачом и положил начало семейной династии, вот уже почти двести лет посвящавшей себя науке, работал в Новосибирском Академгородке и в Москву попал по переводу Академии Наук, высоко оценившей его научные работы. Науке Ник был предан до мозга костей. Хотя нет. На науке он был безнадежно помешан, а предан он был ей, посвящая Алене всё своё свободное время. Неожиданные букеты цветов и чашка кофе, поданная в постель, были его неизменными принципами, и в эти мгновения завораживающий взгляд его серых глаз заставлял её терять связь с реальностью. Изысканный, внимательный, интеллигент до мозга костей и Интеллектуал с большой буквы, знающий, казалось, всё и обо всём, – как говорится, «так не бывает». И первые месяцы их общения Алена даже взяла за правило напоминать себе, что в её возрасте чудес не случается и потому витать в облаках вредно с точки зрения техники безопасности – слишком высоко падать. Но время шло, а хуже не становилось. Зато она научилась чувствовать себя виноватой, когда возвращалась домой позже него, что из-за работы случалось довольно-таки нередко. Но вчера был явный перебор...

– Привет, гулёна! – Ник, сжимая в руке бутерброд, заглянул в спальню. Судя по причёске а-ля «сильно ударило током», он и сам проснулся недавно.

– Ты опять всухомятку! – немедленно набросилась на него Алена, – у тебя же острый гастрит, тебе нельзя, забыл?! Сильно захотелось язву?!

– Сильно захотелось кушать, – весело парировал Ник. – Вчера поужинать как-то не случилось.

– Никоша, прости, – сникла она, стараясь быть максимально белой и пушистой. – Я больше так не буду. Правда-правда! День выдался очень непростой, совершенно из головы вылетело...

– Да будешь, как всегда, не зарекайся! – шутливо отмахнулся он. – Не впервые. Но имейте в виду, Алена Викторовна, я вами недоволен! Вы не разбудили меня по прибытии, вследствие чего мои планы на вечер в целом и на вас лично в частности рухнули.

– Я компенсирую, – улыбнулась она, потянувшись за чашкой кофе, – обещаю. Сегодня же. В двукратном размере. Я, кстати, пробовала тебя будить, но ты так сладко спал, что я не решилась настаивать. Ник, только я тебя очень прошу, выбрось бутерброд, я не могу на это смотреть! Ты и без него на работе убил свой желудок. Потерпи пятнадцать минут, я тебя накормлю.

– Я уже разогреваю вчерашний ужин, – он скорчил рожицу, обозначая прозрачный намек.

– Поняла, – виновато вздохнула она. Похоже, до вечера ей припомнят вчерашнее преступление ещё не раз. Что ж, можно сказать, легко отделалась. Другим закатывают скандалы на неделю. Но Ник слишком воспитан, чтобы опускаться до подобных дрызг. От этой мысли вновь стало стыдно. – Давай, я дальше справлюсь сама, хорошо? – Алена поставила пустую кофейную чашку и выбралась из кровати. – А ты как раз что-нибудь сделаешь со своей гламурной укладкой!

Треп домашнего телефона застала её за сервировкой завтрака. Звонил водитель, просил разрешения подняться, ссылаясь на забытые ею в машине вещи. Смысла его слов она не поняла и потому пошла открывать дверь, пытаясь вспомнить, что же такого она могла оставить в машине, если вчера у неё с собой не было ничего, кроме сумочки и планшетника. К её нема-

лему удивлению, водитель вышел из лифта с никелированным чемоданчиком в одной руке и её мобильным телефоном в другой.

– Алена Викторовна! Что же вы не сказали вчера, что собираетесь ехать ещё куда-то! – укоризненно нахмурился он. – Я бы задержался, раз так необходимо для дела! Вот, в результате вы забыли в машине свой мобильный! – он протянул ей телефон. – И чемодан тоже! Вы не в аэропорт за ним ездили? Ночью, в одиночку? А если случилось бы что?

– Нет, что вы, это совсем рядом, недалеко было ехать, – экспромтом нашлась опешившая Алена, точно понимая, что не выходила ночью из дома, видит этот чемодан впервые в жизни, а по мобильному она отправляла смс две минуты назад. – Где вы это нашли?

– Так в машине же, – пожал плечами водитель, – в салоне, на пассажирском месте. Вы прямо там всё и забыли. Я сейчас забираю машину со стоянки, а оно там лежит. Куда поставить?

– Сюда, пожалуйста, – она сделала указующий жест. – Спасибо. Я наберу вас, как буду выходить.

Водитель ушел, и Алена принялась рассматривать «её» мобильный телефон. Вчера Галина предупреждала, что он будет точно такой же, как настоящий, но чтобы настолько... Совпала даже недавняя царапина, которую она поставила месяца три назад, когда случайно смахнула телефон с рабочего стола. Тут действительно немудрено перепутать. Новый телефон коротко зажужжал вибровзвоном беззвучного режима, и на дисплее высветилась надпись «Галина».

– Я слушаю, – ответила на вызов Алена. – Обязательно было устраивать такие шпионские страсти? Я уже не спрашиваю про правовой аспект этого шоу, но очень надеюсь, что в машине ничего не сломалось. И не появилось ничего лишнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.